

От судьбы
не уйдешь

Ирина Алапеева

Когда Арес в стенах детского приюта встречает четырехлетнюю Мелиссу, его желание сбежать оттуда пропадает. Она одним нежным прикосновением переворачивает всю его жизнь, полную невзгод и лишений. С тех пор он остается ее верным спутником. Никто в мире не любил Ареса, и он сам так никого и не полюбил, кроме нее. Мелисса же, напротив, стремится помочь всем, она не может посвятить свою жизнь только одному человеку. Напрочь лишенная амбиций, она готова пожертвовать собой и своей любовью ради помощи другим.

В стенах одного приюта дети вырастают совершенно разными людьми, с разным взглядом на жизнь, с разными ценностями и стремлениями. Только любовь друг к другу примиряет их. Арес способен измениться ради Мелиссы, совершать подвиги и рисковать жизнью. Но страшная правда встает между ними...

От судьбы не уйдешь

Часть первая Детство 1. Что это за место?

1. Что это за место?

Малышке было всего около трех. Она удивленно смотрела большими синими глазами по сторонам и не понимала, что это за место. У нее почти не было воспоминаний, а все что осталось, лучше было бы забыть маленькой девочке. Природа устроена так, что ей посчастливится, и она действительно все забудет.

Уже забывала. Помнила постоянные крики, грохот, почему-то билась посуда все время, иногда осколки долетали и до нее. Поэтому на руке у крошки был порез, который уже заживал, но не давал ей пока забыть о том, что она была в каком-то неприятном месте.

А это странное место отличалось тем, что здесь было тихо. Для девочки это было настолько необычно, что будь она постарше, то могла бы подумать, что оглохла. Она очень долго ехала в каком-то фургоне, ее укачало и тошнило. Кожа крохи все еще имела зеленоватый оттенок, но ей уже становилось лучше. Привела ее сюда тихая женщина, аккуратно, но твердо взяв за руку. Сопротивляться и проявлять волю малютка не привыкла, поэтому шла безропотно. Женщина привела ее в комнату и сказала посидеть на стуле. Раз сказали, она так и делала, боялась шелохнуться и слезть с этого стула. Потом женщина появилась снова и дала ей мятную конфету. Девочка в недоумении смотрела на этот дар, пока женщина не развернула обертку и не сунула конфету девочке в рот.

Какое великолепное ощущение на языке, столь необычное, что у девочки округлились глаза. Женщина улыбнулась и опять отошла. Потом вернулась в комнату в сопровождении еще одной женщины.

— Показывайте, кто тут у нас сегодня? — спросила вторая тоже на удивление тихим и спокойным голосом.

Девочка не различала возраста, но женщине было около сорока, строгое узкое лицо с интересом вглядывалось в малышку.

— Бросили возле приюта. С собой ничего нет, ни вещей, ни записки.

— Как тебя зовут? — спросила женщина.

Девочка молча смотрела на нее.

— Ты умеешь говорить? Где твоя мама?

Девочка молчала. Она боялась, когда к ней обращались, знала, что надо тихо сидеть: не мешать, не ходить, не плакать. Иначе побьют и будут кричать. То, что могли ударить, было не так страшно, а вот криков она боялась. Ребенок не понимал большую часть слов, это был просто шум, но от него она постоянно вздрагивала. Поэтому девочка молчала и изо всех сил старалась не расплакаться. Ведь интонации у женщин были мягкие, голоса тихие и участвующие, а это во все времена могло вызвать детские слезы.

— Не бойся, мы хотим тебе помочь. Ты знаешь, откуда ты или как зовут твоих маму и папу?

Девочка, наконец, молча покачала головой из стороны в сторону.

— А как тебя зовут?

Опять покачала головой.

— Ладно, будем оформлять, — грустно сказала женщина, села за стол и взяла какие-то бумаги.

— Так-так... как же тебя записать?

Она вопросительно глянула на собеседницу, но та только устало покачала головой. Фантазия ее иссякла еще несколько лет назад.

Женщина взяла толстую книгу с полки:

— Тогда наугад, — открыла, посередине, — Мелисса. Так-так-так... Самос.

Она начала оформление бумаг.

— Ну что ж, Мелисса, пойдём, — протянула ей руку вторая женщина, и девочка пошла за ней.

— Хорошее имя, очень хорошее. Сейчас будет обед.

И она повела новоиспеченную Мелиссу пустым длинным коридором. Девочка просто шла за ней следом, не озираясь, уставившись в пол. Казалось, ее ничего не интересует, только этот зеленый пол.

Наконец они дошли до большой комнаты, в которой вкусно пахло едой. Может кому-то запах казённой пищи и не показался бы вкусным, но в животе у девочки заурчало. Она не ела слишком давно, а то, что ела, вкусным никогда не было. В комнате было пусто, только стояло множество маленьких столиков и стульчиков, по четыре возле каждого стола. Девочку привела в восторг такая маленькая мебель, сделанная, словно специально для нее, и в глазах у малышки загорелся огонек. Еще очень слабый, намек на надежду, искорка радости. Женщина, которая вела ее за руку, как-то неловко резко повернулась, дернув малышку за руку и огонек погас, сменившись испугом. Многолетний опыт женщины позволил ей увидеть все перемены, произошедшие с девочкой, и она ласково заворковала:

— Смотри, какой столик, это для деток, таких же, как и ты. Садись на стульчик и будешь кушать. Тут тебе будет очень удобно. Сейчас принесу покушать. Она ушла в дальний конец комнаты и исчезла за дверью. Девочка, не шевелясь, сидела на стульчике и ждала.

Через несколько минут женщина вновь появилась, в руках у нее был поднос. Она дошла до Мелиссы и поставила еду перед ней.

— Давай я тебя покормлю. Или ты умеешь сама?

Девочка молчала, и только в глазах читался немой призыв о помощи. Она умела есть хлеб, овощи, но супа никогда не ела.

Женщина присела рядом на маленький стульчик, еле уместившись на нем, но она явно делала это не в первый раз и, зачерпнув ложку супа, протянула ребенку. Мелисса послушно открыла рот и проглотила суп. Вкус был необычный и восхитительный. Детскому организму не хватало именно его — простого куриного супа. Она доела все с ложечки, не пролив ни капли. Потом таким же образом съела котлету и овощное рагу. Остался компот и кусок яблочного пирога, и тогда Мелисса протянула руку к пирогу и взяла его сама. Женщина не мешал ей, и пока ребенок ел, она с ней разговаривала:

— Меня зовут Мередит. Но все дети вокруг зовут меня тетя Мери, бог его знает почему. Тебе у нас понравится. У нас много игрушек и других деток, будете разучивать танцы и песни. — Она спохватилась, — если не хочешь, можешь и не петь. Никто тебя здесь не обидит. Доела? Вот и хорошо, мы пойдём сейчас в комнатку, где ты будешь спать.

Они опять пошли рука в руке по длинному коридору. Мелисса не понимала, в какую сторону они идут. Коридор был бесконечный и пустынный. Иногда она слышала звуки, может голоса детей, разобрать было сложно. Да и опыта общения с детьми у нее почти не было. Несколько раз она играла во дворе с какими-то ребятами, но весьма кратковременно. Да и игрой это было не назвать, так, знакомство. Она протянула свой хлеб мальчику, а он

фыркнул. Потом дал ей солдатика и убежал. Еще через пару дней прибежал и забрал солдатика. Она не плакала (нельзя), а просто смотрела ему в спину. Его перехватила какая-то женщина, что-то сказала, тряхнув за плечи, и он побежал назад, сунул солдатика ей в руку и опять убежал. Больше не приходил. Была еще девочка постарше, она показывала ей свою куклу, которую катала в коляске. Мелисса не понимала, зачем она это делает и не видела интереса в такой игре. А солдатика она любила. Его можно было быстро спрятать в карман, и никто не знал, что он у нее есть.

Тетя Мери и Мелисса, наконец, дошли до комнаты, и женщина пропустила девочку вперед. Это была большая комната в ней рядами стояли кровати, Мелиссе показалось, что их очень много, но их было всего восемь. По четыре с каждой стороны. Яркие покрывала, тумбочки возле каждой кровати.

Мерedit подвела девочку к одной из кроватей и сказала:

— Вот здесь ты будешь спать. Запомнишь? Детки сейчас на занятиях, но скоро придут. Вот возьми этого зайчика. — Она достала с полки в углу плюшевого зайца и протянула Мелиссе. — Посадишь его на кроватку и будешь знать, где твоя.

Мелисса безропотно взяла зайца и села на кровать.

— Да уж, проблем с тобой не будет, — вздохнула Мерedit и погладила мягкие белокурые волосы девочки.

2. Я здесь не останусь

Мелисса прижилась в новом доме довольно быстро. Она никогда не капризничала и не плакала, а так как не говорила, то и не спорила. Если кто-то из детей хотел ее игрушку, она молча отдавала, не жаловалась и начинала улыбаться. Вопреки ее тихому нраву, дети не обжали ее, а наоборот, старались чем-то обрадовать. Приют св. Патрика был небольшим, и дети здесь были разных возрастов, в основном те, кому не удалось найти приемную семью. Мелисса была бы прекрасным претендентом на удочерение — она не болела и была очень милой — но она молчала, и это смущало приемных родителей. Никто не знал, насколько изранена ее душа и что там творится. Если бы они видели ее в обычной жизни, то ни у кого не возникло бы сомнений, что лучшего ребенка просто не найти. Она всегда и всем спешила помочь. Если дети разбросали игрушки в игровой комнате, то пока они спорили чьих рук это дело, она шла их убирать. В столовой помогала накрывать на стол. Персонал знал ее желание помочь и ей давали несложные задания: разложить ложки или хлеб, расставить салфетки, принести стульчик. Казалось, ей была необходима эта работа, и отказать девочке не могли.

На занятиях, наоборот, не проявляла себя, она просто молча сидела, словно выполняя повинность. Привлечь ее к выполнению несложных заданий не удавалось. Вместе с тем у воспитателей не возникало мыслей о том, что она отсталая, просто пока не пришло ее время. За год проведенный в приюте она так и не заинтересовалась ни пением, ни танцами, не играла в активные игры с детьми, зато с удовольствием наблюдала, как они бегают вокруг нее и тихонько улыбалась. Летом на улице дети несли ей цветы, найденные на лужайке, и она пыталась плести веночки. Все сокровища, найденные где бы то ни было, дети несли Мелиссе, зная, что у нее они будут в сохранности.

Воспитатели относились к девочке с двойственными чувствами. С одной стороны, они боялись ответственности за нее, за ее молчание и хотели бы снять с себя этот груз, с другой — более тихого и беспроблемного ребенка было не сыскать, и всем хотелось ее приласкать. Конечно, привязываться к детям персонал себе не позволял, выработав раз и навсегда для себя правило: относиться к детям, как к работе. Потому что никакой, даже самой широкой души не хватит на всех. Дети приходили и уходили и привязываться к ним не имело смысла. Никто бы не продержался долго на такой работе, привязываясь и теряя непрерывно. К тому же дети еще имели свойство просто попадать в передряги, а многие ненавидели весь белый свет.

Вот такого мальчишку и увидела этим утром Мелисса. Она шла по коридору к кабинету директора. У нее было очень ответственное задание — донести директору, не расплескав, горячий чай. Никому другому ее возраста такое бы не поручили, но Мелисса заслужила доверие и прекрасно это понимала. Благополучно добравшись до двери в кабинет, она осторожно поставила поднос на пол и открыла дверь. Из глубины кабинета тут же донеслись крики, и Мелисса в нерешительности остановилась. Ей было очень страшно — кричат это плохо. Но потом она подумала, что все-таки должна отнести чай и, преодолевая страх, она медленно пошла вперед, держа дрожащими руками поднос с чаем. Пройдя вглубь кабинета, она увидела мальчика лет шести, которого держал за руку воспитатель-мужчина. Мальчик изо всех сил пытался вырвать руку и кричал:

— Я здесь не останусь. Слышите, ни за что. Сволочи, отпустите.

Воспитатель изо всех сил старался удерживать мальчика, а директор сидела с каменным лицом за столом.

— Я вас всех ненавижу, отпустите, — мальчик с такой силой рванул руку, что ему удалось освободиться от цепкой хватки воспитателя, и он по инерции отступил назад и налетел на Мелиссу. Он угодил прямо в горячий чай, который вылился на него, большей частью на голую руку. Чашка упала на ковер, а Мелисса со страхом уставилась на это. В ее голове была только одна мысль, что она не справилась с заданием и теперь ей больше не поверят. Она медленно подняла глаза на мальчика и увидела в его глазах слезы. Кипяток сделал свое дело, и на руке ребенка уже появился волдырь. Мальчик крепился изо всех сил, чтобы не заплакать, но слезы сами потекли из его глаз. И, увидев это, Мелисса протянула к нему руку и сказала:

— Тебе больно?

Она взяла другую его руку и нежно провела по ней пальчиками, стараясь утешить. Эта маленькая ласка перевернула всю жизнь мальчика. Он ощутил такое в этот момент, чего не ощущал никогда в жизни: ласку, заботу. Он и не предполагал, что такое вообще возможно. У него по коже побежали мурашки, и он забыл об обожженной руке и о директоре, и обо всем на свете, сосредоточившись только на приятном ощущении мягкой ручки Мелиссы. Она продолжала его гладить, сама забыв о разлитом чае, впервые найдя свое призвание — утешать.

Поверх голов детей, директор и воспитатель с изумлением смотрели друг на друга. Мелисса заговорила! Нормально и полноценно, словно говорила так всю жизнь. Конечно, мальчик не знал, что девочка не говорила целый год, но он притих в ее руках, не отстранялся и больше не кричал.

Он как замороженный рассматривал ее ручку, маленькие пальчики, ногти — коротко и аккуратно подстриженные. Пальцы медленно и плавно пробегали по его руке сверху вниз, а потом опять и опять. Малыш не решался оторвать взгляд от ее руки, в страхе, что тогда она прекратит. Но все же он посмотрел на девочку. Мелисса тоже заглядывала ему в глаза снизу вверх, и их взгляды, наконец, повстречались. Два одиноких ребенка нуждающихся друг в друге. Мелисса хотела помочь, а мальчик жаждал этой помощи. Потом девочка сказала мягким детским голосочком:

— У нас очень хорошо. Много игрушек и интересных игр. А еще есть двор, там песочница и много цветов летом.

Директор поняла, что Мелисса взяла на себя роль взрослых и повторяла их слова. Но то, что она сама пыталась объяснить только что этому мальчишке, он и слушать не хотел, а слова Мелиссы возымели действие.

— Ладно, я остаюсь, — сказал он.

— Очень хорошо. Давай запишем твои имя и фамилию, — обрадовалась директор. Воспитатель просто молча стоял рядом, боясь спугнуть ребенка.

— Арес Коулд.

Мужчина содрогнулся: «Ну и имя», — подумал он. — «Проблем с этим мальчишкой не оберешься».

— Очень хорошо, Арес. Я директор приюта миссис Джонас. Это твой воспитатель мистер Брукс.

Арес промолчал. Ему хотелось знать, как зовут девочку, но ее не представили. Мелисса продолжала держать его за руку, и ему не надо было больше ничего на свете. Хотя мальчуган

все же хотел показать, что слово осталось за ним, и что терять свою независимость он не собирается. Арес вырвал свою руку из маленькой ручки Мелиссы и гордо сложил руки на груди.

— Мистер Брукс, проводите детей, а мне нужно оформить бумаги на Ареса Коулда.

У директрисы не было предрассудков относительно имен воспитанников, она никогда не придавала этому значения, но имя Арес Коулд и у нее вызвало внутреннюю дрожь, это было либо предчувствие, либо интуиция, она и сама не понимала.

3. Арес

Чудесных метаморфоз не произошло, и Арес Коулд очень плохо приживался в приюте. Как и многие здесь, он потерял родителей когда ему не исполнилось еще и трех, и опеку над ним получил его дядя. Мужчины в семье Ареса были очень крупными, и маленькому мальчику этот незнакомый человек казался горой. Он плохо понимал, что происходит и почему он едет к дяде, а тот и не пожелал ничего объяснять. В маленькой хижине на окраине города почти не было удобств: ни постельного белья, ни занавесок на окнах, ни уж тем более детской комнаты и игрушек. Поначалу дядя не обращал на мальчика никакого внимания, и ребенок сам добывал себе пропитание, определив, где находится холодильник. Он так боялся чужого человека, что не решался и пикнуть, а когда тот спал и сотрясал своим храпом дом, Арес забирался под кровать. Ему казалось, что дядя вот-вот превратится в чудовище и съест его. Днем тот уходил куда-то и запирали ребенка, а приходил только вечером, чтобы выпить пива и лечь спать. Он не пытался общаться с Аресом, купить тому одежду или сладости. Как-то раз Арес набрался смелости и попросил у дяди сводить его куда-нибудь. Просто чтобы выйти из дома, хоть на площадку для детей или просто в парк. На что этот огромный человек в изумлении поднял густую бровь и издал звук похожий не то на рык, не то на раскат грома. В ужасе Арес убежал в маленькую каморку, служившую ему комнатой. Там он сжался на кровати и молился, чтобы дядя не последовал за ним. Но дядя, видимо, и не собирался этого делать, потому что спустя некоторое время воздух сотряс его мощный храп.

Так они и жили. Дядя его был не то чтобы плохим, но он просто не понимал, зачем нужны дети и что им надо. У него была куча своих проблем: отсутствие работы, и тяжелая болезнь, съедающая его тело. Когда ему предложили опеку над племянником, которого он никогда в глаза не видел (так как не общался с братом десять лет), он согласился. Ему сказали, что он будет получать неплохое пособие на ребенка, и дядя посчитал это божьим откликом на его молитвы о деньгах. Он без зазрения совести получал пособие и тратил его на себя, ни на секунду не задумываясь о нуждах мальчика. Если бы ему сказали, что он должен на эти деньги покупать ребенку игрушки, одежду, книги и водить его в зоопарк, он бы очень удивился и отказался бы от такого опекуна. Но никто не сказал ему ничего подобного, и они так и жили почти год.

У Ареса произошла сильная задержка в развитии. Когда он попал к дяде, он хорошо говорил, но за год практически разучился. Он смутно представлял себе, что есть другие дети, и какие бы то ни было взаимоотношения между людьми. Он напоминал скорее какого-то зверька, которого завели в доме ради забавы, а потом забыли, и вынужден был сам о себе заботиться. Почти весь день он слонялся по дому, заглядывая периодически в холодильник, в котором не бывало ничего кроме сосисок и пива. Он научился открывать пиво, подглядывая, как это делает дядя, и не видел ничего необычного в этом напитке. Было горьковато поначалу, но он быстро привык, и ему нравилось подражать дяде. Потому что большего он все равно не знал. Иногда дядя манил его пальцем и, приобняв, засыпал, придавив ребенка. Арес тогда мог пролежать несколько часов в неудобной позе, боясь пошевелиться и выбраться из-под его руки, слушая громоподобный храп. Но вместе с тем он испытывал удовольствие, потому что это было все же какое-то проявление внимания.

Однажды утром Арес вышел из каморки, чтобы найти что-то в холодильнике. Обычно в это время дяди уже не было. Он уходил рано и возвращался очень поздно. Но в это утро он увидел дядю лежащего на кровати. Арес испугался и хотел было вернуться к себе, но голод взял вверх и мальчик прошел к холодильнику. Потом он опять слонялся по дому и делал все что обычно, но дядя так и не проснулся. Ни на этот день, ни на следующий. Так Арес провел с мертвым телом почти неделю. От него исходил ужасный запах, и Арес не понимал, почему дядя так долго спит и не шевелится. Он просто стал обходить его стороной, а так ничего не изменилось. Правда пиво и сосиски закончились, и мальчик стал есть все, что еще можно было найти на кухне: сухую лапшу, засохший хлеб, соленые орешки и крекеры, в которых давно уже жила моль.

А потом случилось что-то странное. В дверь застучали. Громко и настойчиво.

— Мистер Коулд? — раздался мужской голос из-за двери. — Мистер Коулд, с вами все в порядке? Если вы дома откройте, пожалуйста.

Арес притаился в комнате, испытывая ужас от этих звуков. Потом они стихли, но на следующий день возобновились. К ним прибавились еще и другие голоса, и потом раздался жужжащий звук — это вынимали замок.

Конечно, маленький Арес не понимал того, что происходит, и в его душе творилось такое смятение, что еще немного и ребенок сошел бы с ума. Дверь открылась, и на пороге замаячили фигуры, а Арес потерял сознание.

То, что увидели пришедшие, повергло их в не меньший ужас, и будь среди них женщины, возможно, тоже бы кто-то упал в обморок. Посреди грязной захлавленной комнаты стоял диван, на котором лежал разлагающийся труп. Запах в помещении был такой, что кто-то выбежал и его стошнило. Без сомнения на диване лежал бывший мистер Коулд, а в углу лежал маленький мальчик, с сильной стадией истощения, худой, как после концлагеря, грязный, как помойный кот, с волосами до плеч, никогда не знавшими расчески.

Когда он поступил в больницу, врачи констатировали крайнюю степень истощения. По документам мальчику было четыре года, но весил он меньше, чем в три. Он не говорил и, казалось, не понимал, что говорят ему. К тому же от яркого света и громких голосов он все время забивался под кровать или в шкаф. Очень сложный случай и работы предстояло много. Желудок ребенка не воспринимал никакую пищу, к тому же он был алкоголиком. Через полгода речь к нему вернулась, но психика претерпела сильные изменения. Когда его физическое состояние пришло в норму, мальчика отправили в специальный приют, но там, среди множества таких же детей, Арес потерялся. Не понимал, как с ними общаться и все контакты заканчивались проявлением агрессии. Привыкший жить в одиночестве, он рьяно отстаивал свое жизненное пространство, не позволяя никому приближаться. Подобного отношения к вещам у него, наоборот, не было, и он брал, что хотел. Дети заливались слезами, когда Арес забирал у них любимую игрушку или конфету, и как бы взрослые не объясняли ему, что так делать нельзя, он не понимал почему. Психологи приюта провели с ним долгую и трудную работу, другой персонал тоже пытался научить мальчика всему тому, что он не умел: умываться, чистить зубы, убирать вещи на места, играть в разные игрушки. Общаться с детьми. Но персонала не хватало, а в приюте было много детей со своими трудностями, поэтому достаточного внимания проблемному и агрессивному Аресу уделить не могли. Он провел в специальном приюте полгода и его перевели в детский дом, где он стал претендентом на усыновление. Мальчика взяли в приемную многодетную семью, но справиться с ним там не смогли. Он вносил такой дисбаланс в устоявшиеся обычаи семьи,

что каждый день доводил до слез приемную мать. Мягкая женщина была не в состоянии справиться с ним, а такое наказание как запереть одного и подумать над своим поведением, принятое в их семье, не возымело никакого действия на Ареса. Он мог часами сидеть в комнате, а потом делал что хотел.

Они вернули мальчика, и так начался путь Ареса по разным приемным семьям. Многие, услышав его жуткую историю, хотели помочь и брали трудного ребенка на воспитание. Но справиться с ним так никто и не смог, и его отдавали назад. Это еще больше злило Ареса, который стал ненавидеть все приемные семьи и всех детей, которые оставались там, в то время как его отдавали назад как ненужную вещь. Глубокая неприязнь ко всему окружающему поселилась в душе Ареса, этот мир казался ему враждебным и злым, не готовым принять его.

Таким он и попал он в приют св. Патрика, куда попадали в основном дети отказники, которых уже никто не хотел брать из-за болезней, физических или психических отклонений.

И справиться с ним удалось только маленькой Мелиссе, которая единственная за три года мытарств мальчика сделала то, что никто не додумался: приласкала его и полюбила. Для него она стала чем-то таким же чуждым этому злему миру, как и он сам.

4. Малышка Мелисса

Когда весть о том, что Мелисса заговорила, облетела приют, все захотели с ней поговорить. Многие суеверные дети и персонал считали, что она отмечена богом, а так как характер у Мелиссы был ангельский, то считали, что она и есть маленький ангел, посланный богом в приют св. Патрика. Мелисса не понимала этого вообще и на вопросы о том, почему она молчала, практически ничего вразумительного не могла сказать.

Психологам тут же захотелось ее тестировать, и они старались на славу, но никаких конкретных выводов сделать не смогли. Развитие ее соответствовало возрасту и никаких отклонений специалисты не нашли. Проявлять интереса к занятиям девочка тоже не стала больше, и говорила она все равно очень мало. Но, тем не менее, все стремились к ней. Возле Мелиссы постоянно кто-то был, и Арес испытывал на всех этих людей сильнейшую злость. Он сам не мог открыто проявлять интереса к девочке, но стремился к ней всей душой. Мальчик не понимал этой тяги, а анализировать, конечно, ребенок еще не мог, но воспоминание о том прикосновении накрепко засело у него в душе. Это воспоминание осталось с ним навсегда. Маленький Арес не старался вливаться в коллектив, не принимал участия в играх и сторонился других детей. Но, вместе с тем, все время пытался оказаться где-то рядом с малышкой, пройти мимо, ловя ее взгляд и мечтая о прикосновении.

До сих пор никаких сильных чувств, кроме страха, он не испытывал. Потом появилась злость, граничащая с ненавистью на всех людей, что пришли и забрали его от дяди, от привычного устоя его жизни и от пива. Он не мог понять, почему ему нельзя пиво, которое раньше он пил каждый день, не понимал, что дядя умер и злился, злился, злился. У людей пытавшихся достучаться до Ареса опускались руки, а детей откровенно пугали его глаза — серые, холодные, очень глубокие. В них не было ни капли тепла, он не знал его и не ведал, что это такое. Мальчик был очень крупным и в свои шесть выглядел старше чуть ли не на два года. И только Мелисса вызывала в нем что-то совершенно противоположное тому, что он испытывал до сих пор. Арес хотел разобраться, понять, но для этого ему нужно было быть рядом с ней, может, взять ее за руку?

Арес никак не мог найти предлога и весь измучился, пока не разбил стакан и не порезал себе палец. Сделал он это умышленно, и его действия возымели успех. Мелисса мгновенно оказалась рядом и взяла его за руку. Кто-то из детей позвал воспитателя, а она утешала его. Получивший что хотел, Арес стоял в недоумении, купаясь в новых ощущениях, которые волнами захлестывали его, не обращая внимания на кровь, капающую с пальца. Теперь не было ненависти, хотя чувство, захлестнувшее Ареса, было трудно идентифицировать в этот момент. Он так ничего и не понял, кроме того, что быть рядом с этой маленькой девочкой очень приятно и она ему нужна.

Мелисса проводила его в медпункт, держа все это время за руку, но там ее отправили назад, и у Ареса тут же вспыхнула ненависть к медсестре.

Мелисса была большой аккуратисткой, у нее все всегда должно было быть на своих местах: игрушки по полочкам, наборы собраны, альбомы сложены аккуратными стопочками. Она была просто находкой для воспитательниц, которые чаще всего терпеть не могли собирать игрушки.

В приюте старались создать условия максимально приближенные к жизни обычных

детей. Старшие дети ходили в ближайшую школу, с малышами занимались в приюте. Так как у Мелиссы и Ареса была разница в два года, они почти не виделись.

Проблемой большинства детей в подобных заведениях является то, что они не воспринимают других детей как друзей и товарищей. Они являются друг для друга всего лишь монотонным фоном их жизни, незаметны и не нужны. Выбиваются они из этого фона лишь как соперники или конкуренты. Дети практически не играют друг с другом, если их не организовать в коллективную игру. Как только игра заканчивается, дети тут же разбредаются кто куда, занимаясь своими делами. Такой же была и Мелисса. Она не замечала Ареса и вообще кого бы то ни было из других детей. И только если с кем-то случалась беда, она выходила из этого состояния безразличия к окружающим и хотела помочь всем сердцем. То, что подобное могло натолкнуть Мелиссу на взаимодействие, сочувствие и сострадание можно было назвать даром свыше, которым обладала только она. Потому что большинство других детей не испытывали ничего подобного и оставались равнодушны к чужим страданиям.

В основном же для нее было важно внимание и одобрение взрослых. Этого не хватало абсолютно всем воспитанникам, потому что персонала было катастрофически мало. Мелиссе очень хотелось, чтобы ее хвалили, поэтому она хвостом ходила за тетей Мери и старалась той помочь. Ей хотелось слушать разговоры взрослых, пусть она не понимала в них почти ничего, но сама речь ее завораживала. Тетя Мери шла разговаривать со своей подругой по телефону, а Мелисса оказывалась рядом, и Мери усаживала ее к себе на колени и болтала по полчаса, а Мелисса слушала. Так она узнала, что можно связать носки, если распустить старую кофту, как испечь яблочный пирог и где дешевле покупать продукты. А еще, что племянник тети Мери откуда-то недавно вышел и мучает снова мать. Откуда он вышел, Мелисса не поняла, но уяснила, что человек он нехороший и все его боятся. Тетя Мери надеется, что уж в святое место он не сунется, и Мелисса смогла сделать умозаключение, что приют, в котором она живет, является неким убежищем, где она под защитой святых. Что ничего ей здесь не угрожает, а так же и тете Мери. Мелисса узнавала много нового, но больше всего ей просто нравилось слышать журчание голоса старой женщины, и она часто засыпала у нее на руках. Тогда Мередит говорила своей собеседнице:

— Ну вот, опять малышка Мелисса заснула. Ну что за чудо этот ребенок! Его послал сам Бог на эту землю. Вот помяни мои слова, много добра сделает эта девочка. Натерпелась она, видимо, бед в своей жизни до того как попала сюда. Но директор-то наша говорит, что не будет отдавать Мелиссу в приемную семью, во всяком случае, пока мы точно не будем знать, что с ней все в порядке. А по мне так и хорошо, пусть она здесь всех согревает своим теплом, маленькая пчелка[1].

[1] Мелисса означает пчела.

5. Приют святого Патрика

Приют, в котором оказались Мелисса и Арес, был основан в восемнадцатом веке при католической церкви. Тогда много несчастных детей нашли спасение в его стенах. Изначально они все ютились в небольшом ветхом здании подле церкви. Это здание могло принимать до ста нуждающихся. В те времена многое повидали стены приюта, то, что обычно и является спутником подобных мест — горе, слезы, усталость и страх.

Со временем неподалеку от церкви построили новое здание, и приют переместился туда. Простое серое строение было довольно безлико. Хоть и стояло оно здесь с середины девятнадцатого века, никаких привидений здесь не водилось, люди не пропадали, таинственного не происходило. Ничего такого, о чем можно посудачить детям ночью перед сном. Если и были происшествия в этом доме, то чисто бытовые и обыденные, чаще всего дети, поступающие сюда, навидались в своей жизни вещей во сто крат страшнее.

Дом был двухэтажным и имел прямоугольную форму. Весь его внешний вид говорил о том, как уныло здесь жить: серые стены, белые окна. Небольшое крыльцо вело к такой же серой двери. И хоть само здание, а так же окна и двери, каждый год шпукатурились и красились, ничего не менялось в его облике. Это было частью политики директора, которая считала, что никому не должно прийти в голову, что в приюте может быть кому-то весело и что жизнь здесь легкая. Здание должно говорить о горе, постигшем детей, о желании лучшей участи, должно вызвать сострадание и желание забрать детей оттуда и дать им дом, выкрашенный розовой краской, двор с качелями и зеленую лужайку с утятами на ней. Но внутри здания вовсе не было так уныло, комнаты детей были яркими и веселыми, такими, какими и должны быть комнаты детей: с цветастой мебелью, обоями с любимыми героями, яркими занавесками и покрывалами на кроватях. За зданием был уютный двор с лужайкой и цветами, которые выращивали сами воспитанники. Еще у них был свой огородик, на котором они сажали овощи, а потом с радостью ели урожай. Это было одним из способов приобщения к труду и почти всем детям нравилось этим заниматься.

Здание приюта было условно разделено на две половины. В одной части находились служебные помещения, кабинет директора, игровые и классные комнаты, актовый зал, подсобные помещения. В другой — жили воспитанники. Жилая часть располагалась на втором этаже и разделялась на две половины небольшим холлом. Справа от холла жили девочки, слева — мальчики. И у девочек и у мальчиков было по две большие спальни. Дети размещались там, как хотели, никаких строгих ограничений не было. Однако чаще всего старшие жили отдельно, не пуская малышей к себе. У них появлялись свои тайны, и попасть поскорей в спальню старших было заветной мечтой всех малышей. Для них это означало некий переходный этап, взросление, из этой комнаты было рукой подать до колледжа и взрослой жизни.

Кроме того между спальнями находились небольшие комнаты воспитателей, которые круглосуточно должны были присматривать за детьми.

В настоящее время приют вмещал тридцать восемь воспитанников. Шестнадцать девочек и восемнадцать мальчиков возрастом от трех до шестнадцати лет. Большинству детей, попадающих в стены приюта, старались найти приемные семьи, а если не получалось то детей оставляли до того момента, когда они могли найти себе работу или поступить в

колледж. Тогда связи детей и приюта должны были бы обрываться, но многие воспитанники и после колледжа приезжали в стены дома, взрастившие их. Некоторые из них достигали действительно высокого положения в обществе и всячески помогали приюту. Материальных затруднений приют не испытывал возможно еще и оттого, что ему повезло с руководством. Директор Мэй Джонас посвятила свою жизнь социальным учреждениям и вот уже двадцать пять лет работала в этой сфере. Директором приюта она стала восемь лет назад и не видела себя больше ни в какой другой роли. Она считала, что достигла наивысшей точки в своей карьере, и ее все устраивало. Терять это место директор не хотела, и дела ее были прозрачны, а сама она была чиста как стекло, омытое океаном.

У Мэй Джонас имелась семья: муж и двое детей, поэтому занималась она приемными детьми отнюдь не оттого, что не реализовалась как мать. Но некое чувство вины, поселившееся еще в молодости у нее в душе, заставляло женщину посвятить свою жизнь страждущим. Конечно, миссис Джонас не готова была снять с себя последнюю рубаху или не отправить родных детей в престижный колледж, но одно то, что она не присваивала пожертвований, ставило рядом с ее именем большой восклицательный знак. Она всегда старалась узнать как можно больше о новом воспитаннике, чтобы знать, чего ожидать от него самого и его родственников. Женщина она была любознательная и всегда готова была экспериментировать и пробовать применять новые методики в воспитании детей. Благодаря этому у них в штате был прекрасный психолог, который старался развивать детей всесторонне. Именно он посоветовал устроить детей в обычную школу. Там их кругозор заметно расширялся, и дети могли дружить с одноклассниками. Их часто водили на экскурсии или просто гулять в парк, они могли посещать разные кружки и спортивные секции.

Конечно, приобщали детей и к религии — специальные уроки, где рассказывалось о Боге и его царстве, знакомили с библией, учили псалмы.

В целом приют святого Патрика становился домом для многих детей, его стены с теплом вспоминали позже воспитанники. Большинство детей не задерживались надолго, но те, кто все же оставался до конца, любили его как родной дом. Уже взрослыми они не раз возвращались для того, чтобы побродить его коридорами, полюбоваться из окон на садик, вдохнуть атмосферу умиротворения, которая царила здесь. Может, сам дом находился на пересечении каких-то энергетических линий, которые и создавали эту спокойную атмосферу, кто знает? Ведь дело тут было ни в персонале, который многократно сменился за годы существования дома, ни в ремонте, ни в самих жильцах. Он просто стоял, как нечто вечное и незыблемое, неподверженное моде и катаклизмам. Бывают страшные здания, с плохой атмосферой и аурой, которые пугают одним своим видом. Но в мире все стремится к гармонии и как противопоставление им бывают и такие, как приют святого Патрика.

6. Воспитательные меры

Детей в приюте старались все время чем-то занять, день их был четко регламентирован. И хоть психологи не одобряли подобного, но добиться дисциплины по-другому было невозможно. Такая упорядоченность являлась большой проблемой, ведь дети, выросшие в подобных условиях, очень плохо адаптировались в жизни. Им казалось, что за них кто-то должен все решить, принятие самостоятельного решения, даже по мелочам, вызывало нервное напряжение. Оставаясь без постоянного надзора взрослых, такие люди оказывались подвержены любым ситуативным влияниям. Вот почему среди воспитанников детских приютов много алкоголиков, наркоманов и преступников. Когда дети становились старше, им старались дать свободу выбора, поощряли инициативу, но все это было малорезультативно.

С Аресом Коулдом дело обстояло иначе. Этот ребенок проявлял яркую индивидуальность с самого первого дня. И хотя он смирился со своим пребыванием в стенах приюта, но свыкаться с правилами, заведёнными здесь, он не собирался. Его поведение доводило до белого каления обоих воспитателей мужчин, которые были приставлены к мальчикам. Женщины вообще не могли справиться с этим ребенком и часто в слезах уходили к себе. Их слезы не вызывали сочувствия у Ареса, он рассматривал их как любознательный ребенок разглядывает бабочку, приколотую булавкой. Его умное лицо с холодными серыми глазами бесстрастно взирало на такое явление как слезы взрослых. Детские слезы тоже не вызывали в нем сочувствия. Скорее они злили его.

Арес не хотел делать то, что ему говорили. Он не хотел убирать постель, не хотел копаться в саду с остальными и ел только то, что ему нравилось. В первый же день школьных занятий Арес просто встал и ушел из класса. Учительница пыталась догнать его и вернуть, но он просто не отреагировал на оклики. Она позвонила воспитателям, и всю школу подняли на ноги в поисках Ареса. Нашли мальчика на чердаке (как он туда пробрался, оставалось загадкой). Он просто сидел там в одиночестве и наблюдал за голубями. Ребенку необходимо было жизненное пространство, как объяснил психолог. Ареса угнетал постоянный надзор взрослых, комнату он делил еще с пятью мальчиками. Они побаивались его, поэтому постоянно исподлобья наблюдали за Аресом. Ощущая взгляды соседей даже спиной, он хотел придушить соглядатаев. Все это не способствовало душевному равновесию ребенка, а только злило еще больше и вносило сумятицу в детскую неокрепшую психику. Когда директор спросила, почему он ушел из класса, Арес ответил, что не мог выносить сразу двадцать пар глаз, следящих за ним. Директор про себя согласилась с тем, что его, как новичка, вероятно, действительно разглядывали, поэтому не стала применять никаких дисциплинарных мер. Она попыталась объяснить Аресу, что учеба ему необходима и что где бы он ни находился, в школу ходить все равно будет. Арес молча выслушал ее доводы и согласился посещать занятия. Его посадили на заднюю парту, откуда он сам мог бы наблюдать за одноклассниками, и старались по возможности обращать на проблемного ребенка как можно меньше внимания.

Проблемы с индивидуальностью у Ареса не было. Скорее наоборот. Ему настолько претила регламентированная жизнь приюта, что он старался делать наперекор все. Когда надо было ложиться спать, Арес убежал и прятался. Зато в выходные, когда разрешалось

поспать подольше, этот мальчишка вставал раньше всех и занимался, чем хотел. Уроки, заданные в школе он не делал, казалось, никакие предметы его не интересовали, однако контрольные и проверочные тесты сдавал на удивление хорошо и практически безошибочно. Директор Джонас просила лично воспитателей и учителей проявить больше внимания и терпения к этому ребенку. Ей в глаза все обещали, что будут стараться изо всех сил, однако на самом деле Арес вызвал у всех, если не ненависть, то стойкую неприязнь. Он рушил всё их представление о воспитательном процессе, уничтожал их авторитет перед другими детьми, и не сегодня-завтра остальные дети последуют его примеру. Выручало их сейчас только то, что Арес все же был еще семилетним ребенком, а его сверстники сами его недолюбливали. Сейчас малышам кажется неприемлемым его поведение, но в подростковом возрасте они могут избрать лидером этого хулигана, и тогда он станет большой проблемой. Особенно, если в приют попадут дети, не с малых лет выросшие в его стенах, а более старшие. Говорить об этом директору Джонас педагоги не решались, ведь это было сродни признания своей некомпетентности. Поэтому Арес все больше выходил из-под контроля. Это был замкнутый круг.

Как-то старшие мальчишки решились все же проучить заносчивого Ареса. Они не столько питали неприязнь к его действиям, сколько им хотелось выслужиться перед воспитателем и получить его похвалу. Прокравшись ночью в комнату, где спал Арес, они накинули на него покрывало и спеленали как ребенка. Несмотря на общую браваду каждому было очень страшно, и они трясущимися руками наносили удар за ударом. Из-за страха удары были не слишком сильными, но все равно ощутимыми. Арес молчал, а когда экзекуция закончилась, он поднял на уши весь приют, добравшись на четвереньках до комнаты воспитателя. Его поведение поразило весь персонал. Подобные ситуации случались порой, ничего с этим не поделаешь и в тайне души каждый мечтал, чтобы Ареса, наконец, проучили. Но так себя не вел никто. После своей порции тумачков, дети молчали и не сознавались ни в чем, соблюдая какой-то глупый кодекс чести. Арес же, напротив, в подробностях рассказал, как он лег спать и как из комнаты взрослых пришли его мучители и как они его били. Никаких рассказов про то, что он упал с лестницы. Поставить под сомнение его слова никто не мог, потому что результат был на лицо. Кроме того мальчик потребовал, чтобы все виновные получили наказание и публично извинились перед ним. Что бы ни замыслили своими действиями старшие ребята, они получили прямо противоположный эффект. Унижены оказались они сами, потому что директор Джонас действительно заставила их извиниться. Помимо всего прочего их лишили развлекательных походов в город на целый месяц. Такого поворота событий ни один воспитатель еще не видел. Арес не строил из себя победителя, равнодушно взирая на мучителей как на червяков. Так как никто мальчиков, конечно, не поддержал, а в глазах воспитателя они отметили неодобрение, то ощущали себя просто побитыми псами и после этого случая обходили Ареса стороной.

Это происшествие заставило Ареса заинтересоваться борьбой, и он записался на занятия, которые могли посещать все желающие при школе. Как ни странно там он вел себя дисциплинированно, выполнял все рекомендации тренера и тот просто не мог нарадоваться на такое приобретение. Тренер считал, что у мальчика явно талант, он был упертым, терпеливым и настойчивым. Без устали он отрабатывал приемы, показанные тренером. Так как он был очень крупным для своего возраста, то тренер возлагал на ученика большие надежды, мечтая открыть звезду. У них сложились весьма доверительные отношения, и

тренер удивлялся, когда ему говорили, что Арес неуправляемый и непослушный. Конечно же, он про себя решил, что тут главное — его преподавательский талант, что заслужить уважение ребенка надо уметь и что у него это прекрасно получается. Ну а раз Арес не слушает воспитателей, так значит дело в них самих. Ему и в голову не могло прийти, что семилетний мальчик может его просто использовать в своих целях. Как бы там ни было, Арес твердо решил получить от уроков борьбы все сполна. Занятия эти благотворно сказывались на нем, помогая выплеснуть всю негативную энергию, скапливающуюся в его душе. Воспитатели заметили, что Арес стал более спокойным, после того как начал посещать тренировки, и восприняли это как благо. Большая часть энергии уходила у мальчика на занятия в школе и борьбу, поэтому всплесков агрессии не наблюдалось. На занятиях их учили контролировать эмоции, чтобы не показать врагу своих намерений, и Аресу очень понравилось это умение. Он старался изо всех сил и достигал хороших результатов.

Дети получали всестороннее образование и их учили многому, вот только никто не учил их любить. Научиться любить можно только наблюдая за кем-то, и практически все они были этого лишены.

7. Герой

Все дети, живущие с Аресом под одной крышей, были для него серой массой. Он не пытался различать их имен и лиц, знал только некие контуры — вес, рост, цвет волос. Так он мог понять на своем ли месте тот или иной человек, не несет ли он угрозы. Мальчик не видел причины, по которой должен был бы заинтересоваться кем-то. Единственной, кого он отличал от остальных, оставалась Мелисса. С самого первого дня пребывания в стенах приюта, Арес запомнил имя и лицо чудной девочки, а так же ее прикосновение. Ему доставляло удовольствие наблюдать за малышкой, за ее игрой, интонациями, жестами. Он открыто смотрел на нее, зная, что маленькая девочка не замечает его. Она действительно, как и он, не выделяла никого из детей, не искала их внимания, не играла с ними. Привязана она была только к тете Мери. Арес примечал все это и видел в ней родственную душу. Ему так хотелось, чтобы Мелисса запомнила его, подружилась с ним, но он не видел способа сделать это. Виделись они довольно редко, ведь весь день Арес был в школе на учебе, потом на занятиях борьбой и приходил в приют уже под вечер. В столовой он наблюдал, как Мелисса помогает накрывать на стол и не понимал, зачем ей это надо. Когда девочка спешила помочь какому-то другому ребенку, сердце Ареса щемило, он испытывал жгучую ревность, хоть и не знал названия этому чувству. Арес не умел любить и не знал, что такое любовь. Сентиментальные фильмы он еще не смотрел, никаких проявлений чувств вокруг себя не видел и не понимал, почему его так тянет к этой девочке. Посоветоваться, конечно, было не с кем, да и повода для этого Арес не видел. Проблемы никакой не было, она живет рядом, ходит мимо, улыбается, и Аресу этого было достаточно. Он предположил, что она может быть его сестрой, и поэтому он испытывает чувство родства. Почему-то мальчик решил, что об этом никто не должен знать, и ему было даже приятно, что в его жизни появилась тайна.

Вот поэтому Арес и не заговаривал с Мелиссой, не пытался сблизиться, а просто наблюдал за девочкой на протяжении еще двух лет.

За эти годы они оба подросли и прижились в приюте. Отстояв однажды свою независимость, Арес стал более дисциплинированным. У него появились мечты и цели. Они были еще детскими и не до конца сформировавшимися, но одно он знал точно — Мелисса всегда будет рядом. Девочка же в свои шесть лет была на редкость уступчивой и мягкой. У нее так и не было периода непослушания и своеволия.

Правда, благодаря ее характеру, никто от нее ничего и не требовал, ей доверяли все делать самой. Ведь все взрослые знали — это же Мелисса, зачем ей указывать, что надо убрать постель, если она и так это сделает раньше других и поможет остальным? Это касалось любых вещей, будь то уроки или уборка. Поэтому в свои шесть она имела больше свободы, чем старшеклассники. Этот выбор был ее личный, осознанный. Какой бы тихой и послушной она ни была, но малышка добивалась всего, чего хотела.

Тетя Мери работала в приюте уже двадцать лет. Она была бесхитростной и простой женщиной, и недостаток ее образования восполнялся трудолюбием и добрым отношением к детям. Она, как старожила, делала в приюте, что хотела и считала свои методы воспитания самыми правильными. Если она и ослушивалась директора, то только потому, что искренне верила в то, что она, Мери, лучше знает. Девочки были к ней очень привязаны, да и многие

мальчики тоже. Старая Мери всегда находила минутку для любого, кто к ней обращался, а уж поговорить вообще обожала. Она могла рассказывать детям о своих проблемах, делах и увлечениях во всех подробностях без всякой задней мысли. Тетя Мери всегда укладывала девочек спать вечером и сидела с ними допоздна, тогда как вторая воспитательница — миссис Пот — никогда этого не делала. Потом тетя Мери шла в комнатку воспитателей и включала электрочайник. Ее мучила бессонница, и женщина могла полночи читать книгу, попивая чай. Использование электрочайника было строго запрещено в комнате, но тетя Мери прятала его под кровать, замотав в старые гамаши. Ей неоднократно говорили, что здание очень старое, что проводка в нем не менялась, и она не рассчитана на современные бытовые электроприборы, которые появились в таком количестве в последнее время. На кухне проводку заменили, а вот больше нигде этого не сделали. К тому же чайник ее был старым и недавно стал барахлить, иногда не срабатывал механизм, и он не выключался при закипании воды. Тетя Мери не видела в этом ничего страшного, ведь она всегда была рядом и выключала его сама. А то, что она нарушала правила, то это было позволительно за то, что она все эти годы посвятила приюту.

В тот вечер Мередит, как обычно, уложила девочек, поведав им перед сном историю жизни своей племянницы, взаимоотношения той с мужем и детьми, успехи и неудачи этой семьи, после чего, удовлетворенная, отправилась к себе. Комнатки воспитателей находились между комнатами малышей и старших, чтобы всегда можно было услышать, что там происходит.

Мередит осталась одна и поставила чайник. Насыпала заварку в чашку и с удовольствием достала новую книгу. В этот момент ей послышался звук, доносящийся из комнаты малышей, и она поспешила туда. Маленькой Кейти приснился страшный сон, и она плакала сидя на кровати. Тете Мери пришлось долго успокаивать девочку. После она уложила ребенка в постель, с нежностью накрыла одеялом и пошла к себе в комнатку. Войдя, она тут же вспомнила о чайнике, который все это время продолжал кипеть, так и не отключившись. Из носика валил пар и почти вся вода из него выкипела. Мередит спокойно выключила его и добавила воды. Когда чайник вновь закипел, она налила себе кипятка и улеглась читать новый роман. Книга оказалась на удивление убаюкивающей, и Мередит, неожиданно для себя, крепко заснула. Этого с ней не случалось уже очень давно.

В этот момент в распределительном щитке разогретые провода начали искрить. Старая проводка и тонкие провода не были рассчитаны на электрочайник, и уж тем более на столь длительное его кипение. От того, что он не выключился вовремя, проводки стали плавиться и, в конце концов, заискрили. Распределительный щиток находился прямо за старым шкафом, в котором воспитатели хранили свои вещи. Сверху на шкафе стояла большая коробка со старыми рисунками и поделками детей, выкинуть которые не поднималась рука ни у одного воспитателя. И вот пластмасса стала плавиться, и вскоре небольшая искорка отскочила на старую коробку, и маленький несмелый огонек заплясал в бумагах. Старая пыль, покрывавшая бумаги, стала хорошим топливом, и вот, не прошло и трех минут, как пламя уже веселее заиграло, заплясало и побежало дальше, совсем как малый ребенок, остановить которого, раз он разыгрался, было не просто. В какие-то считанные минуты пламя перекинулось на старый деревянный шкаф, а оттуда и на занавеску. Дым стал заполнять комнату, и тетя Мери, закашлявшись, наконец, проснулась. Спросонья она никак не могла понять, что же происходит, ей казалось, что сам ад разверзся в ее комнате. Она суеверно взирала на происходящее, не переставая молиться при этом. Потом старушка все

же вспомнила о детях и своих прямых обязанностях. Первым делом она забежала в дальнюю комнату, где спали младшие девочки. Схватив, первого попавшегося спящего ребенка, она стала кричать и тормошить девочек. Те просыпались нехотя, не понимая, что происходит.

Поднялся настоящий переполох, дети кричали и мешали друг другу. Мередит пыталась объяснить девочкам, что надо просто выходить из комнаты, но многие малышки расплакались, и она не могла их перекричать. Тогда Мередит выбежала из этой комнаты и ринулась через воспитательскую в комнату старших. Там женщина разбудила самую взрослую девочку и объяснила ей, что в задании пожар, что та должна разбудить остальных и позвать мистера Брукса. Девочка, не видя пожара, не поддавалась панике и выполнила все поручения тети Мери. Спустя еще несколько минут весь приют стоял на ушах, спящих не осталось никого. Мистер Брукс побежал на помощь Мери, а заспанные мальчишки в возбуждении толпились у комнаты девчонок. Наконец появились воспитатели, неся на руках двух самых маленьких девочек, а за ними семенили остальные. На детских лицах были слезы и страх, но они покорно, как гусята за гусыней, шли за воспитателями. Мелисса оказалась позади всех и замыкала процессию.

Наблюдающий за всем этим кошмаром Арес, облегченно вздохнул. Все произошло так быстро, что он не успел испугаться и оценить масштабы происшествия. Все благополучно вышли и мистер Брукс сказал:

— Немедленно все спускайтесь вниз, во двор, а я вызову пожарных.

Дети послушно закивали, но тут одна девочка закричала:

— Мама, там моя мама, пустите.

Она попыталась броситься в комнату, но цепкие руки тети Мери схватили ее.

— Какая мама, что ты такое говоришь?

Но ребенок кричал и пытался вырваться, не говоря ничего вразумительного.

— Фото ее матери, стоит на тумбочке, — вспомнила Мелисса.

Эта маленькая девочка была счастливицей, как считали остальные. Она знала свою маму, и у нее даже было фото. У нее было прошлое, чего были лишены многие. И вот теперь это прошлое могло кануть в небытие, как и прошлое остальных детей. Все растерянно смотрели на девочку, не в силах что-либо изменить. Порыв помочь мог быть только у Мелиссы, но она не могла ослушаться и поступить вразрез с прямым указанием воспитателя. Поэтому только беспомощно всплеснула руками.

— Где фото? — это был Арес. Он подошел вплотную к Мелиссе.

Она недоуменно смотрела на мальчика и не понимала, кто это и что он от нее хочет.

— Где стоит фотография?

— Третья тумбочка справа, — ответила Мелисса.

Не сказав больше ни слова, Арес решительно пошел в комнату.

— Арес Коулд, немедленно остановись, — закричал мистер Брукс, но он сам понимал всю тщетность таких окриков. Скорее они могли только раззадорить Коулда, а не остановить. Тем не менее, ему ничего не оставалось, как продолжать кричать вслед непослушному Аресу:

— Немедленно остановись, там опасно, ты будешь наказан... — и так далее.

Войдя в горящее помещение, Арес все равно его уже не слышал, потому что огонь довольно громко шумел, а внимание мальчика было сосредоточено на том, как его миновать. Он пробежал первую комнату: в ней только-только появлялось пламя. С одной из кроватей он сорвал покрывало и замотался в него. Комната воспитателей пылала огнем, ярко-

оранжевым, завораживающе красивым. Арес никогда не видел ничего подобного. Он знал, конечно, что огонь причиняет боль, но особой опасности не осознавал. Его знаний окружающего мира было недостаточно, чтобы оценить опасность сполна. Одеяло он накинул чисто интуитивно, доверившись древним инстинктам. Залюбовавшись огнем, мальчик рассмотрел прорехи в некоторых местах, куда огонь еще не добрался и ловко стал пробираться через них. Одеяло задымилось, и в легкие попал дым, Арес закашлялся, но упорно направлялся вперед. Во второй комнате также огонь был не столь силен, как могло показаться сначала, и даже сквозь дым Арес без труда нашел тумбочку и фотографию на ней. Это было просто, потому что эта фотография здесь была единственная. Осмотревшись по сторонам, Арес не увидел больше ничего, что стоило бы спасать. Но он замер еще на миг, силясь понять, где же кровать Мелиссы. Все выглядело одинаковым в этой сумятице и дыму, поэтому Арес поспешил прочь, так и не определив.

Весь его поход занял от силы три минуты, и он появился в дверях с видом победителя. Мальчишки захлопали в ладоши, когда Арес показался в дверном проеме, скидывая с себя дымящееся одеяло и размахивая фотографией. Мистер Брукс, подскочив к несносному воспитаннику, стал трясти Ареса за плечи и кричать что-то в лицо. Потом мужчина понял, что ведет себя неподобающим образом, взял себя в руки и отпустил ребенка. Девочке вручили фотографию и она, всхлипывая, прижала ее к груди. Арес очень гордился собой. Он сделал это не ради незнакомой ему девочки, а ради Мелиссы, которая теперь-то уж точно его запомнит.

Найдя ее взглядом, Арес увидел не столько радость в ее глазах, сколько недоумение. Когда они все вместе спускались по лестнице, она, оказавшись рядом, спросила:

— Как ты мог послушаться? Ведь этого нельзя делать.

Арес вспыхнул. Вот тебе и герой, подумал мальчик. Он не нашелся, что на это ответить, и насуплено молчал. В голове роились мысли и варианты ответа, но все казались неподходящими. Он два года мечтал привлечь внимание Мелиссы и вот привлек. И что? Она совершенно не оценила его стараний. Может они не такие уж и одинаковые? Что именно девчонка запомнит теперь? Мысль о том, что он сделал доброе дело, даже не посетила его маленькую голову. Это было совершенно не важно. Добрые дела — удел Мелиссы, а он только хотел ее внимания.

Дети высыпали во двор, все окончательно проснувшись. Стояло лето, и они, в летних пижамах, чувствовали себя вполне комфортно. Старшие с восхищением наблюдали за пламенем, вырывающимся в окно, ведь это все же приключение. Хоть какое-то разнообразие, так как их жизнь была практически лишена развлечений. Малыши уже не плакали, только сонно потирали глаза. Когда приехала пожарная машина, началось веселье. Все загалдели, старались подойти поближе и рассмотреть пожарных. Мистер Брукс и тетя Мери с ног сбились, сгоняя детей в одно место, а они все равно разбредались кто куда. Пожар ликвидировали довольно быстро, и он не успел причинить существенного вреда зданию. Комната воспитателей была, конечно, загублена и спальни девочек тоже, а в остальном больше ничего не пострадало. Тетя Мери крестилась и возносила молитвы небу, благодаря бога за то, что все дети остались живы и здоровы.

Пожарные сказали, что завтра придет инспектор, чтобы провести расследование, что послужило причиной пожара, но Мередит это совершенно не волновало. Подобные вещи не могли вывести старую женщину из равновесия. Главное, что с детьми все в порядке. А то, что она могла лишиться работы, ей и в голову не приходило. Это было просто невозможно.

Разве не она посвятила приюту двадцать лет жизни?

Арес угрюмо стоял в стороне от остальных. Его не интересовала пожарная машина и люди в форме, у него были свои мысли. Неожиданно он почувствовал прикосновение к руке. Подняв глаза, увидел Мелиссу. Она незаметно подошла и взяла за руку. На девочке была длинная белая ночная рубашка, а свет летней луны золотил волосы, и она казалась Аресу самым красивым существом на свете. Мальчик завороженно смотрел на это чудо. А Мелисса крепко сжала его руку и сказала:

— Ты наш герой. Ты помог маленькой Кейти. Спасибо.

И Мелисса, встав на цыпочки, поцеловала Ареса в щеку.

Вот так просто и бесхитростно можно завоевывать сердца.

8. Талант

Для приютских детей наступили веселые денечки. В связи с ремонтом, девочек переселили на мужскую половину. Мальчишек всех разместили в одной комнате, а девчонок в другой. Эти новшества внесли в размеренную жизнь приюта столько веселья и сумятицы, что воспитатели сбились с ног. Дети нашли прекрасный повод, чтобы лишний раз послушаться и повеселиться, а воспитателям ничего не оставалось, как махнуть на все рукой. К тому же начались летние каникулы, и дети все время проводили в стенах приюта. Конечно, они продолжали посещать кружки и спортивные секции, но этого было мало, и они резвились, как могли. Умещаться всем в одной комнате было нелегко, и их положение напоминало полевой военный лагерь. Воспитателям не удавалось добиться хоть какого-то порядка. Мальчишки с девчонками постоянно пробирались друг к другу в комнаты. Когда ухмыляющиеся мальчишки появлялись на пороге, девочки устраивали такой визг, что стекла дрожали. Самим девчонкам просто нравилось визжать и бросаться подушками в непрошенных гостей.

Такими дружными дети прежде никогда не были. Казалось, разрушился некий барьер, и они все подружились, как в детском летнем лагере. Вечерами жгли костер на улице (под присмотром только мистера Брукса, так как тетя Мери наотрез отказалась видеть огонь), пели песни и иногда даже устраивали танцы. Старшие стеснялись танцевать, зато малышки носились вовсю. Приют св. Патрика словно ожил, будто его посетил некий «дух семьи», и все дети и взрослые на время стали семьей. Во многом этому поспособствовало отсутствие регламентированных действий. Дисциплина страдала, зато дети сдружились. Тетя Мери получила строжайший выговор, но осталась на прежнем месте. Как она и предполагала, на ее выходку закрыли глаза. Старушка, часто сидя с мистером Бруксом вечером во дворе и наблюдая изменения, произошедшие с детьми, спрашивала:

— Как вы думаете, мистер Брукс, останется ли все так и дальше?

— Не думаю, Мередит, не думаю, — озадаченно качал головой мистер Брукс. На своем веку такого в детских приютах он еще не видел. И не думал, что это надолго.

— Но вы только посмотрите на них, — умилялась Мередит, глядя на играющих в догонялки детей.

— Эти дети на время забыли кто они, но они вспомнят. Вспомнят ту боль, что живет в их душах, страхи, неуверенность в завтрашнем дне. Мы можем стараться изо всех сил, но они навсегда сохранят обиду в сердцах. Их предали, бросили...

— Они могут построить свои семьи. Обрести любовь, — спорила тетя Мери.

— К сожалению, статистика — вещь упрямая. Большинство из них становятся преступниками, наркоманами, бьют собственных детей и сдают их в приюты...

— Не хочу я верить в эту статистику. Статистика это не люди, а цифры. А наши дети будут любить. Вот посмотрите на Мелиссу.

Но мистер Брукс только грустно качал головой.

Мелиссу не особо радовала сумятица, в которой приходилось теперь жить. Она совсем недавно стала отходить от детских воспоминаний, и пусть на поверхности их не осталось, но подсознание било тревогу. В голове постукивала тихонечко мысль, что это неправильно, опасно, что так быть не должно. Для нее четкая регламентированность и режим были очень

важны, без них девочка не могла чувствовать себя в безопасности. Поэтому она не участвовала в шумных детских играх и старалась все время уединиться.

Арес же, напротив, чувствовал себя как нельзя лучше и выходил из-под контроля все сильнее. Ох, как проказничал этот мальчишка! Чего только не вытворял! Он исследовал все крыши в приюте и соседских домах; наловил голубей и засунул их в большую сумку тети Мери, и когда старая женщина хотела достать оттуда вещи, на нее выпорхнули перепуганные птицы. Тетя Мери чуть не лишилась чувств, а Арес хохотал, а за ним и еще несколько мальчишек, которые неотрывно ходили за ним хвостом. Ночью мальчишки разукрасили мистера Брукса, пририсовав тому усы, как у Гитлера, и все утро жители приюта умирали со смеху, пока тот не заметил проказы. Второму воспитателю повезло и того меньше. Мальчишки его терпеть не могли. Они наловили мух и заменили этими мухами изюм в булочке воспитателя. Это была тонкая работа, и больших усилий стоило не расхохотаться в столовой, наблюдая, как воспитатель ест булочку. Он съел половину, и одна муха вывалилась на стол. Воспитатель, наконец, заметил и булочку начиненную мухами, и взгляды всех детей, устремленные на него. Он побагровел, и вот тогда раздался жуткий хохот, потрясший стены. После этого случая воспитатель уволился, а дети торжествовали. Они поняли, что тоже могут управлять ситуацией. Никому не было позволительно относиться к ним плохо.

Несмотря на все свои проказы, Арес все же пытался найти общий язык с Мелиссой. Он знал, что девочка любит вечером посидеть одна. Она облюбовала большой пенёк от спиленного дерева, который почти не было видно со двора, где вечерами играли дети. Мелисса уходила туда и просто сидела, наблюдая за птичками, букашками, и еще непонятно чем. Ареса весьма интересовало необычное поведение девочки, и однажды, он, не сдержавшись, пошел к ней. При его приближении Мелисса вздрогнула, но потом, признав Ареса, успокоилась.

— Привет, — сказал мальчик.

— Привет.

— Чего ты тут сидишь одна? Может тебя кто-то обидел?

Казалось, Мелисса удивилась:

— Обидел? Нет. Кто меня может обидеть? — сама мысль показалась ей странной.

— А чего ты тогда не играешь?

— Не хочу.

— Можно посидеть с тобой?

Мелисса подвинулась, пенёк был большой, и двоим детям было легко уместиться на нем.

Арес присел рядом и, не зная, что еще сказать, и просто молчал.

Мелисса тоже молчала, но ее не тяготила тишина. Она не считала, что должна что-то говорить. Потом девочка взяла вишневую веточку и стала что-то царапать на земле. Поначалу Арес боялся пошелохнуться и спугнуть мгновение идиллии, воцарившееся между ними, но любопытство взяло вверх, и он наклонился посмотреть. Под ногами была сухая земля, смешанная с песком, и Мелисса рисовала на ней веточкой. Арес изумился, как красиво у нее получалось! Простая земля и песок, а он совершенно отчётливо разобрал очертания их приюта, небо, закат. Он посмотрел в сторону приюта и не увидел солнца, оно давно уже скрылось. Оставалось светило только в воображении Мелиссы. Потом она легко и без сожаления провела ногой по рисунку и стала рисовать другую картину. Появилось чье-то крупное лицо, шея, руки. В этих руках Арес увидел фотографию, которую ребенок прижимал к груди. Аресу стало ясно, что Мелисса изобразила Кейти и поразился сходству. Значит, она

не забыла. И этим рисунком хотела сказать об этом Аресу? Он ничего не говорил, все больше ощущая умиротворение, какое он мог ощущать только рядом с этой загадочной девочкой. Мелисса уже стерла картинку и рисовала собаку. Какие четкие линии и пропорции, удивлялся Арес. Сам он мог нарисовать только рожицу, и может еще снеговика. Как и все дети, хотел сначала рисовать, брал краски и карандаши, но когда понял, что у него ничего не выходит, бросил это занятие. А Мелиссу он никогда раньше не видел, склонившейся над альбомом.

— Где ты так научилась? — все же спросил он.

— Да нигде. Вот тут сижу и рисую. Земля твердовата, на песке лучше.

— Так пойдем в песочницу.

— Да ну, ты что. Сам посмотри туда.

Арес привстал, вытянул шею в направлении песочницы. Там с десятков малышей устраивали баталии.

— Я их разгоню, — вскочил Арес.

Мелисса так на него посмотрела, что ему стало не по себе.

— Они же маленькие. Мы должны защищать их.

Арес вовсе так не думал. Никого он не хотел защищать, кроме Мелиссы, но вслух, конечно, этого не сказал.

На следующее утро, когда все спали, Арес и еще двое мальчишек, перемахнув забор, направились на соседнюю стройку. Арес некоторое время лазил там, все время норовя свалиться куда-то, либо получить кирпичом по голове, но потом мальчик все же нашел, что искал. Это был большой прямоугольный лист фанеры. Мальчишкам было невдомек, зачем Аресу понадобилась фанера, но в предвкушении новых шалостей, они без вопросов погрузили лист себе на спины и притащили его в приют. Там Арес расположил его рядом с пнем, который облюбовала Мелисса, прибил к нему бортики, позаимствовав материалы из кабинета труда. Потом Арес принес песок в ведре и высыпал на получившуюся платформу. Песка ему показалось недостаточно, и он принес еще пару ведер. Ну вот, вроде все.

А вечером он сам подошел к Мелиссе и, взяв ее за руку, привел к старому пню.

— Теперь ты можешь рисовать, и никто тебе не помешает, — сказал Арес.

Мелисса в недоумении смотрела на сооружение.

— Это ты сделал?

— Да, тебе нравится?

— А где ты все это взял? Нас не будут ругать?

— Да какая разница, — разозлился Арес, — не нравится так и скажи.

— Что ты, тише, — Мелисса взяла его за руку и гнев тут же испарился. — Это... очень нравится. Никто для меня ничего не делал.

Арес воссиял. Он и сам не думал, что может вот глупо улыбаться. Пытался подавить улыбку и не мог, а девочка глядя на него, поняла, что доставила радость. Поэтому тоже засветилась и заулыбалась.

— Давай рисовать.

И они весь вечер просидели вместе, создавая картины. Рисовала Мелисса, а Арес просил, нарисуй то, нарисуй это. Мелисса и его упрашивала попробовать, но ее новый друг стеснялся.

Проводить вечера у их импровизированного мольберта вошло у детей в привычку. Каждый вечер они спешили туда, как на свидание. Рисовали, смеялись, рассказывали друг

другу, что произошло за день.

Удивительно, как они, совсем разные и по возрасту, и по мироощущению, стали раскрываться друг перед другом. Мелисса, прежде замкнутая и молчаливая, теперь могла долго рассказывать Аресу о том, что делала, думала. Он слушал ее так внимательно, и она поражалась тому, что кому-то, оказывается, может быть интересна ее жизнь. Мелли притащила большого жука в спальню к девочкам, но те подняли визг и прогнали ее. А Арес не испугался и дал ему имя Дон, а потом придумал про него историю. Мелисса как замороженная слушала нового друга. Не просто нового друга, а одного-единственного во всем мире. Она и не думала раньше, что ей нужен друг.

Арес, в свою очередь, мог не притворяться при Мелиссе. Она не злила его, не раздражала как другие. А когда она внимательно и пристально разглядывала мальчика, у него от удовольствия бегали мурашки по всему телу. Мелисса брала его руку и пальцами, как карандашами, рисовала на песке. Это было самое волнительное ощущение в жизни Ареса. Ни до, ни после он не испытывал ничего подобного. Крепкие маленькие пальчики сжимали его руку и рисовали. Они творили, а он был проводником. Даже его детский ум понимал, что он причастен к становлению чего-то великого, приблизился вплотную к становлению личности.

Двое удивительных детей ничего не замечали вокруг. Они даже не понимали, что круглое лето за ними наблюдал весь приют. Эта связь была непонятна ни детям, ни взрослым. Мелиссу любили, Ареса боялись. Они были настолько разными по своей природе, что приводили своей дружбой в замешательство не только детей, но и взрослых. Тетя Мери в мыслях поженила обоих, мистер Брукс — похоронил. Дети лопались от любопытства, но, раз сунувшись к ним, получили такой отпор от Ареса, что больше не рисковали. Мелисса рисовала все лучше, такие тренировки пошли ей на пользу. Арес стал тише, не бросался на людей и перестал проказничать. Как бы там ни было, взрослые решили, что эта связь благотворно влияет на обоих. Однажды директриса, прознав про вечерние посиделки двух самых интересных субъектов в ее приюте, лично пришла посмотреть, чем они там занимаются. При виде директора дети посторонились, и Мелисса быстро стала рисовать саму директрису с папками в руке. Миссис Джонас была в изумлении и просидела с детьми целый час. Она похвалила обоих: Мелиссу за талант, Ареса, за то, что помог его реализовать.

— Если вы так и будете помогать друг другу по жизни, то многого достигнете. Берегите то, что имеете, — сказала директриса.

Она ушла домой и долго не могла уснуть, ворочаясь в постели и вспоминая взгляды этих необычных детей.

9. Новая привязанность

Лето закончилось, и жизнь в стенах приюта вошла в привычную колею. Девочки перебрались на свою половину в новые отремонтированные комнаты. Директриса постаралась на славу, и комнаты стали еще уютней, чем прежде.

Начался новый учебный год и приют провожал своих жильцов каждое утро на учебу. И Арес, и Мелисса ходили в школу вместе с остальными детьми. И хоть учились они, конечно, в разных классах, но это не мешало им утром идти вместе. В школе они почти не виделись, а после занятий Арес посещал занятия борьбой, так что поговорить теперь друзья могли только за ужином. И им было, что рассказать друг другу. Мелисса в присутствии Ареса становилась болтушкой и говорила, говорила. Он знал всех ее одноклассниц, всех учителей, кто что сказал, как посмотрел. Она жаловалась на уроки физкультуры, где у нее ничего не выходило. И с гордостью рассказывала, как хвалит ее учитель рисования. Он предложил ей посещать изостудию, где обещал договориться за нее. И пока Арес молча жевал свой ужин, Мелисса ждала от него совета в любых вопросах. Арес ощущал себя рядом с девочкой очень взрослым, самым умным, способным все преодолеть. Он стал чувствовать свою ответственность за нее, словно она и правда была его младшей сестрой.

Многие дети уходили и приходили в приют. Кого-то усыновляли, кому-то подбирали приемные семьи, кто-то отправлялся на лечение. Арес очень боялся, что Мелиссу заберут. За себя он не переживал, он был уже взрослым, и с каждым годом его шансы на усыновление таяли. К тому же он знал, что из любой семьи сможет вернуться назад. А вот Мелисса... Она была чудесная, мягкая, милая, послушная. Если бы не привязанность персонала к ней, ее давно бы уже забрали. От одной мысли об этом мальчику становилось нехорошо, руки потели, а сердцебиение ускорялось. Мелисса и не знала, как на самом деле ей повезло. Арес наблюдал за ней все эти годы. Помнил, какая она была, что ей нравилось, как она говорила. Со временем он сможет рассказать подруге об этом, если ей будет интересно. Иногда тетя Мери приносила старый фотоаппарат и снимала всех без разбора, а потом долго не могла проявить пленку и напечатать фотографии. Зато когда она, наконец, приносила их в приют, за ними выстраивалась очередь, ведь для детей это было целое событие. Маленькие частички прошлого. Они очень дорожили этими фотографиями и хранили потом всю жизнь.

Вот так, не спеша, и прошли еще три года. Мелисса с Аресом за это время стали поистине близкими людьми. Иногда сами воспитатели забывали, что эти двое, по сути, друг другу никто. Просто в какой-то миг судьба их свела вместе, и ничто не встало между ними. Они даже и не ссорились никогда. Арес проявлял поистине ангельское терпение. Ведь все поведение Мелиссы претило его бурному нраву, он не понимал ее и не одобрял. Но ребенок смог проявить уважение к ее предпочтениям, не пытаясь переделать. Это было не под силу многим взрослым. Люди все время чего-то хотят друг от друга, на чем-то настаивают, желают, что бы их дети, мужья, сестры, внуки изменились, так как им надо. А Арес смирился. Сам он не изменился ничуть, все так же отстаивал независимость и не слушался, когда не хотел. Мелисса его журила, но не сильно. Она взирала на проделки Ареса с материнской любовью: ну что с него взять, ведь он же ребенок? Никого ближе не было у Мелиссы, все страхи, новости, радости — всё Аресу.

Но тем летом случилось одно обстоятельство, которое встало между ними. У Мелиссы

появилась подруга. Это была девочка на год старше Мелиссы и попавшая в приют совсем недавно. Звали ее Лена, и была она дочерью русских эмигрантов. Трагедия девочки была в том, что родителей она прекрасно знала, выросла с ними в любви и согласии. Они совсем недавно эмигрировали, и иностранка почти не знала языка. А тут родители попали в автокатастрофу и погибли, оставив ребенка одного в чужой стране. Ни родственников, ни друзей. Так она и попала в приют св. Патрика, прибитая известием, почти ничего не понимающая. Мелисса тут же посчитала своим долгом ей помочь. Она взяла Лену на себя, всюду с ней ходила, все показывала и рассказывала. Так, постепенно, они и подружились. Лена сильно привязалась к Мелиссе, которая была чуть ли единственной, кто вообще с ней общался. Мелисса учила новенькую языку, а та в свою очередь рассказывала Мелиссе о родной стране, обычаях. Потом разговоры стали заходить о мальчиках, и Мелисса, которая раньше никогда этой темой не интересовалась, заметила, что это интересно. То, что рассказывала Лена, было волнующе. И совсем не пристало рассказывать о подобном Аресу. Мелисса стала рассматривать мальчиков под другим углом, и они хихикали с новой подругой, обсуждая, кто симпатичный, а кто нет. Когда Арес заметил странное поведение Мелиссы, он попытался узнать у нее, в чем дело, но та не захотела ему ничего объяснять. Впервые в жизни Арес так волновался. Он весь извелся, наблюдая за этим шушуканьем, ничего не понимая. Мелисса стала намного меньше с ним общаться, почти ничего не рассказывала. Арес понимал, что все дело в этой Лене, которую он считал вульгарной и слишком крупной. Она не нравилась мальчику, понять, что у нее может быть общего с утонченной Мелиссой, Арес не мог. По всей видимости, Лена тоже недолюбливала Ареса, и они бросали частенько друг на друга злые взгляды, не вступая, впрочем, в открытую конфронтацию.

В один из вечеров Мелисса села ужинать с Леной, извинившись пред Аресом. Для него это был удар. Он сидел над тарелкой и не мог проглотить ни кусочка. Ощущение, что его предали, вернулось. Ненависть всплыла вновь, словно и не уходила никуда. Он осматривал столовую задиристым взглядом. Мелисса все еще о чем-то шепталась с этой Леной, а у Ареса весь внутренний мир словно совершил кувырок. С головы на ноги, с ног на голову.

Эта корова забрала ее. Не приемная семья, а какая-то глупая корова. Арес не понимал. Когда у нее выпал первый зуб, она прибежала с ним к Аресу, и они вместе положили его под подушку для зубной феи. А ночью Арес пробрался к Мелли в спальню и заменил зуб монеткой. Как сделали бы родители. Он гордился ее рисунками, так, словно он сам нарисовал их. А что эта? Что она сделала для Мелиссы? Что такого интересного она рассказывает ей?

С тех пор Мелисса стала отдаляться. Арес какое-то время дулся, но потом все же решил поговорить.

— Как дела? — спросил он у Мелиссы как-то вечером, когда она помогала накрывать столы для ужина.

— Хорошо, — отозвалась Мелисса. Как-то уж слишком безмятежно, подумал Арес.

— Как школа?

— Все как обычно.

Почему-то разговор не клеился, и Арес заподозрил неладное.

— Может, что-то случилось? Ты странно себя ведешь. Мелисса, ты же знаешь, что можешь рассказать мне все.

Наконец Мелисса остановилась и отложила поднос с хлебом в сторону.

— Арес, ты мужчина, а я женщина. Я не могу рассказать тебе все.

Арес рассмеялся:

— Ты не женщина. Ты моя маленькая сестра.

У Мелиссы как раз начался период взросления, совсем недавно у нее начались первые месячные, поэтому слова Ареса рассердили и обидели ее.

Она вспыхнула и ответила:

— Ты ничего не понимаешь.

Девочка отвернулась и продолжила молча раскладывать хлеб. Всем своим видом она дала понять, что говорить со своим названным братом больше не хочет. Арес в смнении покинул столовую. Он переживал за Мелиссу, его воображение рисовало картины одна страшней другой. Чего он только не передумал и решил пойти к мистеру Бруксу. Для мальчика это был поистине героический поступок, ведь он не привык делиться ни с кем своими мыслями или переживаниями. Но тут он не видел другого выхода. Если Мелиссу кто-то обижает в школе, он не сможет помочь и узнать. Надо выяснить и что-то решить. Он нашел мистера Брукса в игровой комнате, наблюдающим за малышами.

Когда Арес попросил воспитателя об уединенном разговоре у того брови полезли вверх от удивления. Он постарался скрыть это и бесстрастно произнес:

— Да, Арес, конечно. Давай поговорим.

Заикаясь и запинаясь, Арес выложил мистеру Бруксу свои тревоги. Воспитателю не осталось ничего другого как объяснить Аресу физиологию женщин. При этом он сам краснел как рак. Ведь мужчины не ведут такие беседы. Почему, бога ради, думал мистер Брукс, они не проходят этого в школе, на уроках анатомии? Как же все это вспомнить? Худобедно смущенный воспитатель обрисовал картину и понял, что его рассказ поверг Ареса в изумление. Он не мог поверить сказанному, и видимо пытался переложить свои новые знания на Мелиссу, но выходило у него с трудом.

Поблагодарив мистера Брукса, мальчик побрел на чердак, чтобы все это осмыслить. Он действительно ничего не знал! Какая все же жизнь странная, заковыристая, думал он. Простые вещи, могут обрести неизвестные формы. Как теперь общаться с Мелиссой? Сделать вид, что ничего не знаешь или наоборот показать осведомленность? Нет, решил он, пусть все остается как есть. Пусть я ничего не знаю, и через время наши отношения станут такими как прежде. Мелисса привыкнет и не будет придавать этому такое значение.

Но со временем Мелисса стала только отдаляться. Чем меньше она делилась с ним, тем меньше и тянуло. А потом оказалось так много всего, о чем он не знал, что рассказать все это было уже невозможно. Они с Леной стали неразлучными подругами, всегда были вместе и в школе, и в столовой. Лена за компанию пошла с Мелиссой в изостудию, и хоть у нее ничего не получалось, ей было наплевать. Она полностью завладела Мелиссой, и Арес отошел на второй план. Стараясь хоть как-то подавить свою тоску, он бросил борьбу и решил заняться кардинально другим видом спорта. Записался на акробатику. Поначалу было очень тяжело, совсем не то, чем он занимался раньше. Все тело болело и ничего не получалось. Акробатика оказалась именно тем, что Аресу было необходимо в данный момент. Он настойчиво пытался добиться успеха, и все силы бросил туда.

С Мелиссой почти не виделся и не общался. Его рана в сердце заживала, но на месте затянувшегося шрама уже ничего не могло ожить. Это были просто мертвые ткани. Привычка следить за ней осталась, он напрягал слух, если речь заходила о Мелиссе, мог безошибочно узнать ее в толпе. Правда рядом всегда была ненавистная Лена, и Арес

брезгливо морщился, наблюдая за ней. Хрупкая утонченная Мелисса просто терялась на фоне этой грубоватой простушки.

Так Арес понял: чтобы завладеть чьим-то сердцем и вниманием недостаточно просто любить. Здесь нужно что-то большее, другие стимулы. Взаимоотношения не могут быть построены на одной любви. Что еще надо? Что же еще?

Его детский ум не мог ответить на эти вопросы, и спросить совета было не у кого.

Часть вторая Юность 1. Почти взрослые

Говорят, чужие дети растут быстро. Но и свои, не успеешь оглянуться, уже взрослые. Годы, один за другим, уходят так быстро. Один, два, три, четыре... Стены приюта взрастили столько детей. Тетя Мери всегда с грустью наблюдала за взрослением ее воспитанников. Для нее они вырастали слишком быстро. Вот вчера она вела маленькую Мелиссу по коридору в кабинет директрисы, а сегодня она почти взрослая девушка уже выше самой тети Мери. Сегодня они собирали чемоданы и отправляли детей в детский лагерь, а завтра, глядишь, уедет ее маленькая пчелка во взрослый мир, строить свою взрослую жизнь. Набивать свои шишки, учить потом своих детей...

Тетя Мери смахнула слезинку, а чуткая Мелисса уже была тут как тут. Обняла, чмокнула в щеку:

— Ну что ты, тетя Мери, это ведь всего на три месяца.

Мери только головой покачала.

— Хочешь, я не поеду? Останусь с тобой. Закатим уборку на весь приют.

— Что ты, дитяtko, что ты. Директор еле выбила эту поездку, столько сил потратила. Вам обязательно надо бывать на природе, веселиться. Убираться ты еще успеешь — вся жизнь впереди. Давай собираться.

Мелисса совсем не изменилась с годами. Конечно, внешне она повзрослела, повеселела. Но эта ее тяга все взвалить на себя осталась. Мелли всегда хваталась за любую работу, словно не могла выносить безделья. Ее не надо было уговаривать делать самую грязную работу, она всегда была готова. Прямо Золушка какая-то, думала Мередит. Конечно, старая женщина считала, что это из-за того, что с девочкой случилось в детстве. Она словно убегала от собственных мыслей, воспоминаний. Будто, останься она наедине с собой, и все это выползет на поверхность, как мерзкий кракен, ухватит щупальцами ее несформировавшуюся душу и утащит на дно морское. Оставит только тень, молчунью, какой она попала в стены приюта. Так уж лучше пусть работает. И в лагере она, наверняка, не останется без дела. Работа ее сама найдет.

Почти все дети ехали в загородный лагерь на берег озера. Правда, Арес Коулд, которому оставалось провести последний год в стенах приюта, уехал еще месяц назад на соревнования. Последние три года он увлекся необычным боевым искусством «эскрима» и давал удивительные результаты. Тренер не мог нарадоваться на столь упорного мальчика. Он умел преодолевать себя как никто другой, и за три года достиг того, чему тренер не мог научить многих и за пять. Поэтому тренер две недели ходил к директрисе и упрашивал отпустить Ареса с ним на соревнования в другой город. Там проходили не просто единичные соревнования, поездка рассчитана была на три месяца. В это время дети располагались в специальном тренировочном лагере и осваивали новое, а потом по итогам определяли победителей. Арес с восторгом ожидал поездки и упрашивал директрису наравне с тренером. В конце концов, она сдалась, понимая, что откажи она ему сегодня, завтра Арес устроит им в приюте «сладкую жизнь». Этот мальчик был странным и необузданным. Только в спорте он принимал дисциплину и готов был выполнять требования старших. Все остальное время он делал только то, что хотел. Нет, он не вел себя слишком уж вызывающе, но миссис Дюнас всегда знала, что Арес делает только то, что хочет сам. Она понимала,

что с ним лучше не конфликтовать, ведь это ни к чему хорошему не приведет. Аресу скоро минет семнадцать, и останется он в стенах приюта всего на один год, поэтому все, что могли, они ему уже дали. Он взрослый и самостоятельный и теперь указывать парню она не могла. В свои годы он был высоким, около метра восьмидесяти, сильным и крепким. Мышцы под его одеждой так и гуляли. Но не это пугало окружающих, а его холодные серые глаза. В них словно всегда жил этот холод, они не теплели никогда. Даже если Арес смеялся, миссис Джонас не видела, что глаза его смеются вместе с ним или хотя бы улыбаются. Она вспомнила, то время, когда он дружил с Мелиссой, рисовал на песке, и вот тогда глаза мальчика были не холодно-серыми, а почти голубыми. Но что могло быть общего у этих мальчика и девочки? Она знала, что никто Ареса не любит. Его боялись и уважали, никто не перечил ему, но любить? Этого сына снежной королевы? Миссис Джонас всегда огорченно качала головой, когда думала об этом мальчике. Она не могла дождаться, когда же он, наконец, покинет ее приют. Жизнь с ним под одной крышей была словно рядом с вулканом, который спит, но может и проснуться. В глазах Ареса миссис Джонас нередко замечала готовность взбунтоваться, словно лед в его сердце вот-вот вырвется на поверхность и заморозит всё вокруг. Она содрогалась и старалась не думать об Аресе.

Общался ли Арес с Мелиссой все эти годы? Почти нет. Они виделись в столовой, здоровались, иногда болтали, да и только. Арес с головой ушел в свои тренировки, убегая от одиночества, Мелисса всегда была чем-то занята. Даже если бы Арес и захотел пообщаться с ней поближе, то вряд ли нашел бы ее свободной. И готовой бросить работу.

Пару лет назад Мелисса и Лена перебрались, наконец, в комнату для взрослых девочек. И если у мальчишек почти ничего не менялось при их переселении, то у девочек всё становилось другим.

Взросление их происходило просто мгновенно в этой комнате. Во-первых, здесь была гора косметики. Где они ее брали, было непонятно, но возле зеркала лежала гора всякой всячины, и девочки непрестанно там крутились. Конечно, разрисоваться и пойти на учебу не разрешалось, но вот вечером устроить друг другу вечер уроков макияжа — пожалуйста. Все эти ценности были общими, и это очень сближало девчонок. Наряды тоже постоянно обновлялись, переделывались и носились по очереди. Куча модных журналов, девочки постоянно над ними вздыхали. Мелиссе не особо было это понятно, она так и не стала испытывать восторгов по поводу платьев в журнале, фотографий кинозвезд, яхт и автомобилей. Но в комнате всегда были какие-нибудь любовные романы, и читать их Мелиссе очень нравилось.

Но главным было все равно не это. Оказалось, что почти все взрослые девочки в кого-то влюблены, и каждый вечер начинались длинные рассказы о встречах, расставаниях, любовных записках и так далее. Мелисса узнала столько нового! В первые ночи она просто не могла заснуть, так много информации на нее вылилось. Как целоваться, как не дать залезть тебе под платье, и когда это можно разрешить. Все девочки мечтали о большой и светлой любви на всю жизнь, но, тем не менее, влюблялись чуть ли не каждый день в разных юношей. Это правда были не их приютские мальчишки, они почему-то считались бесперспективными и на них как на мужчин никто и не заглядывался. Достаточно было мальчиков в школе и на занятиях в кружках. Да еще учитель физкультуры, и кинозвезды в журналах.... Конечно, иной раз разговор и заходил о приютских мальчишках, но ничего лестного те бы не услышали о себе. Девочки критиковали в них буквально все. Предпочитали они богатых и сильных. В этом была, пожалуй, самая большая разница между

мальчиками и девочками. Женщины показывали себя здесь не с лучшей стороны. Мальчишки, наоборот, считали, что их приютские девчонки самые лучшие и им было абсолютно наплевать, что у соседок нет богатых родителей, машин и красивых нарядов. Возможно, сами девочки и изменили бы свое мнение, узнай они об этом. Обычно Мелисса не участвовала в дискуссиях, но так как деваться было некуда, все слышала и знала. Однажды она стала свидетельницей такого разговора. Девочки как всегда перед сном обсуждали своих ухажеров и тех, кого хотели бы видеть в их роли. Тут одна говорит:

— А что вы думаете о Коулде?

— Да что о нем можно думать. Он ужасен, — ответила другая.

— Ага, представь, как он хватает тебя своими огромными и ледяными руками, — подхватила третья.

Они все захихикали.

— И ничего они не холодные, — встряла Мелисса. Она и сама от себя этого не ожидала и удивилась своим словам, но возврата не было, — и вообще он хороший.

Девочки замолчали и стали перемигиваться, но больше они к обсуждению Ареса не возвращались, во всяком случае, при Мелиссе. А она легла спать, но уснуть не могла. Полночи девочка гадала, чего она полезла его защищать? Потом мысли переметнулись на его руки, и девочка вспомнила, как рисовала этими руками на песке. Его пальцы были мягкими и теплыми. Родными. Мелисса, сама не понимая почему, тихонько заплакала.

2. Детский лагерь

Лагерь, который готов был стать им домом на все три летних месяца, встретил их чудной природой. Лес, озеро, небольшие деревянные домики. Воспитанники нескольких приютов собрались здесь. Впечатлений было хоть отбавляй, веселья — море, дети просто не могли нарадоваться. Они носились, изучая все лесные тропинки, вечерами жгли костры, пели песни и устраивали танцы. Отряды, на которые разбивали всех новоприбывших, постоянно соревновались между собой в дисциплине (уборке, приготовлении пищи), спорте, вокале.

Организация была на высшем уровне, и дети здесь просто расцветали. Свежий воздух, много движения не оставляли места ссорам, дракам, обидам. В лагере старались создать атмосферу взаимопомощи и понимания. Если ребёнок хоть раз там побывал, то воспоминания о времени, проведенном здесь, оставались на всю жизнь. Попасть туда было сложно, и между руководством приютов тоже шла борьба, и раньше дети из приюта св. Патрика никогда сюда не приезжали. Поэтому впечатлений было хоть отбавляй. Сопровождать девочек отправили миссис Пот, потому что тетя Мери была совсем старенькой и выдержать надзор за детьми в лесу не смогла бы. Мистер Брукс сам отказался на три месяца оставить семью, поэтому в лагерь мальчиков сопровождал новый воспитатель — мистер Рамирес. О нем ходили странные слухи, дети его недолюбливали. Но так как деваться было некуда, директору Джонас пришлось отправить его. К тому же она подумала, что там, в неформальной обстановке, у него будет больше шансов сблизиться с детьми и наладить контакт.

В условиях лагеря у мистера Рамиреса действительно это неплохо получалось, и пусть своим он пока не стал, но и конфликтов не возникало. Мальчики боялись, что их отправят назад и вели себя вполне пристойно. Это был лучший стимул. Их учили стрелять из лука, плавать на лодках, лазать по деревьям и канатным дорогам. Для мальчишек это был рай на земле. К тому же возможность посоревноваться с ребятами из других приютов подстегивала всех. Они стали более дисциплинированными и направленными на успех. Хорошо было всем. Девочки заводили романы и вздыхали, шептались и бегали на свидания. Выбор наряда к вечеру на танцы был первостепенным вопросом. Даже совсем еще малышки заражались этим и, утащив у взрослых подружек косметику, разрисовывали свои маленькие личики так, что воспитательницы потом, хохоча, не могли их отмыть.

Мелисса тоже была при деле. Она находила себе занятия, помогала на кухне и с уборкой, и их домик постоянно был самым образцовым и побеждал на еженедельных осмотрах. Осторожная Мелисса не лазила по деревьям, и затащить ее в лодку было невозможно. Она всегда была чистая и аккуратная, волосы уложены волосок к волоску, никакого макияжа. Девочки считали ее скучной. Лена была совсем другой. Ей нравились наряды и косметика, она громко смеялась и могла познакомиться с любым в считанные секунды. Она была простая и большинству пришлась по душе. Что может быть лучше человека, с которым легко? В первый же день она познакомилась с мальчиком и завела роман. Длился он всего неделю и мальчик, опьяненный свободой, переметнулся на другую. Лена была безутешна целый день, а на следующий уже снова была в поиске. Мелисса смеялась над подругой, не понимая, как можно иметь такое непостоянное сердце.

— Ах, Мелисса, в мире столько всего. Надо всё попробовать.

— И всех, — шутила Мелисса.

— А почему нет? Кто сказал, что мужчин не должно быть много? Надо же знать из кого выбирать. Как я пойму, что он тот единственный, если не с кем сравнивать?

— Не знаю, мне кажется, это сразу понятно будет.

— Ой, Мелли, ты просто перечитала этих дурацких книжек. А в жизни все не так. Никто не будет тебя нежно обнимать и вздыхать вместе с тобой. Мужчины устроены по-другому. У них и эмоций-то нет.

— Как это нет?

— Да вот так, они все думают только одним местом.

— Неправда, — смущалась Мелисса, но дальше спорить не решалась, ведь она знала, что Лена ее переспорит и наговорит вульгарных вещей. Она начнет краснеть, а все остальные будут над ней насмеяться. Лучше сделать вид, что Лена ее убедила.

— Надо тебе кого-то завести, а то так и уедешь не поцеловавшись.

Лена решила свести Мелиссу с мальчиком, но та, разгадав ее замысел, обходила все ловушки стороной. Да и мальчикам она не особо нравилась: внешне ничего, но какая-то правильная вся. Зачем они сюда приехали? Развлекаться. А правила им и в приютах осточертели. Она была чуть ли не воспитателем. Это нельзя, так не делай, не бросай, кровать заправляй. Зануда. Вот никто и не горел желанием заводить близкое знакомство с Мелиссой. Вот отдать зашить рубашку, это да, а танцевать лучше с веселыми. Мелисса и не страдала по этому поводу. Ей нравилось наблюдать, как заводятся отношения, как другие танцуют. Она примечала все жесты тела, как происходит первая встреча. Она чувствовала себя умудренной опытом, наблюдала за детьми как взрослая, со снисходительной улыбкой.

В один из вечеров, когда все были на танцах, Мелисса решила пройтись по лагерю и посмотреть все ли в порядке. Она любила делать такие обходы, воображая себя воспитательницей. Ничего интересного в лагере она не увидела и пошла к озеру. Там часто оставались разные вещи — полотенца, шлепанцы, ракетки для бадминтона. Мелисса все это собирала и относила на специальный столик для находок. Она медленно приближалась к берегу, и уже увидела что-то белое на берегу. Девушка поспешила к своей находке, но подойдя ближе, поняла, что это человек. Мелисса хотела было ретироваться, но потом подумала, что сейчас все на танцах и если этот человек лежит один на берегу, то ему, наверное, плохо. Конечно, подумав об этом, она поспешила к нему. Смеркалось и кроме белой рубашки, было почти ничего не видно. Но, подойдя вплотную, Мелисса поняла, что мужчина этот очень большой и лежит с закрытыми глазами. Она опустилась на колени перед ним и легонько дотронулась до руки. В мгновение ока человек оказался на ногах. Мелисса так испугалась, что отпрянув, чуть не упала. Он подхватил девушку и их взгляды встретились. На Мелиссу смотрели серые глаза Ареса. Так близко она не видела его много лет. Какой он взрослый, подумала Мелисса. Когда он успел стать таким взрослым? Она не сводила с него взгляда. А юноша отпустил Мелиссу и сел рядом с ней на песок.

— Что ты здесь делаешь? — наконец пришла в себя Мелисса.

— Приехал сегодня днем.

— Почему не веселишься со всеми?

— Не хочу. Решил побыть один.

— Как прошли соревнования?

— Выиграл главный приз.

Арес сказал это буднично, без радости, как о чем-то само собой разумеющемся.

— Правда? Поздравляю.

Арес слегка кивнул головой. На Мелиссу он не смотрел. А она смотрела на этого парня и не могла отвести взгляда. Девушка почувствовала какое-то волнение внизу живота. Невероятно приятное чувство! Мелисса не могла разобраться в себе. Хотелось только смотреть на Ареса и больше ничего. Черные волосы коротко стрижены, ровный нос, угрюмые губы. Она поняла, что Арес действительно очень мрачный. Не улыбается. Не только сейчас, а и по жизни. Но он такой красивый! Мелисса испугалась, когда сделала этот вывод.

— И что это за приз? — девушке казалось, что обязательно надо что-то сказать.

Арес повернулся к ней и удивленно вскинул бровь:

— Тебе действительно интересно?

— Да, конечно.

— Просто кубок. И немного денег.

Что на это ответить Мелисса не знала. У нее на душе было смятение. Почему она так себя чувствует? Хотелось что-то говорить, что-то делать, но Мелисса не могла ничего придумать. Он был такой взрослый и серьезный, и девушка тут же почувствовала себя глупым ребенком. Поэтому она стала делать то, что всегда делала в минуты душевного смятения — нашла веточку и стала рисовать на песке. Неожиданно рядом с собой она почувствовала Ареса. Он прижался к девушке и, заглядывая через плечо, наблюдал за ее художеством. Горячее дыхание Ареса обжигало Мелиссе плечо. Она подумала о его губах, и все внутри ухнуло, словно она летела на качелях вниз. Несмело Мелисса повернулась и нашла его руку. Она была такая крепкая, мозолистая и большая. Совсем не такая как рука того маленького мальчика, что рисовала с ней вместе когда-то. Но она была теплая, почти горячая. Мелисса взяла его пальцы и стала рисовать. Арес обнимал ее, и девушка помещалась в его объятиях вся целиком. Такое волнующее чувство для них обоих. Арес просто не мог поверить в чудо. Вот он сидит, обнимая единственную девушку в мире, которая могла взволновать его. Силы чувств он не предвидел. Он вдыхал ее запах и чуть не терял сознание от восторга. Расторгнуть объятия было невозможно. Молодые люди боялись сделать лишнее движение, чтобы не разрушить очарование момента. Уже совсем стемнело, и они не видели, что рисуют. Это было совсем не важно, теперь главное — быть рядом. Наконец, Мелисса не выдержала. Ей хотелось большего. Она повернула лицо к Аресу. Он ощутил ее движение и тоже посмотрел на Мелиссу. Юноша почти не видел ее лица, но Аресу этого было и не надо. Он знал все черты милого личика лучше своих собственных. Ее глаза, голубые и чистые, аккуратный носик, нежные губы. У Мелиссы были простые мягкие русые волосы. Без завивок и укладок. Он позволил себе погладить эти волосы, пропустить их сквозь пальцы. А Мелисса смело потянулась к нему и поцеловала. Мягко, но совсем не как младшая сестра. Это Арес понял сразу. Сам он никогда бы не решился это сделать. Но она все решила за него, за них. Он взял ее тонкое лицо в свои большие руки и решил не отпускать теперь никогда. Они целовались и целовались, не могли оторваться. Первый невинный поцелуй становился более откровенным. Молодые люди учились этому искусству, познавая новое. Как здорово! Как восхитительно! Это было непередаваемо. Да разве в каких-то книгах это описано, думала при этом Мелисса. Девушка чувствовала, что губы болят, горят огнем, но прервать поцелуй не могла. Прошло много времени, прежде чем они, наконец, смогли оторваться друг от друга. В душе звенели колокольчики, хотелось плясать,

прыгать, сходить с ума.

Но никто не сдвинулся с места. Только поближе прижались друг к другу.

Так и сидели, пока не обратили внимания, что музыка стихла, танцы закончились. Еще полчаса и будет отбой. Придут проверять все ли на местах.

— Надо идти, — сказала Мелисса.

Арес хотел было возмутиться, но вспомнил, как важны для Мелиссы правила.

— Надо, значит надо, — ответил он.

Они нехотя поднялись с песка, отряхивая одежду. А потом вновь оказались рядом. Арес был таким высоким, Мелиссе приходилось теперь запрокидывать голову, чтобы смотреть ему в глаза. Он снова склонился над девушкой и поцеловал нежно и осторожно. Потом взял ее ручку в свою и решительно пошел к лагерю. Доведя ее до домика, сказал:

— Увидимся завтра. Спокойной ночи.

3. Новый день

Мелиссе казалось, что новый день не наступит никогда. Это была самая долгая ночь в ее жизни. Щеки горели, губы пылали, и заснуть было просто невозможно. Чего только она не передумала в эти бессонные часы. Главным и самым важным для нее было то, что она поступила неправильно. Какие бы то ни было отношения такого рода, были запрещены в стенах приюта. С другой стороны, она сейчас была не в приюте, и подобное здесь происходило сплошь и рядом, и все воспитатели закрывали на это глаза. Ведь детям нужна любовь, положительные эмоции. Они должны научиться общаться с противоположным полом, разбираться в людях.

Мелиссе было плевать на то, что Ареса не воспринимают ее подруги. Плевать на то, что его боятся. Но вот что сказала бы тетя Мери? Или миссис Джонас, которую Мелисса глубоко уважала?

Вспоминая их поцелуи, повзрослевшая Мелли хотела плюнуть на все. Вспоминая доброе лицо тети Мери, решала не продолжать отношений. Она крутилась и ворочалась чуть не до самого утра, когда сон все же победил.

Утро встретило ее радостным солнцем и ощущением чего-то восхитительного. Девушка открыла глаза и сначала не могла понять, почему на душе поют птицы. А потом вспомнила. Все ночные тревоги ушли прочь, ничего ей не хотелось в жизни сильнее, чем увидеть Ареса. Заглянуть в его серые глаза, взять за руку...

Впервые в жизни Мелисса крутилась перед зеркалом битых полчаса. Рассматривала себя, пыталась сделать прическу, подкрасить глаза. Посмотрев на себя в зеркало после всех усилий, она со вздохом умылась, собрала волосы в простой хвост. Выглядеть посмешищем перед всем лагерем не хотелось. Она и так боялась, что Лена тут же заметит перемены, произошедшие с подругой. Объяснений с Леной хотелось избежать любой ценой. Казалось, что на лице написано все произошедшее прошлым вечером до мельчайших подробностей.

Напустив на себя безразличный вид, Мелисса поспешила завтракать. Впервые она проспала раздачу еды и даже не думала об этом. В столовой уже все ели и еще немного, и она осталась бы голодной. Лену Мелисса увидела сразу, но искала взглядом она совсем не ее. Подруга в нетерпении размахивала руками, и Мелисса поплелась к ней. Кусок не лез в горло, и девушка то и дело осматривала столовую.

— Что с тобой? Не стала тебя будить, подумала, возможно, ты заболела.

— Да нет, все в порядке, — отвечала Мелисса.

— А чего тогда? Уж, не под луной ли ты загулялась?

Мелисса смутилась, но Лена такого и заподозрить не могла:

— Да ладно, шучу. Просто устала, наверное. Не дело вечно всем прислуживать. Пора тебе собой заняться.

— Мне же самой нравится.

— Это странно. Посмотри, никого не заставить со столов убирать или за порядком следить.

— Тетя Мери говорит, что я все время такая была, с самого детства.

— А они и рады тебя поэксплуатировать.

— Это не так, Лена.

— Ну и ладно, твое дело.

Такие разговоры у них происходили чуть ли не каждый день. Лена, действительно, искренне любила Мелиссу и желала ей только добра. Мелисса знала это и не сердилась.

— Сейчас будет общий сбор, хотят что-то рассказать. Пошли скорей.

Так и не увидев Ареса, девушка покинула столовую.

Все собрались на большой площадке, которую тут использовали для сбора детей, пересчета, распределения обязанностей. Мелисса увидела Ареса сразу же, из всех парней он выделялся, как никто другой. Она и сама себе удивилась, когда думала, что ей придется его искать. Глаза сами выделили его из толпы, хоть и стоял он спиной.

Плюнув на все, она быстро стала пробираться через толпу и, наконец, оказалась рядом. Он не заметил Мелиссу, что-то говорил товарищу. В нерешительности девушка встала рядом. Сердце забилось, она боялась, что все увидят ее волнение. Арес заметил ее боковым зрением. Повернувшись, он одним махом решил проблему.

— Привет, — сказал он, а потом крепко поцеловал в губы на глазах у всех.

Он улыбался, глаза горели. Такого Ареса не видел еще никто. Как и такого откровенного поведения. Парень, с которым говорил Арес, застыл в изумлении, подоспевавшая как раз вовремя, Лена открыла рот. Сама Мелисса не успела отреагировать — началось собрание. Что говорили, Мелисса не слушала. Рядом стоял Арес, он крепко держал ее за руку, и ни о чем другом она не могла думать.

Так для молодых людей началась пора, которую должен пережить каждый в своей жизни. Полного безграничного счастья. Пора, когда солнце самое яркое, дождь самый теплый, ветер нежный. Цветы цвели только для них, птицы научились петь, только для того чтобы петь об их любви. Усиливало их чувства то, что эти дети были никем ранее не любимы. И если Мелисса хотя бы ощущала на себе привязанность, то для Ареса быть любимым, было сродни волшебству. Он удивлялся, что Мелиссе интересно все в нем, что она считает его красивым. Одни на все белом свете они нашли друг друга. Теперь им все было нипочем. Жизнь впереди казалась волшебной сказкой. Наконец начнутся сбываться мечты.

Влюбленные вставали раньше всех в лагере и ложились самыми последними, не в силах расстаться. Лена была так поражена переменам, произошедшим в Мелиссе, что даже не донимала ее расспросами. Остальные тоже решили благоразумно молчать. Хотя сейчас Мелисса была готова кричать о своих чувствах на весь белый свет. Готова была делиться и открыться. Но никто не спрашивал. Если бы ее избранником был бы кто-то другой, дело бы обстояло иначе. Но Ареса все боялись. Слишком непредсказуемым он был. Детям же из других приютов не виделось в их отношениях ничего странного. Новый воспитатель тоже был не в курсе всех перипетий. И только миссис Пот попыталась как-то поговорить с Мелиссой. Но девушка была настолько влюблена, что разговаривать с ней было просто невозможно. Не видя ничего, она только твердила, что Арес самый лучший на всем белом свете, что просто его никто не понимает и не знает.

Теперь их видели везде и повсюду только вместе. А иногда, наоборот, влюбленные пропадали куда-то, и никто не мог их найти. Арес находил множество укромных уголков, а Мелисса с радостью следовала за ним. Вопреки опасениям миссис Пот, ничем особо крамольным они там не занимались. Обычно просто устроившись на траве, они вели долгие беседы, как когда-то в детстве. Правда теперь к беседам прибавились пылкие поцелуи, но и только. Этим двоим этого было пока вполне достаточно. Арес так боялся спугнуть их зарождающиеся отношения, что чаще всего ему самому приходилось следить за порядком.

Приходить вовремя на обед и ужин, на сборы и выполнять никому не нужные задания. Они поменялись ролями на время, и оба получали от этого удовольствие.

Однажды Мелисса увидела у Ареса странный предмет. Что-то вроде небольшой палочки, с красивыми насечками на ней. Она была небольшой, около пятнадцати сантиметров. Было видно, что Арес часто брал ее в руки, потому что дерево было гладкое, отполированное. Молодые люди сидели на светлой полянке, каких было множество вокруг лагеря. Уходить далеко было нельзя, их предупредили, что будут делать объявление.

— Что это? — Мелисса протянула руку, и Арес вложил палочку ей в руку.

— Это дуло-дуло. Такое оружие для самообороны. Осторожно, видишь какой острый один край?

— А как им пользоваться? Как ножом?

— Можно и как ножом. Но вообще много разных приемов есть. Это часть моего обучения эскримае.

— Расскажи, что это за спорт? Что вы там делаете?

Арес задумался. Он ни разу еще не пытался отобразить словами свои увлечения единоборствами. Что это для него? Зачем? Что они там делают? Наверное, подумал он, эти вопросы надо было задать себе прежде, чем начать тренировки.

— Филиппинское боевое искусство. Это комплексная система боя с оружием и без него, на всех дистанциях и во всех положениях. Мы учимся использовать нож, палки, подручные предметы. И традиционное оружие Филиппин. Разное есть, но я почему-то предпочитаю это. Оно скорее для самообороны, но весьма эффективное.

— Научишь меня?

— Нет.

Мелисса надула губки:

— Почему это?

— Потому что я всегда буду рядом и смогу защитить тебя. Теперь это моя миссия по жизни. Всегда будет.

— Но тебя ведь могут поранить в этом бою. Я не хочу.

Арес рассмеялся. Он чувствовал себя таким сильным, таким смелым, защитником. Как любой женщине необходимо ощущать себя красивой и любимой, так и любому мужчине просто необходимо ощущать себя защитником. Это глубоко в крови, это неискоренимо даже в наше цивилизованное время. Как злятся теперь мужчины на современных женщин за то, что они стали сильными и независимыми!

— Я добьюсь того, что никто не сможет нам навредить. Никогда. Все эти люди будут у нас в подчинении.

Мелиссу шокировали его слова.

— Какие люди, Арес?

— Да любые.

— Никто не хочет нам навредить.

— Это ты так думаешь, потому что не понимаешь людской природы. Ты слишком хорошая, Мелисса. И все этим пользуются. И будут использовать тебя всю жизнь, если это не прекратить.

Вот уже из вторых уст Мелисса слышало подобные речи. Она не знала, что на это отвечать, не хотела оправдываться. Это ее выбор! Поэтому она промолчала, понуриив голову. А Арес, посчитав, что Мелисса согласна с ним, распалялся всё больше:

— Я положу этому конец, когда мы приедем в приют. Не будешь ты больше как служанка заправлять чужие постели и убирать за всеми грязную посуду.

Так вышло, что Мелисса никогда не спорила. Но, не смотря на это, она делала всегда то, что хотела. Желания самой Мелиссы всегда совпадали с желанием окружающих, и именно поэтому она жила в ладу с собой и остальными. Характер Мелиссы можно было назвать редчайшим даром. А сейчас все, как она жила до сих пор, шло вразрез со словами любимого человека. Людям просто невозможно было понять потребность Мелиссы быть полезной.

— И как же ты положишь этому конец?

— Просто не дам тебе этого делать. Вот и всё. И пусть только кто-то попробует к тебе пристать со своими просьбами.

— Будешь драться? — девушка просто не могла поверить и представить себе такую ситуацию.

— Меня и так все слушаются.

— А меня значит, нет?

Арес снисходительно улыбнулся:

— Мелли, ты маленькая хрупкая девочка. А меня все уважают и боятся.

— Ах так, — Мелисса вскочила на ноги, щеки ее горели, — посмотрим, Арес Коулд.

И она побежала в сторону лагеря. Арес что-то кричал ей вслед, проклиная себя за глупую ссору, но она даже не обернулась.

Молодой человек побрел к лагерю, не совсем понимая, что ее обидело. Он анализировал свои слова и не видел ничего такого, что было бы неправдой. Но все равно, мудро решил он, что извинится и все будет как прежде.

Но найти Мелиссу оказалось непросто. Сначала был сбор, где говорили о соревнованиях между лагерями. Арес слушал вполуха, пока не понял, что назвали его имя. Оказалось, что защищать честь лагеря выпало ему. Конечно, благодаря победе на соревнованиях по эскриму. Здесь в толпе разыскать девушку ему не удалось, за ужином она была вся занята, накрывала столы, потом убирала. В общем, вернулась к своим прежним пристрастиям. Арес был уверен, что делает она это ему назло, поэтому решил подождать до вечера. Но и вечером он не смог уединиться с Мелиссой. Она была весела, общалась все время с подружками, зашивала чью-то рубашку. Арес считал себя взрослым и рассудительным, поэтому решил просто подождать. Пусть сама придет, соскучится. Но и через два дня Мелисса не обращала на него никакого внимания. Ушла стоголовой в работу, Лена нарадоваться не могла вновь обретенной подруге, и все время таскала ее за собой, крепко держа за руку. Арес понял, что возвращается к прежнему созерцанию Мелиссы. Что она делает, где она, как она? Чувство дежавю затопило Ареса. А вместе с ним глубокой тоски, которая всегда была неразлучной подругой его злости. Весь его гнев кипел где-то внутри, он не позволял ему подниматься на поверхность. Глаза юноши становились стальными, и улыбка перестала посещать лицо. Если бы он знал, что Мелисса страдает не меньше его самого, он тут же бросился бы к любимой, извинился и делал только то, что велит ему эта девушка. Но Арес считал, что Мелисса всегда была к нему равнодушна, она уже не первый раз вот так обрывала с ним всякие отношения.

Когда на третий день их ссоры на состязания приехали ребята из других лагерей, Арес уже вновь ненавидел весь мир.

Он согласился со всеми правилами, выслушал все требования к поединку, а сам рвался в бой как конь, застоявшийся в стойле. Он понимал, что только в драке сможет сбросить всю нарастившую энергию, выплеснуть все, что накопилось.

Он с легкостью побеждал своих соперников, поначалу сдерживая себя. Видел, что они не особо сильны и понимал, что выставили их просто потому, что больше некого. Наконец, в финале ему достался соперник, который чего-то да стоил. Можно было не сдерживаться, можно было бить в полную силу. Арес наносил удары и получал в ответ, наслаждаясь боем. Ничего вокруг в такие моменты не интересовало его, весь мир прекращал существовать. Битва была отдушиной, местом, где нет ничего, кроме твоего противника.

Мелисса наблюдала в толпе за поединком и сходила с ума. Поначалу от беспокойства. Когда ее любимый пропускал удар, у нее было чувство, что это ее ударили. Но, наблюдая за ним, девушка вскоре поняла, что Арес сам наносит гораздо больше ударов, что он сильнее и ловчее остальных. Тогда она стала получать удовольствие от этого зрелища. Как это было странно. Она и сама никогда бы не подумала, что в ней есть нечто кровожадное. Что женщина вообще в состоянии испытывать подобные чувства. Ей хотелось кричать, подбодрить Ареса, она чуть ли не сама рвалась в бой. Такой эмоциональной разрядки девушка не получала никогда. Стоящая рядом Лена, удивленно смотрела на свою тихоню подругу и думала, что поистине в человеке столько всего противоречивого. Много может никогда не проявиться без определенных условий. Так и не найдешь в себе сил на что-то; или грязных мыслей не появится в голове, даже если проживешь всю жизнь. А вот раз, толчок, отклонение от нормы и всплывает такое.... Так грустно, что человек может так и не открыть в себе таланта, так и умрет очередной Моцарт, просто потому что не попалось ему под руку пианино... Что еще таит в себе эта малышка?

Поединок закончился, и Ареса провозгласили победителем. Ему подняли руку, а он стоял, обливаясь потом, удовлетворенный. В этот момент из толпы выбралась Мелисса и решительно направилась к нему. Она прыгнула к нему на шею и расцеловала под общие овации в обе щеки. Тогда Арес, не заставляя себя упрашивать, подхватил ее на руки и абсолютным победителем покинул поле боя.

Оставшись наедине с Мелиссой, молодой человек не мог поверить, что опять обнимает ее. Что она сама пришла к нему, не побоялась, на глазах у всех. Это вселяло надежду, окрыляло. Он вновь превратился в обычного влюбленного.

— Мелли, любимая...

Что сказать еще Арес не знал, просто прижимал ее так, что она застонала.

— Ой, прости, — он выпустил ее из объятий, — я сделал тебе больно?

— Да, когда не подходил ко мне три дня.

— Я думал, что ты меня разлюбила.

Мелисса рассмеялась, столь нелепым ей показался этот вывод:

— Этого не будет никогда. Ты такой, такой... Думаю, что сегодня мне все девчонки будут завидовать. Придется защищать тебя.

— Меня всегда будешь интересоваться только ты.

Вот так идиллия была восстановлена.

4. Возвращение

Наконец, настал день отъезда. Дети грустили, прощаясь друг с другом, с лесом и озером, со свободой.

Только Арес и Мелисса не переживали и не грустили. Они нашли друг друга, и пока что коварная жизнь не собиралась их разлучать. Впереди только много-много дней вместе. В их сердцах не было места для сочувствия другим, они жили только своей радостью. Поэтому, когда Лена, рыдая, бросилась Мелиссе на шею, та не могла понять страданий подружки. Осторожно высвободилась и поискала глазами Ареса. Он подмигивала возлюбленной, а она изображала нетерпение.

Когда дети вернулись в приют, он показался им маленьким и мрачным. Как привыкли они к простору, где, как только ты открывал глаза, мог оказаться на улице и носиться на просторе! Можно было забыть об условностях и просто о банальной обуви. Сколько солнца дарило лето! Как было темно в длинных коридорах приюта, как тесно. До начала учебы оставалась неделя и дети не знали куда себя деть и чем занять. Они выходили в свой маленький дворик и с тоской озирались по сторонам. Как могло им здесь нравиться раньше?

А для Мелиссы и Ареса ничего не изменилось. Были глаза любимых, и это единственное место, куда хотелось смотреть. Там таился целый мир, огромный, бездонный. Ничто его не ограничивало — смотри, тони, купайся в лучах любви. Они были настолько опьянены друг другом, что и не думали скрываться. Приехав рука об руку, молодые люди так и зашли в приют. Тетя Мери выскочила детям навстречу, каждого обнимала, целовала, малышкой поднимала на руки.

Когда очередь дошла до Мелиссы, старушка сразу заметила перемены, произошедшие в своей любимице. Волосы распущены, глаза горят. Потом она, наконец, увидела сцепленные руки влюбленных.

— Ах, мои дорогие! — расплакалась старая воспитательница и бросилась их обнимать.

Позже она, конечно, немного одумалась и, проанализировав все, посчитала своим долгом поговорить с Мелиссой.

— Пчелка моя любимая, расскажи мне все.

И Мелисса рассказала своей воспитательнице все без утайки, наслаждаясь тем, что может пережить эти чувства вновь. Мери вздыхала, цокала языком и все время плакала. Потом сказала:

— В приюте запрещены подобные отношения.

— Я знаю, тетя Мери. Но что же нам делать? Мы не можем разлюбить друг друга.

— И не надо. Какое счастье найти любовь! Но не афишируйте этого, не держитесь за руки. Подождите пока не выйдете за стены приюта. Аресу остался последний год. Тебе еще два. Как раз за это время ваши отношения окрепнут.

— Тетя Мери я не смогу столько ждать. Я так его люблю.

— Сейчас твой опекун — государство, вряд ли оно поймет твои чувства, девочка моя. Думаю, что директору все доложит миссис Пот, но если вы будете благоразумны, вас никто разлучать не станет. Главное, не натворите глупостей. Впереди вся жизнь. Вся жизнь, — грустно повторяла тетя Мери.

Начался учебный год, всё постепенно стало возвращаться на круги своя. Дети втянулись

в учебу, привыкали вновь к приюту, к распорядку.

Даже терпеливой Мелиссе было поначалу невмогуту сидеть на занятиях, не говоря уж об Аресе. Она разрисовывала тетрадки сердечками и смотрела в окно. Арес убегал с уроков, чтобы нарвать цветов в каком-нибудь дворе. В конце концов, информация об этом дошла до директрисы, и ей ничего не оставалось, как вызвать влюбленную парочку к себе в кабинет. Она собиралась строго отчитать их, но перед такой всепоглощающей юной любовью могло растаять самое ледяное сердце. Они так радовались возможности побыть вместе, пусть хоть в кабинете директора. Все это читалось на их лицах, как у отличных актеров в хорошем кино. Поэтому миссис Джонас сказала:

— Я не могу запретить вам любить друг друга. Любите. Но, если вы хотите быть счастливы в будущем, постройте его сейчас. Надо хорошо доучиться. Арес, у тебя есть все шансы попасть в университет, с твоими спортивными достижениями. Мелисса, ты, если не ошибаюсь, хотела стать медсестрой? Я помогу тебе, но только если вы возьметесь за ум. Подумайте, какое у вас будет будущее. Дети из приюта, а добились многого. Это ли мечта каждого? Я знаю, Мелисса, ты очень благоразумная, чего не могу сказать об Аресе, — девочка хотела возмутиться, но директриса не дала ей этого, — но, ты на него благотворно влияешь. Поэтому я вижу только положительное в ваших отношениях. Обещайте, что так будет и впредь.

Детей так расторгали слова директрисы, что они обещали и главное, собирались это обещание сдержать.

На них действительно повлияли слова миссис Джонас. Светлого будущего хотелось обоим. Арес усиленно принялся тренироваться и старался не прогуливать занятия, Мелисса стала проявлять интерес к урокам. Особенно анатомии. Она продолжала ходить в изостудию и под влиянием новых чувств в жизни, стала писать картины на порядок сильнее. Преподаватель не мог нарадоваться и хвалил ее, не переставая. Ее творчество было по-детски чистым, свежим. Краски яркими, сюжеты не избитыми. Поверить в то, что писала школьница можно было с трудом. Учитель настаивал, чтобы Мелли проводила в студии намного больше времени, но она делала ставку на образование. Свое увлечение рисованием девушка не считала серьезным. Вообще ее мечта была стать врачом, но она понимала, что для нее путь туда заказан. А вот на медсестру выучиться было вполне реально. Конечно, ожидать от подростков самоотверженности и целеустремленности было бы чересчур, но они старались, как могли.

5. Происшествие

Молодым влюбленным, конечно же, все время хотелось остаться наедине. Сделать это в приюте было крайне сложно. Они встречались после школы и медленно брели домой, иногда гуляли по парку. Но вечера становились все короче, и им не разрешалось уходить с наступлением темноты. В приюте все были друг у друга на виду. К тому же молодая парочка вызвала живой интерес у всех обитающих с ними под одной крышей. Мелисса грустила из-за всего этого, Арес злился. Какое-то время чердак предоставлял им укрытие, но мистер Брукс быстро прознал про это и на чердачную дверь был повешен большой замок.

Арес постоянно пытался придумать, где бы им остаться наедине, ведь не мог же он целовать возлюбленную на глазах детей и воспитателей. Однажды, поймав Мелиссу в коридоре, он шепнул ей:

— Приходи после отбоя в учительскую. У меня есть ключи.

— Ты что с ума сошел? Нельзя.

— Воспитатели будут находиться в спальне, никто туда не сунется до утра.

— Я не могу, Арес. Это такое нарушение...

— Мне стоило больших трудов стащить ключи у мистера Брукса. Завтра их надо вернуть. А сегодня смена Рамиреса.

— Ну, хорошо, я приду.

Мелисса дрожала, но желание побыть наедине с Аресом превозмогло сомнения. Вечером она дождалась, пока все девочки заснут (или хотя бы сделают вид), выбралась из спальни и поспешила в учительскую. Мелисса хорошо знала расположение всего здания, ведь оно было ее родным домом. Она прекрасно знала, что не встретит никого в пустынных коридорах, но все равно вздрагивала от каждого скрипа. Добравшись без происшествий до учительской, она в нерешительности остановилась перед дверью. Прислушалась. Ей послышался какой-то звук, а из-под двери пробивался свет. Он уже здесь! Ждет ее! Мелисса решительно толкнула дверь учительской и вошла.

Арес как назло никак не мог покинуть свою спальню. Мистер Рамирес до сих пор не пришел. А дожидаться его надо было обязательно, потому что воспитатель, перед тем как окончательно лечь спать, пересчитывал мальчиков. Аресу ничего не оставалось, как затаить дыхание и вслушиваться в шаги.

Мелисса вошла в учительскую и, обогнув стеллаж с книгами, резко остановилась. Посреди комнаты стоял мистер Рамирес со спущенными штанами, а перед ним стоял мальчик лет восьми. Он был весь какой-то помятый, как скукоженный, словно пытался сжаться до невидимых размеров. По щекам текли слезы, он вытирал нос рукавом. Что-то мямлил невразумительно, Мелисса не могла понять слов. Но это было и не важно. И без слов все было ясно. Мистер Рамирес замахнулся, и мальчик отпрянул, сжавшись еще сильнее. Мистер Рамирес весело рассмеялся. Видимо эта игра продолжалась уже какое-то время и доставляла воспитателю удовольствие.

Мелисса не могла поверить в происходящее. Она задохнулась, а глаз высматривал, сам того не желая, все новые и новые детали: мятые штаны Рамиреса, голый лысый зад, немного отвисший. Когда он дернулся, то встал боком, и Мелисса увидела круглый живот. Мальчик заметил девушку и теперь смотрел только на нее, поэтому, когда мистер Рамирес в

очередной раз замахнулся, мальчик этого просто не заметил. Рамирес понял, что что-то не так и резко развернулся. Мелисса ахнула, глядя на его возбужденный орган. Он болтался как поломанный шлагбаум и просто заворожил ее. Никогда ранее не видела она ничего подобного. Какой кошмар, пронеслось у нее в голове.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мистер Рамирес побагровел от злости и заорал:

— Ах ты, маленькая дрянь, ты что здесь делаешь?

Мелисса попыталась что-то сказать, но так и не смогла.

— Убирайся отсюда, — сказал Рамирес мальчику, — мы тут разберемся.

Видимо, власть его была велика, раз он даже не попытался пригрозить мальчику, а просто прогнал. Он был уверен в себе.

Бывший пленник просто воссиял. Ему было плевать, что теперь отдуваться за него будет Мелисса, сейчас его волновала своя, так внезапно обретенная, свобода. Он не заставил себя ждать и опрометью выбежал из учительской.

А Рамирес натянул штаны и направился к Мелиссе. Девушка попятилась и, наверное, смогла бы удрать, но спина предательски уперлась в книжный стеллаж. Рамирес медленно подошел к ней вплотную:

— Так, так, Мелисса. Значит, любишь подглядывать? Ты уже совсем взрослая. Давай сделаем с тобой то, что ты прервала только что.

Наконец-то девушка обрела дар речи:

— Мистер Рамирес, вы ведете себя непозволительно воспитателю.

Голос ее дрожал, уверенности в нем не было, и ее слова не возымели никакого действия. Мужчина распалился и уже не думал. За него думал его член, которым он уперся Мелиссе в бедро. Крепко зажав свою пленницу, Рамирес положил руки ей на горло и стал душить. Мелисса задыхалась и когда готова была почти потерять сознание, Рамирес отпустил и дал вдохнуть воздуха. Сопrotивляться у девушки уже не было сил, она глотала воздух, приходя в себя. Тогда воспитатель очень душевно заглянул ей в глаза, всмотрелся. Лицо Рамиреса стало мягким, даже добрым, капелька пота с его лба упала Мелиссе на щеку. Мучитель вновь сжал ее горло. При этом он прижимался к Мелиссе и почти что кончил. В этот момент дверь учительской отворилась, и на пороге появился Арес. Ждать он больше не мог, поэтому на свой страх и риск отправился на свидание.

То, что увидел Арес в первый миг, показалось ему ночным кошмаром. Ему часто снился сон, что Мелисса исчезает, что он вновь один. И вот ему привиделась его любимая в лапах страшного паука, который вот-вот утащит ее под потолок, туда, где Арес никогда не сможет достать ее. И вновь одиночество навалится на него, он будет блуждать во тьме. Зачем ему это надо будет? Для кого?

Про Рамиреса ходили слухи среди младших ребят, но Арес никогда до конца этому не верил. Он не мог осознать, что Мелиссе может кто-то причинить вред, боль, обидеть ее. Такое просто не укладывалось в голове. Мелисса закрыла глаза и как маленькая тряпичная куколка висела в руках воспитателя. Наконец, гнев обрушился на Ареса. Кровь прилила к голове, сердце пропустило удары. Теперь уже Арес не колебался ни секунды, выхватив из кармана свою ладонную палочку. Он с силой ударил мистера Рамиреса в висок. Ловкое привычное движение, отработанное на чучеле. Правда, звук получился не такой, как у чучела, но это пустяк. Аресу хотелось бить его еще и еще, топтать, уничтожить. Но Рамирес выпустил Мелиссу, разжав пальцы, и она стала падать. Арес подхватил девушку на руки,

позволив воспитателю рухнуть на пол.

Не думая о последствиях своего поступка, Арес попытался привести в чувство любимую. На лице у нее не было ни кровиночки, глаза закрыты. Страх просто парализовал Ареса, но тут его Мелли втянула воздух и закашлялась.

— Господи, любимая моя, милая, как ты?

Мелисса открыла глаза и непонимающе смотрела на Ареса. Это правда он или ей мерещится, а перед ней до сих пор лицо Рамиреса?

— Нормально, — прохрипела Мелисса. — Горло болит.

— Ничего, пройдет.

Арес гладил девушку по волосам, крепко прижав к груди.

Наконец молодым людям пришлось посмотреть правде в глаза. А точнее на Рамиреса, лежащего на полу. Арес потрогал пульс на безжизненной руке и не нашел.

— Думаю, что убил его, — без всякого сожаления сказал юноша.

— Что теперь будет? Это... это ужасно....

В произошедшее верилось с трудом. Осознать до конца всю трагичность и опасность ситуации, молодые люди не могли. Вот лежит воспитатель, наверное, мертвый. Вот они посреди ночи в учительской. Выглядело все как-то не очень. Могли подумать, что Рамирес застукал их, и за это они его убили. Ладно Мелисса — нежная послушная девочка, не смогла бы этого сделать. Поэтому все решат, что виною всему Арес. Его бурный нрав, его непредсказуемость. Никто не будет его выгораживать. Да и в историю того мальчика, вряд ли поверят. И то, если мальчик решится рассказать, что было под большим сомнением.

Мелиссе не пришла в голову мысль признаться. Ведь мог пострадать ее Арес. Она готова была защищать свою любовь любыми средствами.

— Давай просто приберем и уйдем, никто ничего не докажет, — решил Арес.

— Здесь был мальчик, когда я пришла. Рамирес его...

— Я понял, не надо этого говорить.

Молодые люди сидели на ковре и беспомощно разглядывали труп. Их свидание так и не состоялось. Они просидели четверть часа, продумывая план действий. Сообща решили обставить все как несчастный случай. Якобы Рамирес упал, ударился головой об угол стола.

— Того мальчика я беру на себя, — успокоил Арес.

Им пришлось не на шутку поработать той ночью. Арес, приподняв тело воспитателя, ударил его виском об угол стола, рана получилась больше той, что была от его оружия. Потом молодым людям пришлось придумать, как же мистер Рамирес так неудачно поскользнулся. Пол был застлан гладким линолеумом, но этого было недостаточно. Они раздобыли тетрадь с глянцевой обложкой. Вполне вероятно она могла упасть на пол, а Рамирес, не заметив, наступил на нее. Оставалось снять у него с ноги ботинок, и Арес, натянув его себе на ногу, оставил след на тетради. Все ненужное убрали, вымыли, разложили по местам. Придаться было не к чему.

Конечно, как и все современные люди, они смотрели множество фильмов про супер детективов и раскрытие убийств. Но так же к ним приходил настоящий детектив из полицейского участка и рассказывал о своей работе. Он сказал не верить всему, что они видят в кино, что реальная жизнь существенно отличается. Людей не хватает, посвящать все время одному преступлению просто нет возможности. Поэтому молодые люди уповали на то, что детектив был прав. Если никому не придёт в голову докапываться до правды, то все сойдет на тормозах, как несчастный случай. Мелисса дрожала от мысли, что Ареса посадят в

тюрьму. Она была согласна скрыть что угодно, поступиться принципами лишь бы он был рядом.

От усталости напряжение спало, поэтому, как только дети добрались до своих кроватей, то заснули крепким сном.

6. Последствия

К тому времени когда Мелисса проснулась, все уже было известно. Мистер Рамирес найден, вызвали полицию и скорую. Детей как можно быстрее накормили завтраком и выпроводили в школу. Все сборы происходили в такой спешке, что у Мелиссы не было времени волноваться. Но когда начался первый урок, волна страха накатила на девочку. Ночью все было каким-то нереальным. В таких ситуациях человек действует и не думает. Времени на размышления просто не остается. Кажется, что сейчас ты решишь проблему здесь и сейчас, и на этом все закончится. А утром, когда она увидела полицейскую машину, то поняла насколько реальна опасность. Никуда полиция не денется, будет снова, выяснять, проводить экспертизу. Ее не терзали угрызения совести за смерть Рамиреса, в конце концов, она не делала этого. Ее, как всегда в таких случаях, волновал вопрос, правильно ли они поступили? Ведь так нельзя — сокрыть преступление. Обмануть. Мелисса была не способна на притворство и очень мучилась. Ей так хотелось рассказать все тете Мери, и пусть она решает права Мелли или нет. Она оставалась маленькой девочкой, а приютское воспитание никак не давало повзрослеть. Мелисса за первый урок сгрызла все ногти и, дождавшись конца урока, побежала искать Ареса.

С Аресом дело обстояло иначе. Он не терзался, прокручивая в голове события прошедшей ночи, понимал, что поступил бы так снова и снова. Конечно, можно было как-то решить по-другому, попытаться оттащить Рамиреса, но заглянув вглубь себя, Арес решил, что доволен исходом. Такой человек не должен ходить по земле. Аресу было плевать на других ребят: если они не могли сами за себя постоять — это их проблемы. Но этот гад посягнул на самое святое — на Мелиссу и заслужил смерти. Жаль только, что он не мучился. А еще Арес содрогался при мысли о том, как он был близок к тому, чтобы остаться одиноким. Это был его самый большой страх. Молодой человек не верил в возможность того, что он вновь обрел бы любовь. Слишком хорошо он помнил, как искал только внимания Мелиссы, как дрожал от ее прикосновений. Глубоко в подсознании она была для него не только любимой девушкой, она была и матерью, и сестрой, и всей его семьей. Она была первым и единственным человеком на земле полюбившим его. Говорят, что дети жестоки. Но дети — это отражения родителей или взрослых. У жестоких родителей и дети жестокие. Любить надо учить, ненависть придет сама. Мелисса научила его любви и была для Ареса олицетворением этого чувства. Потерять Мелли? Потерять единственное светлое пятно в сердце? Что будет с ним тогда? Какая мгла поглотит?

После первого урока Арес помчался к Мелиссе. У них было место для встреч в школе, так что они не потеряются. Прибежали они туда почти одновременно. Арес хотел было обнять девушку, но та была слишком возбуждена. Нервно теребила платок и отстранилась.

— Я не могу думать ни о чем другом. Арес, как же мне успокоиться? Мне кажется, что у меня на лбу все написано.

— Ничего у тебя не написано. Пройдет пара дней и все успокоится.

— От этой неизвестности с ума можно сойти.

— Вечером все узнается.

— Никто нам ничего не скажет.

— Поговоришь с тетей Мери. Уж она-то точно тебе все выложит. Ее хлебом не корми —

дай поболтать.

— Так они ей все и расскажут!

— В любом случае доказать мою причастность никто не сможет. Нет никаких доказательств. Даже если они обнаружат, что Рамиреса убили, то определить кто, не смогут.

Мелисса чуть не плакала.

— А что тот мальчишка? Он же совсем ребенок.

— Он будет молчать. Я решил с ним это.

— Он может проболтаться.

— Не проболтался же об издевательствах Рамиреса.

Прозвенел звонок, и молодым людям пришлось разойтись по классам. День для Мелиссы тянулся нескончаемо долго. К тому же у Ареса была вечером тренировка, и ей пришлось идти в приют без него. Лена и другие девчонки не отставали, и разговоры были только о Рамиресе. У Мелиссы волосы стали дыбом, когда выяснилось, что некоторые считали его симпатичным и очень жалели о несчастном случае. Ей стоило огромных трудов не накричать на них, не рассказать какой был этот Рамирес на самом деле.

Полицейские машины уехали, и приют выглядел абсолютно так же как прежде. Внутри все спокойно, только учительская была опечатана. Мелисса нашла спасение от мыслей в работе, пошла как всегда в столовую, накрывать столы. Отныне она и не помышляла о встрече с Аресом. Ей казалось, что теперь между ними всегда будет труп этого негодяя. Когда она будет думать о свидании, то будет думать о последствиях. Как сможет она вернуться к прежней жизни? К безоблачным и радужным ощущениям?

Арес пришел с тренировки голодный как волк и набросился на еду. А Мелиссе кусок не лез в горло. Лена удивленно на нее поглядывала, не заметить перемен в поведении подруги она не могла.

В конце концов Мелисса не выдержала и пошла поговорить с тетей Мери.

— Что слышно о мистере Рамиресе? — как можно более спокойно спросила она.

— Не знаю точно, деточка. Говорят, упал и ударился головой. Такая нелепая смерть. А ведь вроде неплохой человек был.

Мерedit суеверно крестилась.

— Будут расследовать что-то?

— А чего тут расследовать? Вот так вот, деточка, ходил мистер Рамирес, работал, думал и мечтал, а потом бах, и нет его....

— Да, тетя Мери. Страшно.

— А ты не бойся. Все в милости божьей. Проживешь до глубокой старости. Или призрака его боишься?

До сих пор Мелисса и не думала о таком, но когда слова прозвучали, задумалась. Не то чтобы она верила в привидений, но ведь верила же в бога и черта, так почему не верить в призрака? А если он и правда будет преследовать ее?

Расследование так и закончилось, не начавшись. Никто не стал копаться, вскрытие сделали и ничего подозрительного не обнаружили. Все соответствовало. В ране нашли деревянные щепки, никаких противоречий не было, никто на Рамиреса не жаловался, не было ни одного человека, кто сказал бы о нем плохо. К несчастью такое случается сплошь и рядом. Дело закрыли.

Мелисса, когда узнала об этом, облегченно вздохнула. Хотя может где-то глубоко в душе, она хотела чтобы правда раскрылась, хотела покаяться. Снять с души обман. Она не

знала как дальше будет с этим жить.

Но как Арес и предполагал, прошло несколько дней и Мелисса стала успокаиваться, забывать. Случившееся уже было размытым, теряло связь с реальностью. В эти дни Мелисса находила отдушину в изостудии. Учитель отметил, что характер ее картин изменился. Более четкие линии появились, более резкие переходы красок. Он видел смятение, отображенное в ее творчестве. Он посчитал, что она, как художница, переходит на новый уровень. Но спустя месяц Мелисса вновь забросила занятия.

Огорчало то, что характер их отношений с Аресом изменился. Юноша вел себя так словно ничего и не произошло, не хотел говорить с Мелиссой на эту тему. Несколько раз она попыталась обсудить свои чувства, но Арес не понял ее:

— Тебе, что его жаль? Хочешь, чтобы я признался и сел в тюрьму?

— Нет, что ты, — испугалась девушка и больше с ним эту тему не поднимала.

Яркий свет романтики покинул их отношения. Чувство Ареса было глубоким, уходило корнями в детство. Мелисса же испытывала свою первую влюблённость, которая слишком медленно перерастала в настоящее чувство. Происшествие сделало ее взрослей, наивность ушла, а вместе с ней и восторг. Вместе с тем Мелисса поймала себя на мысли, что чувства ее к Аресу приобрели такой характер, что ей уже было не важно, что он сделал или может сделать. Ей казалось, что она будет любить его при любых обстоятельствах. Конечно, ей не приходили в голову страшные картины, она верила в его благородство, поэтому так и думала. Наивная.

7. Подарок

Учебный год подходил к концу и Арес все больше волновался о предстоящем расставании с Мелиссой. В один из дней он ушел с уроков и отправился в ювелирный магазин. Склад характера у юноши был такой, что выразить свои чувства он хотел через подарки. Так как в приюте дети лишены собственных вещей, то относятся с благоговением к любым безделицам принадлежащим именно им. Возможностей выразить чувства у Ареса было не так много — цветы, срезанные в чьем-то дворе, красивый камень в форме сердца, книга, которую кто-то забыл на скамейке. Но у него лежали деньги, выигранные на соревнованиях, и он вознамерился преподнести Мелли сюрприз. Что-то по-настоящему ценное. В ювелирной лавчонке на окраине города он растерялся. Цены были столь велики даже здесь, что у него от возмущения сжались кулаки.

Он бродил вдоль прилавка справа налево и снова направо. Своим поведением он привлек старичка, сидящего за прилавком. Он с волнением стал наблюдать за подозрительным молодым человеком. Витрина была из небьющегося стекла, стояла сигнализация, но все равно неприятности случались. Наконец, он решительно встал:

— Молодой человек, вы ищете что-то конкретное?

Арес вскинул на него голову, как ищейка на дичь:

— Да, конкретное.

— Что же, если не секрет? Кому?

Арес хотел было нагрубить старику, слишком велико было его разочарование. Но почему-то, глядя на старые трясущиеся руки, сказал:

— Вы владелец?

— Да, молодой человек.

— Вы старый. Зачем вам все это? Заберете с собой?

Старик опешил. Потом все же ответил:

— Вряд ли заберу.

— Почему вы сидите тут, с этим металлом? Почему не расстанетесь? Вот Мелисса бы рассталась. Отдала бы все ради спасения утопающих. А у вас путь только на небеса, но вы вцепились в свое золото, как Лепрекон.

Арес развернулся и хотел было уйти, но старик рассмеялся.

— Пойдите, юноша, не уходите. Расскажите мне об этой чудесной Мелиссе.

Как мать может часами говорить о своем дитя, так и Арес обрадовался возможности рассказать кому-то о Мелиссе. Он рассказал, как она помогает в приюте, какая она красивая и добрая, как она рисует. Как хочет стать сестрой милосердия.

Старик удивленно слушал его рассказ.

— Давайте подберем вашей Мелиссе что-нибудь, — предложил хозяин лавки.

— Да нет, бесполезно. У меня и на треть не хватит....

— А вы попробуйте и за такую преданность получите скидку.

Арес и старик потратили еще полчаса выбирая подарок. Наконец, они остановили свой выбор на красивой золотой цепочке с кулоном в виде пчелы. Старик сказал, что он сам ювелир и все его товары эксклюзивные, только в одном экземпляре. Глаза у пчелки были из сапфиров, черные полоски из оникса, а цена — фантастической.

— Ну что ж, как разбогатею, приду, — уже весело сказал Арес. Ему доставило удовольствие общение со стариком, а выбирать драгоценности для Мелиссы оказалось очень приятным занятием.

— Я могу не дожить, как вы сами сказали. Поэтому я вам ее дарю. А взамен вы обещаете прийти за обручальными кольцами именно ко мне и только вместе с чудесной девушкой по имени Мелисса.

Арес ошарашенно смотрел на ювелира. И это после всего, что он ему наговорил! Отказываться юноша не стал, забрал подарок и поскорей выскочил из магазинчика.

По дороге в приют Арес размышлял о том, что жизнь все же странная. Когда ты чего-то хочешь от нее, она не то, что не дает, а забирает последнее, зато, когда не ждешь ничего — преподносит фантастические подарки. Если бы кто-то сказал, что ему подарят кулон такой стоимости, он бы рассмеялся.

Оказалось, что подарить такой подарок тоже не просто. Арес старался придумать нужные слова, но ничего не приходило на ум. Место тоже должно было быть особенным. Да еще и без посторонних глаз. Где теперь найти такое? Мелисса отныне вообще не хотела уединяться после того происшествия. Не вывалишь же подарок в коридоре или столовой.

По дороге Арес на сэкономленные деньги купил цветы. Это был, наверное, первый раз, когда он купил цветы, а не украл. Подумал, что лучше пусть цветов будет много простых, а не дорогой букет, поэтому остановился на ромашках, маргаритках, флоксах, мелких гвоздиках. В приют он попал, перемахнув через забор. Не появится же он у главного входа с таким букетом? Влюбленный оставил цветы у старого пня, где когда-то они вместе с маленькой Мелиссой рисовали. Он не мог дождаться окончания ужина. Коробочка с кулоном лежала в кармане рубашки и просто жгла кожу.

После ужина Мелисса пошла убирать со столов, а Арес от нетерпения увязался ей помогать.

— Что с тобой? — рассмеялась Мелисса.

— Хочу поговорить поскорей.

На личике девушки тут же появилась тревога.

— О чем?

— О хорошем, не пугайся.

— Ладно, тогда, — ответила Мелисса. Но Арес заметил, что она стала медлить. Теперь она постоянно боялась неприятностей. Никакие сюрпризы ее не радовали.

На улице Арес потащил любимую к старому пню. Увидев букет, Мелисса чуть не запрыгала от восторга.

— Какой огромный. Какой красивый, — напряжение покинуло ее лицо.

— Это еще не все. Я скоро уйду из приюта и хотел подарить тебе что-то ценное... На память...

— На память? Ты что бросаешь меня?

— Нет, что ты. Просто хотел, чтобы ты всегда думала обо мне. В общем не могу я говорить ничего такого. Вот.

Арес, волнуясь, достал коробочку и протянул Мелиссе. Неловко было в этот момент не только ему. Никто из них не привык ни делать подарков, ни получать их. Как вести себя Мелисса не знала, а, открыв коробочку, вообще смутилась. Не может же это быть драгоценность? Оценить ее она не могла, не было опыта, а спрашивать было неловко. Не спросишь же, сколько это стоит. К тому же на улице было уже темно, и рассмотреть подарок

девочка толком не могла. Арес понял ее замешательство и достал фонарик. В его свете пчелка на цепочке показалась чуть ли не ожившей сказкой.

— О, Арес... У меня просто нет слов.

— Это настоящее золото и сапфиры и еще... забыл как называются черные камни.

— Где ты взял? — испуганно спросила Мелли.

— Не волнуйся, все законно.

— И все же?

Аресу пришлось рассказать историю приобретения кулона и про обещание прийти за кольцами.

В Мелиссе тут же проснулась женщина:

— А что, будут кольца?

— Если ты захочешь.

— Захочу.

— Я люблю тебя, Мелисса, — Арес подхватил девушку на руки. — И подарю тебе самое прекрасное кольцо.

8. Выпускной

Закончился учебный год и приют расставался с несколькими своими воспитанниками. Среди них был и Арес Коулд. Директор Джонас всегда переживала за своих выпускников. Ей казалось, что на ней лежит ответственность за то, кем они станут и как будут жить. Даже больше, чем на родителей. Родители никуда не девались, продолжали помогать и наставлять. Оставаясь здесь, в приюте, она не имела над детьми больше никакой власти. Ее задача заключалась в том, чтобы подготовить их пока воспитанники жили в стенах приюта; подготовить к тому, что они останутся одни на всем белом свете.

Она знала, что детям слишком много говорили об их правах. Куда пойти жаловаться, что требовать, как постоять за себя. Что должно им государство. Миссис Джонас старалась привить воспитанникам мысль о том, что они сами должны. Как они должны нести себя по жизни, что должны давать. Получалось это не всегда, и она очень переживала за свою репутацию и за то, как о ней будут вспоминать.

В случае с Аресом Коулдом она лишь вздохнула спокойно. Слава богу, эта пороховая бочка не взорвалась в стенах ее приюта. То, что она взорвется, миссис Джонас не сомневалась, уповала только на то, что произойдет это подальше от места ее работы. Проблемой оставались его взаимоотношения с Мелиссой, привязанность Ареса была слишком велика. Но директор решила и эту проблему. Расспросив, разузнав и применив все средства доступные ей как директору детского приюта, она добилась для Ареса прекрасных возможностей. Ему, как выдающемуся молодому спортсмену, предложили трехгодичный контракт за пределами страны. Оплата была великолепной, ожидать такого предложения выпускник приюта не мог бы и мечтать. Арес поначалу заупрямился, но после продолжительной беседы с директором Джонас вынужден был принять предложение. Она разъяснила, что встречи его с Мелиссой будут носить нежелательный характер, что по правилам не родственникам вообще не разрешается вступать в отношения с детьми из приюта. Зато, какие возможности перед ним открываются! Повидать мир! Заработать денег. По истечении трех лет Арес сможет обустроить их быт, совместную жизнь. Сможет позаботиться о Мелиссе. От таких предложений не отказываются. Поразмыслив, молодой спортсмен вынужден был признать правоту слов директрисы и согласиться.

Вопреки его опасениям, Мелисса вполне спокойно отнеслась к этому известию. Она давно готовилась к чему-то подобному, а годы были всего лишь числами. Один, два, три... Подумаешь.

Детям закатали ежегодную выпускную вечеринку. Полные надежд и страхов они веселились от души и прощались с приютом. Почти ничего не отличало их обычных школьников. Кроме того, что уходили они теперь в мир одиночества и самостоятельности. Каждого удавалось пристроить миссис Джонас, о каждом она пеклась, но плоды ее трудов будут видны не скоро. К сожалению, многие из них так и не могли оправдать надежд. Спивались, кончали жизнь самоубийством, становились преступниками. Большинству она не могла дать высшего образования, но они осваивали хорошие рабочие профессии и могли о себе позаботиться в материальном плане.

Тетя Мери всегда плакала навзрыд, провожая своих воспитанниц. Девочки тоже заливались слезами. У мужчин все было сдержано: сухие рукопожатия, иногда легкие

дружеские объятия. Свою нервозность молодые выпускники скрывали за глупыми шутками, розыгрышами, носились всю ночь по приюту, пугали девчонок. Делали все то, что раньше им было запрещено.

Через несколько дней после официального выпуска молодые люди стали разъезжаться кто куда. Чаще всего судьба разносила их по разным уголкам, и встречались они крайне редко. Наступил день, когда и Арес Коулд — молодой красивый и перспективный — покидал стены приюта. С небольшой сумкой и большой надеждой на светлое будущее. Он открыл двери приюта, и ему показалось, что мир ворвался в них. Налетел как ураган, закружил. Словно он попал в параллельный мир, где теперь действуют другие законы, правила и возможности. Назад возврата не было. Арес вышел в этот новый взрослый мир. А он распахнул свои объятия и поглотил его.

Часть третья Становление 1. Вот и Мелисса

— Тебе очень идет. Ты словно родилась для того, чтобы носить эту форму, Мелисса.

— Мне тоже очень нравится. Всю жизнь мечтала ходить вот так, в халате и шапочке, сразу чувствуешь себя уверенней, словно одеваешь на себя костюм супергероя. Когда ты в костюме, ты умнее других, знаешь, что делать, спешишь на помощь. Ведь мы, медсестры, тоже своего рода супергерои, всегда спешим помочь.

Мелисса все не могла оторваться от зеркала. Вот уже год она училась на медсестру и наконец-то могла одеть форму. У них начиналась практика, теперь она будет учиться применять теорию. Девушка от нетерпения пританцовывала, поправляя шапочку. Мелисса остригла волосы, теперь они чуть прикрывали уши. Они слегка потемнели, приобрели медовый оттенок. Глаза тоже со временем светлели и когда-то темно-синие, стали просто синими, а на свету вообще голубыми. Высокие скулы, просто-таки выигрывали от шапочки медсестры и становились точеными. Халатик сидел на ней как влитой, очень красиво облегая. На шее блестела цепочка. Мелисса привычным жестом потрогала пчелку, улыбнулась. Всегда в такие моменты она вспоминала сколько шума наделала эта цепочка с пчелкой. Вплоть до того, что директор хотела запретить ее носить. Положить сейф и выдать Мелиссе назад в день выпуска. Миссис Джонас даже нашла того старика, который подарил ее, и сама лично убедилась, что история, рассказанная Аресом, правдива. Столько было пересудов и перешептываний, девчонки просто с ума сходили от зависти. Но Мелисса настояла на своем и ни за что не захотела ее отдавать. Она пообещала, что носить будет ее всегда только под одеждой, никогда на виду. Привычка эта так и осталась, никому Мелисса не показывала свое сокровище.

Мелисса была счастливицей. Ей повезло учиться на того, кого хотелось. Она совсем не была в обиде на жизнь, в отличие от многих приютских детей. Она любила тетю Мери и считала почти матерью, любила приют, который считала домом, любила Ареса — он был ее семьей. У нее было всё. Именно так Мелисса относилась к жизни. Все было расписано вперед, она знала как жить и это было главным. Она выучится и будет помогать людям, они с Аресом поженятся и заживут счастливо. Заведут детей и никогда их не бросят, сделают счастливыми, станут идеальными родителями...

Лена с завистью рассматривала подругу. Она не была прирожденной медсестрой, как Мелисса, но не видела себя вообще никем, поэтому пошла учиться просто за компанию. Да и выбор у нее был невелик — закройщица, продавец. Лена с возрастом становилась все крупней, поэтому на ней халат сидел совсем не так хорошо, как на Мелиссе. Ее пышная грудь, так и норовила расстегнуть верхнюю пуговицу. Втайне она, правда, мечтала подцепить здесь какого-нибудь доктора и навсегда расстаться с этим халатом и работой. Она никогда не понимала тяги Мелли помогать людям, а сама приходила в ужас от предстоящей практики. Делать уколы, ставить клизмы, да еще и каким-нибудь старикашкам. Лена не представляла, как способна молодая девушка все это вынести, увидеть воочию все мерзости мира, и остаться жизнерадостной, желающей любви и мечтающей рожать детей.

Спорить с Мелиссой по этому поводу она давно перестала. Такая обычно мягкая Мелисса здесь проявляла твердость и стояла на своем до конца. Лене было жаль глупышку, она не верила в людей и считала, что Мелисса обязательно рано или поздно поплатится за

свое мягкосердечие. Лена была хорошей девушкой, совсем не злой и искренне любила Мелиссу, но почему-то ждала того дня, когда Мелисса разочаруется в людях, когда она посмотрит на Лену и скажет: «Да, ты была права». Тогда может с Мелли сотрется этот ореол чуть ли не святой девы, и она станет ближе к ней, Лене, и станут они совсем одинаковыми. Конечно, Лена мечтала об этом глубоко в подсознании, и если бы кто-то обвинил ее в подобных мыслях, то с праведным гневом она выцарапала бы лжецу глаза. Осознать, что она хочет для Мелли грусти, она была не в состоянии.

Девушки отправились на свой первый обход. Одна — со счастливой улыбкой на лице, другая — со страхом. Мелиссе казалось, что она выросла здесь. Что попала домой. Все было привычно и знакомо, а то, чего она не знала, просто всплывало само на интуитивном уровне. Никогда еще человек не был настолько на своем месте как Мелисса в больнице. Она слышала шаги врачей, слышала, что кто-то хромает, как стонет за стеной юноша, видела, что беременную девушку тошнит. Она всегда успевала помимо основной работы сделать что-то большее. Куда-то заглянуть и перекинуться парой слов со старушкой, к которой давно уже никто не ходит, проверить повязку ослепшему старику, купить в автомате леденец и занести к девочке в палату. Прошло совсем немного времени, а Мелиссу знали все пациенты. Она запоминала, кого как зовут, у кого что болит, даже про родственников пациентов и то все знала. В то время когда Лена флиртовала со всеми, кто только попадался на ее пути, Мелли готова была помочь и санитаркам. Те правда, увидав, как она схватила ведра, шутливо погнажи ее из подсобки. И хоть Лена сама не одобряла Мелиссиного поведения, но услышав как-то, что ее обсуждают медсестры в больнице, ставя под сомнение ее добрые намерения, Лена накинулась на них с кулаками.

Теперь учеба была Мелли не в тягость, грусть-тоска покинули ее. Ходить ежедневно на лекции и часами там сидеть было для нее невыносимо. Мелисса привыкла к действию, она была очень подвижной, и не могла усидеть на месте. Первый год приходилось учиться, возвращаться домой в общежитие и опять учиться, чтобы не вылететь из колледжа. Мелли не знала, выдержит ли она целый год такого безделья, как она это называла.

Теперь всё было по-другому. Места мыслям не оставалось, она возвращались вечером в общежитие и практически сразу засыпала. Лена готовила ужин, будила подругу и та, полусонная, съедала его и вновь засыпала. Конечно, столь сильное изнурение себя работой не могло пойти на пользу молодой девушке, но Лена понимала, что так лучше. Хоть не было этих постоянных разговоров об Аресе, ожидания от него звонка, высматривания в окно.

Лена упивалась жизнью в общежитии. Они получали стипендию и могли делать все, что захочется. Распределять деньги не умели ни она, ни Мелисса. В первые же дни они потратили всё на наряды, безделушки и просто вкусные вещи. Со временем они поняли, что так дело не пойдет, нужно научиться экономить, чтобы потом не попадать впросак. Первый год стал для них не только учебой в колледже, но и школой самостоятельной жизни. Как же все было в новинку, странно, но волнующе. Запах свободы просто опьянял. Мелиссе было проще, она очень боялась, что ее отчислят из колледжа, поэтому все время училась. У Лены не было такого страха, она жила здесь и сейчас, потому окуналась с головой в развлечения. Каждый день вечеринки, выпивка, случайные связи. Лена не разбиралась в людях, и каждый, кто говорил ей приятные слова, становился ее лучшим другом. Чаще всего на одну ночь, потом пропадал бесследно. Пару раз, унося с собой всю ее стипендию. Чем больше она разочаровывалась в людях, тем больше ей хотелось отомстить всем мужчинам и выйти замуж. Вот тогда-то она отыграется. Мелисса сильно переживала за подругу, наблюдая, как

та пьет каждый день и курит траву.

— Лена, так ты никогда не выйдешь замуж. Где же ты найдешь будущего супруга? На этой пьяной вечеринке?

— А где же еще? Здесь, с тобой в комнате, над учебниками?

— Но они же видят как ты себя ведешь, никто не захочет такой жены.

— Мелли ты рассуждаешь, как старуха из девятнадцатого столетия. Сейчас все по-другому. Парни любят девушек простых, чтобы было весело. Никому нет дела до того, с кем она спала когда-то.

Мелисса только качала головой. Она так боялась потерять мечту, что даже думать не могла о том, что пойдет на такое сборище. Лена смеялась над ней, подруги по общежитию тоже постоянно подначивали, но Мелиссе было не привыкать.

Как-то раз, как только Мелисса зашла в холл общежития после практики, к ней навстречу выскочила Пенни, соседка по комнате.

— Жду тебя, — заговорщицким шепотом сказала она.

— Зачем?

— Тебе несколько раз очень настойчиво звонил мужчина. Просил обязательно перезвонить.

Сердце Мелли застучало быстрее.

— Правда? Когда? Кто? Он что-то сказал?

— Да, зовут его мистер Булман. Такой милый акцент...

— А-а-а, мистер Булман, — разочаровано протянула Мелисса. — Это мой учитель рисования. Что ему надо?

— Не знаю, — в голосе Пенни огорчения было не меньше, — оставил телефон.

— Давай.

Проглотив разочарование, она все же пошла звонить мистеру Булману. Он хорошо к ней относился, и заставлять его ждать было невежливо.

— Мистер Булман?

— Да, это я.

— Это Мелисса Самос. Вы хотели меня слышать.

— Ох, Мелисса. Как я рад, что нашел тебя. Знаешь, один мой знакомый устраивает выставку детских работ. У меня остались несколько твоих картин, ты не возражаешь, если я их выставлю?

— Мистер Булман, о чем вы? Конечно, выставляйте. Делайте с ними, что хотите.

— Ах, Мелисса. Как ты беспечно относишься к своему творчеству и искусству. Это ведь частичка тебя. Что значит, делайте с ними что хотите? Они твоя собственность.

— Мистер Булман, вы представляете себе, где мне хранить эту собственность? У меня маленькая комнатка в общежитии, нам здесь и так не развернуться.

— Мелисса, ты всегда знаешь, как я относился к твоему творчеству. Пусть я всего лишь школьный учитель рисования, но я кое-что понимаю. Ладно, посмотрим, что скажет выставка. Пусть люди решают.

— Хорошо, мистер Булман, спасибо за звонок.

— До свидания, Мелисса.

Мелли повесила трубку, и плечи ее опустились. Она так ждала вестей от Ареса, а их все не было.

Лена уже была в курсе звонка и ждала подругу с нетерпением.

— Ну что он хотел?

— Лена, ты такая любопытная.

— Мне кажется, он в тебя влюблен. Ах Мелисса... Ох Мелисса... Он всегда краснеет при виде тебя.

— Ты что ненормальная? Ему под сорок.

— И что?

— Он хотел отправить мои картины на какую-то выставку.

Лена недоверчиво вскинула бровь.

— И что, можно на этом заработать?

— На чем? На детской выставке? Не смейся меня. Туда может и придут погреться бездомные. Кто еще ходит на такие выставки?

— Тогда вообще говорить не о чем. Чего ты унылая такая?

— Думала, что это Арес.

— О-о-о, опять. — Лена недовольно скривилась и сделала вид, что очень занята разглядыванием себя в зеркале.

— Что ты имеешь в виду? — Мелисса вспыхнула.

— Хочешь правду? Ладно. Хватит уже. Мелли от него нет вестей уже год, он и думать о тебе забыл. Эти детские привязанности не длятся всю жизнь, что бы ты себе ни придумала. Начинай жить своей жизнью и выбрось его из головы.

Мелисса молча слушала эту тираду. Она подозревала, что Лена так и думает, но не знала, что отвечать. У самой девушки ни на секунду не закрались такие подозрения. Она твердо верила в Ареса и его чувства. Но не доказывать же это неверующей подруге?

— Не хочу больше говорить об этом, — наконец, ответила Мелисса.

Лена уже раскаялась в том, что наговорила все это и теперь хотела загладить вину:

— Давай я приготовлю омлет с сыром, как ты любишь?

Мелисса молча кивнула и взяла учебник.

2. Встреча

— Было очень приятно с тобой работать, Коулд. Ты настоящий профессионал. Если что, ты знаешь, где меня найти.

— Да, мистер Бруно. Мне тоже было очень приятно.

Арес еще раз взгляделся в этого человека. Все в нем говорило о силе. Нет, не внешне. Он был небольшого роста, как и все итальянцы. В темных волосах уже начала пробиваться седина, хотя ему было только около пятидесяти. Но это все было не важно. В его глазах было столько уверенности, словно за его спиной всегда стоял отряд спецназа. Казалось, что стоит ему шевельнуть мизинцем и тебя уже не будет на этой земле. Очень спокойный, Арес никогда не видел, чтобы мистер Бруно выходил из себя или повышал голос. Достичь того положения, какое он занимал сейчас, было очень и очень сложно. Только строжайшая самодисциплина и контроль жили в этом человеке. Места человеческим страстям не оставалось. Зачем ему была такая жизнь, это уже другой вопрос. Иногда Арес задумывался над этим, но решить такую загадку было ему не по силам. Что и говорить, Арес восхищался им, хотел хоть немного приблизиться к тому, каким был мистер Бруно.

— Поедешь домой? Сколько ты там не был, мой мальчик?

— Уже почти три года.

— Теперь тебе есть что привезти, правда? Всегда приходи победителем или не приходи вообще.

— Да мистер, Бруно. Хочу жениться и теперь смогу купить самое лучшее кольцо моей возлюбленной.

Мистер Бруно по-отечески улыбнулся:

— Это правильно. Семья это важно. Это самое главное, что может быть у мужчины. Сделай счастливой свою жену и сам станешь самым счастливым человеком.

Арес еще раз с чувством пожал руку мистера Бруно и вышел.

Во дворе его ждали несколько товарищей. Они тоже хотели попрощаться. Подшучивали, давали наставления как себя вести. Арес помнил как познакомился с ними. Они все, когда первый раз встретились, были почти детьми. Все с несчастным прошлым или брошенные родителями. Жизнь свела их и теперь разъединяла. Это непрерывный жизненный цикл. Кто-то уходил, кто-то оставался. Контракт Ареса закончился. Он не ударил в грязь лицом и оставлял после себя хорошее впечатление. Многие эти мальчишки пережили вместе, вместе выросли, становились мужчинами. Правда, опыта в делах семейных не прибавилось, но какие их годы? Все впереди.

Крепко обняв на прощание товарищей, Арес зашагал к аэропорту. За спиной у него был небольшой рюкзак. Вещи почти такие же, с какими он покидал приют. Конечно, жизненного багажа прибавилось, но это не давило на его плечи грузом (пока еще нет), наоборот, придавало легкости походке. Сейчас он точно знал, куда и зачем идет. И что ждет его впереди, вернее кто. Его Мелисса, его семья. Единственная, кто жил у него в душе. Ничто было не в состоянии вытеснить ее образ из его сердца.

Арес не мог сообщать Мелиссе о своем пребывании, не мог звонить ей, но сведения получал о ней регулярно. Он знал, где Мелли и чем занимается. Представлял себе ее распорядок дня и ему казалось, что он всегда рядом. Поэтому, прилетев в родной город,

молодой человек, не раздумывая поехал в общежитие. Было рано, Мелиса еще не вернулась. Арес нашел цветочную лавку и купил такой же букет, как в тот день, когда он подарил ей цепочку. Уселся на скамейке неподалеку от входа в общежитие и стал ждать. Это ожидание было для Ареса очень волнительным. Молодому человеку даже хотелось, чтобы оно продлилось подольше. Но в скором времени группы девушек стали появляться возле здания, и вскоре он увидел и Мелиссу. Конечно, она была с Леной, и эту девицу провожал какой-то парень. Арес не спешил, рассматривая со своего наблюдательного пункта все детали. Мелли почти не изменилась. Такая же худенькая, в простых синих джинсах, светлой курточке, на ногах кроссовки. Волосы коротко острижены. Все такая же задумчивая, она медленно шла, не обращая внимания на Лену и ее ухажера. По ногам у нее билась сумка, но Мелисса не замечала и этого. Тут она остановилась и как собака втянула носом воздух. Стала озираться. Первым она увидела букет, лежащий на скамейке, а уж потом Ареса.

Она бросилась ему навстречу так стремительно, что Арес еле успел подхватить девушку. Какой она была легкой! Как приятно было держать ее в руках. И смотреть в глаза. Так он не мог смотреть в глаза никому. В своей жизни он смотрел только в глаза сопернику и в этом, понятное дело, не было ничего приятного, главное — кто победит, кто сдастся и спасует. Конечно, это бывал не он, Арес. А здесь он смотрел в ее нежные глаза и капитулировал, сдавался ей на милость и получал от этого несказанное удовольствие. Он был лишен этого так долго, так нравилось ему подчиняться ее нежности.

— Вот ты и вернулся, — сказала, наконец, Мелли.

— Вот я вернулся, — вторил ей Арес.

Они были опять детьми, были прошлым друг друга, но отныне и настоящим, и, конечно, будущим.

— Пойдем ко мне в комнату, я переоденусь.

— Пустят?

— Пройдем.

Мелисса вспомнила о Лене. Подруга стояла возле входа и недоверчиво осматривала Ареса. Ее провожатый испарился.

— Явился, значит? — спросила Лена, когда они подошли.

Арес не счел нужным отвечать.

— Отвлеки мегеру, — попросила Мелисса, — мы хотим пойти в комнату.

— Ладно уж, — скривилась Лена.

Было еще не поздно, поэтому бдительность вахты была минимальной, и молодым людям удалось без приключений пройти в комнату.

Арес осмотрел жилище Мелиссы и сказал:

— Как-то тут тесновато. Я завтра же сниму квартиру — самую лучшую, и мы переедем туда.

— Самую-самую?

— Да, Мелли.

— Мне все равно Арес, путь хоть крошечную.

Арес усмехнулся. У него теперь были деньги, и завтра он удивит свою возлюбленную.

— Пойдем праздновать? В лучший ресторан.

— И что же я туда надену? — со смехом спросила Мелисса. — Боюсь, буду чувствовать там себя не в своей тарелке. Хочу просто побыть с тобой наедине.

— Ладно, у меня идея. Давай снимем шикарный номер и закажем туда ужин,

шампанское и что там еще?

Легкий страх, скорее даже волнение, мелькнуло у Мелиссы в глазах, но она тут же сказала:

— Прекрасно. Как в кино. Иди на улицу и жди меня, я переоденусь и выйду.

Арес безропотно подчинился.

А Мелисса заметалась по комнате. Раскрыла шкаф и вывалила из него все содержимое. Пришла Лена, увидав такое, поняла все без слов. Убежала и вернулась с Пенни. Собирали Мелиссу всем общежитием. Событие было из ряда вон выходящим, Мелисса идет на свидание! Она не стала признаваться, что пойдет в гостиницу, а то об этом говорил бы завтра весь колледж.

Лене она призналась, чтобы та ее не ждала.

— Меня не будет всю ночь.

Лена вскинула брови, но промолчала. «Давно пора», — подумала девушка.

Мелиссе нашли комплект белоснежного кружевного белья. Мелли пыталась отказаться, но Лена сказала, что даже если девушка ничего такого и не планирует, то все равно должна быть готова. Да и просто для уверенности в себе.

Ей нашли черное платье типа кимоно, с запахом, никаких застежек на нем не было, просто поясик на талии. Черные лодочки на невысоком каблучке и ее светлая курточка.

Уходя, Мелисса сказала:

— Завтра Арес собирается снять квартиру, и мы будем всегда вместе.

— Дожить надо до завтра. Может, ты не захочешь с ним жить после сегодняшней ночи.

— Лена, что ты такое говоришь! Умеешь ты подбодрить.

— Ладно, прости, это была глупая шутка. — Лена чмокнула Мелиссу в щеку и вытолкнула за дверь.

Арес весь измучился в ожидании. Ему было абсолютно наплевать на внешний вид, он все равно ничего этого не замечал. Поэтому ему было непонятно, что там можно так долго одевать. Когда Мелли, наконец, вышла, он смотрел только ей в глаза и не видел больше ничего. Молодые люди пошли, держась за руки и почти ничего не говоря. Так хорошо было просто идти рука об руку по ночному городу. Они оба были лишены этого всю жизнь. У Ареса были обязательства, Мелисса сама себя лишила всего. Сегодня она чуть ли не первый раз в жизни решила отдохнуть и ни о чем не думать.

Мелисса очень стеснялась войти в гостиницу незваной гостьей, боялась, что их не пустят. Она попросила найти дешевый мотель, где на все закрывают глаза, но Арес об этом и слышать ничего не хотел.

Они подошли к красивому небольшому зданию. Это был хороший отель, для знающих толк, богатых путешественников. Не выставлялся напоказ, завлекающей мишурой, но уровень комфорта в нем был на высоте. Цены тоже не по карману простой молодежи. Арес уверенно открыл дверь. Он видел как неловко Мелиссе, поэтому усадил ее на мягкий кожаный диван в холле, а сам пошел к администратору.

Мелли сидела и разглядывала холл. Небольшая мраморная лестница разделяла его на две половины, мягкие ковры, приглушенный свет, сдержанные тона. От всего этого веяло роскошью и на ее счастье, она не знала, сколько Арес отвалил за номер. За лучший номер.

Мелисса сидела на диване так, словно он вот-вот взлетит и сама была готова в тот же миг выскочить за дверь. Но Арес, подхватив ее под руку, показал ключ от номера.

— Прошу вас, моя леди.

3. Наедине

Комната поразила не только Мелиссу, но и Ареса. Он бывал в домах богатых людей, но по службе, ничего не трогал, по сторонам не глазел. А в этом номере все принадлежало им, пусть и на одну ночь. Гостиная: диваны, кресла, мраморные колонны. Картины на стенах, цветы в вазах. Балконная дверь вела на просторную террасу с плетеной мебелью. Они находились на третьем этаже и с террасы был прекрасный вид на ночной город. Но не на шумную магистраль, а на кусок парка и спокойную улицу, освещенную фонарями.

Спальня поразила огромной кроватью и пушистым белым ковром, больше влюбленные ни на что внимания не обратили.

Арес набрал номер и заказал ужин. Какие-то экзотические блюда, морской коктейль, шампанское и землянику.

— Ты уверен, что это вкусно? — робко спросила Мелисса.

— Нет, — рассмеялся юноша, — это самое дорогое, что есть в меню.

Мелисса рассмеялась, и когда им принесли заказ, чувствовала себя более уверенно. Арес откупорил шампанское, и они выпили. Мелисса ни разу не пробовала этого напитка и была удивлена ощущениям. Казалось, оно согревало горло даже после того, как прошло вниз. Странное ощущение. Не так чтобы очень вкусно, но... это же шампанское. Потом они стали пробовать еду и хохотали от души над выражением лиц друг друга. Что уж тут сказать? Дети из приюта... не ели они никогда ничего кроме простых блюд, таких как тушеное мясо с картошкой, овощи, рыбу. В общепитии Мелисса питалась и того хуже, а Арес привык к сухим пайкам. А тут устрицы под каким-то соусом, странный мексиканский салат, который есть было просто невозможно — такой он был острый, мясо под красной икрой, которая на их взгляд испортила весь знакомый вкус мяса, да и сама икра не пришлась молодым людям по вкусу. Хорошо хоть с мясом подали жареный картофель и немного свежих овощей для украшения. Влюбленные так хохотали, когда предлагали друг другу эти чудесные блюда, что попадали на пол.

Пришлось довольствоваться картошкой и шампанским с земляникой. Арес предложил заказать что-то другое, но Мелиссе было неудобно, и она отказалась. Да и голода она не чувствовала. Шампанское ударило в голову, опьянило и стало так хорошо! Такая близость и неумная радость. Арес был теплый. Не только его руки согревали, но и глаза излучали тепло, словно он накинул на нее теплое одеяло, и они были под ним вместе вдвоем, укрылись от всего мира и никогда не вылезут. Незаметно они перебрались в спальню, и Арес просто пришел в восторг от гениального платья — надо было только развязать пояс. Тут уж любой дурак не сплеховал бы. Под черным платьем резко бросилось в глаза белое белье, которое в полутьме словно сияло. Его заворожило это зрелище, а Мелисса чувствовала себя королевой, способной повелевать. Шампанское — верный помощник в таких делах. Скольким неопытным парам оно помогло? Скольким неловкостей сгладило? Заслуга его велика перед всеми влюбленными мира. Как все было легко и просто под его чарами, как естественно. Мелли уже ничего не боялась и не стеснялась, у Ареса прибавилось уверенности, смелости. Они наслаждались близостью, такие нежные, милые и наивные. Что может быть прекрасней двух красивых молодых и любящих людей? Восхитительней моментов, когда хочется сделать хорошо другому, отдать все самое дорогое и открыть самое

сокровенное.

Когда они впервые пресытились любовью, Арес сказал:

— Ты знаешь, я готов сейчас съесть то мясо с икрой.

Мелли захихикала и подхватила:

— А я устрицу.

— Решено, закатим пир.

Они вновь перебрались в гостиную и стали уплетать деликатесы. Молодые организмы требовали пополнить запас энергии, поэтому и мясо, и устрицы были съедены.

— Пожалуй, я смогу привыкнуть к богатой жизни, — сказала Мелисса.

— Мелли, у тебя будет все самое лучшее. Я сделаю тебя богатой. Для того я работаю. Для тебя. Мне самому ничего не надо. Сухой паек и жесткая койка.

— Ты так жил, Арес? Но чем же ты занимался? Расскажи мне о своей жизни.

— Да ничего интересного. Тренировки, соревнования, опять тренировки. Это скучно, Мелли. У нас и отдохнуть времени не было. Да и не умели мы.

— Любимый мой, как тебе было тяжело. Надо было бросить все и приехать. Ты же знаешь, что мне ничего не надо.

— Знаю, Мелисса. Но это неправильно. Ты — моя любимая и я должен дать тебе все, чего ты заслуживаешь. Да и не мог я бросить, у меня же контракт был. А ты как жила?

— Учебой. Только она меня спасала одинокими вечерами. Думала, с ума сойду от тоски. Чувствовала себя такой одинокой. Не было тети Мери, миссис Джонас. В приюте ведь никогда не остаешься один, все время в кругу семьи. Пусть это не настоящая семья, а призрачная, но хоть такая была. А потом — раз и не стало, меня это угнетало. Лена не спасала, она постоянно где-то гуляла, на вечеринках и в клубах.

— Милая моя Мелли, тебе было во сто крат тяжелее, чем мне. Сейчас я скажу, может, не совсем уместную вещь, но я снова тебя хочу.

— Это уместно, — Мелисса поцеловала любимого.

А Арес почувствовал, что теперь всегда будет испытывать потребность еще и в этой близости. Раз попробовав, теперь уж не остановишься.

Как же я от неё завишу, думал он, опуская Мелиссу на кровать. Потом мысли покинули его.

Когда на следующий день Мелисса ушла на занятия, Арес отправился искать квартиру. Он руководствовался тем, чтобы квартира понравилась Мелиссе. Как он сказал девушке, так оно и было на самом деле: самому молодому человеку было абсолютно наплевать на то, где он жил. Спартанских условий ему было вполне достаточно. Мало того он вообще плохо понимал необходимость большинства приспособлений, которыми были оснащены дорогие апартаменты. Он боялся одного вида современной плиты, с кучей программ, не знал, какой ему нужен режим в стиральной машине и был равнодушен к венецианской штукатурке. Риэлтор совсем растерялся, когда понял, что на клиента не производит впечатления то, чем обычно он соблазнял остальных. Поэтому, в конце концов, он поинтересовался, для кого Арес подыскивает квартиру. Молодой человек и сам утомился от хождения по апартаментам, поэтому сказал все напрямик. Ищу уютное гнездышко для проживания с любимой, детей нет пока, нужен уют и красивый вид. Желателен парк рядом и тишина. Риэлтор почесал затылок, но все же повез Ареса по очередному адресу. Это был дом мечты. Лужайка перед входом, аллея засажена красивыми белыми цветами. Задний двор со скамейкой-качалкой. Четыре просторные комнаты. Дом был полностью обставлен,

выдержан в спокойных тонах. Арес сразу понял, что это именно то, что надо. Риэлтор со страхом назвал цену. Он и не предлагал этот дом именно потому, что, во-первых, дом был слишком большим, во-вторых, Арес не производил впечатления человека способного выложить такую сумму. Но молодой человек несколько не смутился и с радостью подписал договор.

Счастливым Арес с трудом дождался Мелиссу. Он решил, что не будет сам осматривать дом и хотел это сделать вместе. Они приехали в отличном настроении, всё время шутили и смеялись, до сих пор не веря обретенному счастью. Когда Мелли увидела дом, она не поверила своим глазам. Была уверена, что Арес просто шутит.

— Этого просто не может быть, — смеялась она.

— Вот мы сейчас проверим.

Арес взбежал на крылечко и стал открывать дверь.

— Арес, уходи оттуда, хватит, сейчас хозяева вызовут полицию.

Но когда Арес действительно распахнул дверь и приглашающим жестом поманил Мелиссу, она сдалась. Переступая порог, она все еще считала, что кто-то сейчас выскочит из глубин дома и набросится на них. Но дом был тих и спокоен. И встретил их только приятный запах дерева. Они пошли вместе по комнатам. Ощущение было таким, словно ты зашел в чужой дом и ходишь там без спроса. Чужие вещи, к которым страшно прикоснуться, пугающая тишина, непривычная роскошь. Они напоминали малых детей, решившихся на проказу. Глядя на них, возникал только один вопрос: как они собираются тут жить? Что за странный выбор сделал Арес?

Он не умел распоряжаться деньгами, его знание жизни было весьма ограниченным, он всегда был странным мальчиком и вырос в необычного мужчину.

— Арес, он такой большой. Зачем нам?

— Это было лучшее, что предлагали.

— Здесь я буду ощущать себя пятидесятилетней матроной, у которой все дети разъехались из родного дома.

— Сначала мы вырастим этих детей. А будет мало места, снимем другой. А может, купим этот.

Мелисса впервые задумалась, откуда у Ареса такие деньги.

— Он, должно быть, стоит просто неприлично дорого.

— Не особо.

— Все же, сколько?

— Мелли, тебе совершенно необязательно думать о таких вещах. Оставь это мне. Твоя задача сейчас — учиться и получать удовольствие от жизни. А еще... просто любить меня, — Арес поцеловал ее в губы.

— Ладно, — ответила она, — пойдем и найдем спальню. Я буду тебя любить.

Так и началась их совместная жизнь. Мелли перевезла свои вещи под завистливые вздохи соседок по общежитию. А когда Лена увидела ее дом и разрезвонила об этом на весь колледж, то статус Мелиссы взлетел до небес. Все хотели теперь с ней дружить и набивались в гости. А Арес, из непонятого и неперспективного мальчика из приюта, стал предметом вожделения многих ее сокурсниц. Удивительно, до чего люди падки на подобные вещи.

Их новая совместная, можно сказать, семейная жизнь, ничем особо не отличалась от жизни многих. Мелисса каждый день шла на занятия, а Арес встречал ее вечерами. Они шли вместе, держась за руки, к своему жилищу и ощущали полную гармонию. К дому вела тихая

спокойная улица, пройтись по которой вечером было одно удовольствие, и молодым влюбленным очень нравилось ходить взад-вперед по улице поздним вечером под светом фонарей. Вскоре их знали все соседи, пусть не лично, но с умилением наблюдая за молодой парочкой из окон. Мелли не испытывала никакой тяги к обустройству дома и совершенно ничего в нем не меняла. Через некоторое время они привыкли ко всем вещам и расположению комнат и перестали обращать на них внимание. Мелли не пыталась даже поменять занавески или салфетки, не говоря уж о том, чтобы передвинуть мебель. Возможно, это было из-за того, что все в доме было функционально и соответствовало ее требованиям, а возможно, потому, что она не чувствовала себя там хозяйкой. Как бы там ни было, в доме ничего не менялось. Лену особенно удивляла эта черта в Мелиссе, и она постоянно говорила, что будь ее воля, то она бы все здесь переделала. Мелли, глядя на Лену, думала про себя, что в ее подруге просто умирает хорошая жена и хозяйка. И почему до сих пор никто этого не понял? Аресу вообще было все равно, где спать и есть, главное, чтобы рядом была Мелли и чтобы она была счастлива.

Мелли терзал вопрос: чем же занимался Арес, когда она была на учебе?

— Чем ты занят тут целый день? Тебе должно быть очень тоскливо?

— Вовсе нет.

— Но чем ты занимаешься?

— Отдыхаю, Мелли. Отдыхаю душой и телом.

— Ты, правда, так устал?

— Да, любимая. Я устал. Но теперь, когда ты рядом, все будет по-другому.

Он нашел спортзал неподалёку и пару часов в день стал проводить в нем. Как бы ни хотелось ему отдохнуть от тренировок, но тело требовало свое. Он стал неважно себя чувствовать при отсутствии движения. Его организм настолько привык к всевозможным нагрузкам, что без них не мог. Никаких соревнований юноша посещать не собирался, даже в качестве простого зрителя. Мелисса старалась не поднимать эту тему, видя что Ареса что-то гнетет. Она подозревала разное, от травмы до неизлечимой болезни, но не хотела давить на Ареса. Придет время, все войдет в свою колею, и он сам расскажет.

Спустя пару недель после того, как началась ее семейная жизнь в новом доме, раздался звонок. Такой неожиданный резкий звук, что Мелисса подпрыгнула. Ареса не было, он ушел в супермаркет, поэтому девушка несмело подошла к аппарату. Арес подарил ей новенький дорогой мобильный телефон, поэтому звук городского, вывел ее из равновесия. Никто уже и не звонит на такие телефоны. Мелисса подняла трубку:

— Алло.

— Мелисса?

— Да, кто это?

— Это мистер Булман.

— О, простите мистер Булман, я вас не узнала.

— Ничего страшного. Тебя становится все сложнее найти, — пошутил он, а Мелисса представила, как он вытирает лоб платочком.

— И зачем я Вам понадобилась на этот раз?

— Твои картины. Их хотят купить.

Мелисса рассмеялась:

— Так продайте, мистер Булман.

— Одну присмотрел для себя Дом детского творчества. Он не располагает большими

средствами, поэтому предлагает пятьсот долларов. Они говорят, что это из фонда поддержки молодых дарований.

— Мистер Булман, это же великолепно!

— Да, но... Вторую картину хочет приобрести владелец автомобильного салона к себе в кабинет. Говорит, что она затронула его самые сокровенные мысли. Не знаю, Мелли что он имел в виду... — смутился мистер Булман.

— Так о чем это я? Ах, да. Так вот, этот владелец, предлагает за нее три тысячи.

— Что?!

— Да, к тому же он хочет и вторую, которую присмотрел Дом творчества. Я считаю, что тебе было бы выгодней продать обе картины владельцу салона.

— Мистер Булман, три тысячи это очень много для меня. Даже не знаю, что сказать. Продавайте владельцу салона и дому творчества. Пусть владелец салона потом договаривается с новыми владельцами. Возможно, дом творчества пополнит свой фонд за счет этих денег. Мне хватит и того, что есть.

— Мелисса, это очень благородно с твоей стороны. Я бы хотел поговорить с тобой все же о том, чтобы ты вернулась к написанию картин. Как я и говорил, в них есть потенциал. Ты сама видишь. Ты можешь разбогатеть и стать знаменитой.

— Мистер Булман, это не мое. Я не хочу становиться знаменитой.

— Это очень странно для девушки твоего возраста.

На секунду Мелли задумалась:

— Скажем так, я боюсь этого. Не хочу, чтобы кто-то знал обо мне, глазел на меня. У меня сейчас все хорошо. Так зачем менять что-то?

— Ладно, оставим этот разговор. Придет время и возможно, ты изменишь свое решение.

— До свидания.

Когда Арес вернулся из супермаркета, нагруженный пакетами, Мелисса встречала его на пороге. Она вся сияла.

— Мне звонил мистер Булман, — чуть не прокричала она.

— Кто?

— Помнишь, мой учитель рисования в изостудии?

— Припоминаю. И что ему надо?

— Он продал мои картины. За три с половиной тысячи, представляешь?

— Ты талантливая, Мелисса. Никто в этом и не сомневался. Хочешь, будешь писать дома? Купим тебе все что надо. Оборудуем комнату. Ты можешь даже уйти с учебы.

— Ты что с ума сошел? Я не брошу учебу.

— Но ведь ты можешь заработать.

— То, что свалилось неожиданно мне на голову, я отдам на благотворительность.

Арес просто остолбенел. Ему не жалко было денег, они его совершенно не трогали, но жалко было Мелиссу. Она абсолютно не ценила и не любила себя, и не могла представить такой жизни, чтобы она жила для себя. Его Мелли никогда не покупала себе дорогих духов (да и вообще никаких), не просила украшений или просто милых вещичек. Сам Арес не знал, что надо девушке ее возраста, не разбирался в брендах, в бутиках чувствовал себя дураком. Он пытался затащить туда Мелли и закупить ей всего, чего она пожелает, но она только смеялась. Он чуть не расплакался, глядя на это. Как ее поломали когда-то. Как они могли? Немая ярость не отразилась на его лице, он давно сумел управлять мышцами лица. Поэтому Мелли ничего и не заметила, решив, что его молчание — это одобрение. Но как же дети,

думал Арес. Она не способна жить для себя. Чужие люди важнее для нее, чем она сама. Как она будет относиться к собственным детям? Не будут ли чужие всегда важнее своих? Как он сам выбивается из ее представлений о справедливости? Считает она его своим или все еще чужим? Как сделать ее амбициозной? Заставить думать о себе? Возможно ли это вообще?

Арес не находил ответов на все вопросы, роящиеся в голове. Может, ей стоит пережить разочарование в жизни, понять, что ее используют? Но увидеть то, как Мелисса будет страдать, было выше его сил. А представить ее на высокой шпильке в мехах, со скучающим видом таскающуюся по бутикам не мог в принципе. Поэтому он решил оставить все как есть. Ведь именно такой он ее и любит. Если бы она была такой как все, то не подошла бы к нему в тот первый день в приюте, когда он обжег руку. Что было бы с ним тогда? Тогда он остался бы с мистером Бруно навсегда...

4. Незнакомец в доме

Мелисса постоянно пропадала на учебе, а вечерами подвязалась раздавать еду для бездомных. Арес практически не видел ее и очень страдал. У него была уйма свободного времени и чем его занять, он не мог придумать. Он понимал, что сваливать на Мелиссу свои проблемы нельзя, как бы там ни было, она нашла свой путь, а он должен найти свой. Но их пути должны обязательно идти параллельно — это главное. Ему предложили стать инструктором в спортзале, который он посещал, и Арес согласился. Не сказать, чтобы он получал удовольствие от этой работы, но мог хоть чем-то занять свободные вечера. Ему приходилось наблюдать, как толстяки пытаются сбросить вес на беговых дорожках, как стареющие дамочки пытаются сохранить молодость, как совсем мальчишки хотят нарастить мышцы для того, чтобы наказать обидчиков. Эти люди вызывали у Ареса стойкую антипатию. Он часто ловил себя на том, что ему вообще никто не нравится. Не то чтобы кто-то конкретно, а человечество в целом. Арес не искала себе друзей, он был самодостаточен, у него не возникало потребности поделиться с кем-то или просто попить пива. Отстраненно смотрел молодой человек на людей, на поступки, желания. Последние годы ему говорили, что делать и как себя вести в определенной ситуации. Когда Арес заслужил доверие, позволили делать выбор самому, но все равно этот выбор был очень ограничен. Цель всегда была одна. Мистер Бруно направлял и задавал цель, и он был единственным человеком, которым Арес восхищался. Хотел быть похожим на него. Хотя мистер Бруно во многом оставался загадкой для Ареса, но основную суть Арес уловил: любить семью, сделать счастливой жену и детей, ни перед кем не прогибаться, идти до конца, не поддаваться эмоциям, не позволять собой манипулировать. Тогда можно достичь многого. План был яснее ясного, и Арес следовал ему.

Как-то вечером он спешил домой, отменив тренировку в спортзале, потому что Мелисса сегодня должна была прийти пораньше, и они хотели пойти в кино. Он так давно был лишен долгих разговоров с любимой и совместных вечерних прогулок, что летел как на крыльях. Распахнув дверь, он очутился в просторной гостиной. На его любимом светло-бежевом диване сидел незнакомец. Арес остоленел на миг, но, быстро взяв себя в руки, пересек комнату. Незнакомец засуетился и стал вставать, но Арес резким толчком вернул его на место. Рассмотрев мужчину получше, Арес решил, то это бездомный. У того была перевязана левая рука, а в правой он держал чашку с кофе.

— Я... это... уже пойду... — начал бормотать незванный гость.

Арес молча разглядывал его, пытаясь оценить ситуацию и загнать свой гнев поглубже. Он знал, что в яростном порыве мог убить этого бродягу одним ударом.

В этот спасительный момент на пороге появилась Мелисса с подносом в руках. На нем стояла тарелка с едой.

— О, Арес, ты рано сегодня, — как ни в чем не бывало, сказала Мелли.

— Что здесь происходит? — спросил Арес.

— Этому человеку нужна была помощь, милый. У него была поранена рука и я, проходя мимо...

— Я уже хотел уходить...

— Молчи, — резко бросил Арес бродяге.

Мелисса поставила поднос на столик:

— Вот, угощайтесь.

Казалось, что девушка не замечает состояния Ареса и не понимает всю странность ситуации.

— Ну что ж, спасибо, — сказал гость. Отказаться от вкусно пахнущей еды он не мог и к тому же решил, что Мелисса здесь главная, поэтому стал уплетать еду, набив полный рот. У него изо рта падали крошки прямо на диван, но бродяга чувствовал себя вполне уверенно.

— Я наложила ему повязку и дала мазь, — гордо сказала Мелисса.

— И чем же был болен несчастный? — саркастически спросил Арес.

— Какая-то язва. Зрелище не из приятных, — ответила Мелисса.

Ареса передернуло, он стоял и ждал, когда гость наестся.

Тот не спешил, испытывая терпение хозяина и не ощущая никакого дискомфорта. Когда доел, сказал:

— Что ж хозяйюшка, благодарю. Еще бы ты сделала кофейку.

— Да, да... — Мелли хотела было отправиться на кухню, но Арес крепко схватил ее за руку.

— Видите ли, уважаемый, у нас были планы и мы очень торопимся сегодня. Так что извините, кофе вы выпьете в другом месте.

— Ну, ладно, раз так, — ничуть не смутился гость. — Спасибо и на том.

Арес распахнул перед ним дверь, но тот замешкался на пороге.

— О, сейчас, — сказала Мелисса и сунула в руку мужчине пять долларов.

Он раскланялся и ушел, а Арес с облегчением хлопнул за ним дверь.

— Арес, как ты мог быть так груб? Так неудобно получилось перед человеком.

— Груб? — Арес прикинул, что мужик этот был на волосок от смерти.

— Ладно, любимый, давай не будем об этом. Просто в следующий раз будь повежливей.

Настроение у Ареса было испорчено на весь оставшийся вечер, и он не получил никакого удовольствия от фильма. Говорить тоже не хотелось, он сдерживал себя, чтобы не наговорить Мелли неприятных вещей и не поссориться с ней. А она, казалось, и вовсе не замечает подавленного состояния своего возлюбленного. Наивная мелисса списала неразговорчивость Ареса на то, что тому стыдно.

Арес постарался забыть досадный случай, уговорив себя, что это же Мелли, и что ее не перевоспитать, а пытаться объяснить что-то ни к чему не приведет. Она только обидится и будет молчать. И еще чего доброго пойдет в приют для бездомных помогать убирать за ними туалеты.

Но спустя пару дней он застал ее практически в аналогичной ситуации. Арес молча прошел в спальню и закрылся там. Теперь он три раза в неделю встречал у себя в доме подобных типов. У каждого что-то болело: то нога, то рука, то глаза, то еще бог знает что. Арес понимал, что первый разболтал о теплом местечке и глупой девчонке, и теперь возле их дома была просто Мекка для бездомных всех мастей. Грязные и вонючие они несли в себе не только опасность заразы, а просто угрозу ограбления, изнасилования, а то и убийства.

Останавливало Ареса только то, что Мелли была просто счастлива. Ей казалось, что она чуть ли не врач-целитель и парила в небесах.

Арес уже боялся идти домой. Он каждый день, открывая дверь собственного дома, гадал, кого там увидит и в каком состоянии. Однажды Арес вернулся домой, а в гостиной расположились уже два бродяги. Они сняли свою грязную обувь и раскидали по комнате,

вальжно разложив ноги на столе. Арес никогда не запоминал их лиц, но ему показалось, что эти уже не в первый раз пользуются их гостеприимством.

Когда Арес вошел в дом, они вскинули головы, а потом один так протяжно заявил:

— А-а-а, хозяин вернулся.

Второй загоготал.

Аресу всегда нравилось контролировать свою ярость, он гордился этим умением. Но иногда это было выше его сил. Как и в этот раз. Всепоглощающая ярость настигла его раньше, чем Арес смог взять ее под контроль. Подбросила чуть не до потолка. Глаз моментально выхватил из интерьера комнаты нужный предмет. Что ж, именно этому его и учили. Схватив с комода статуэтку в виде дамочки с зонтиком, Арес молниеносно пересек расстояние, отделявшее его от нахалов. Мощным и точным ударом он за считанные секунды свернул челюсть хохотавшему. Тот даже не успел закрыть рот, как ему в челюсть врезалась статуэтка. Вторым замолчал и тупо уставился на приятеля, не в силах уразуметь что с ним. Его челюсть была просто вывернута в сторону, и он беспомощно вращал глазами, испытывая при этом страшную боль. Рот закрыть он не мог и так и сидел, а по подбородку побежала слюна. Арес схватил второго и занес статуэтку и над ним, когда услышал возглас:

— Не надо, Арес, прекрати.

На пороге стояла Мелисса, с ужасом взирая на тихого и покладистого Ареса. Она мгновенно оценила ситуацию, перед глазами вспыхнула картина в приюте с мистером Рамиресом.

Арес заставил себя отпустить пришельца и ткнул пальцем на дверь. Того уговаривать не пришлось, он пулей вылетел из дома забыв о приятеле. Тот стал неуклюже подниматься, но не смог и опять повалился на диван.

— Ему нужна помощь. Ты свернул ему челюсть. Его надо отвезти в больницу.

— Я сам окажу ему первую помощь.

Арес двинулся к пострадавшему, тот в испуге забился в угол, Мелисса молила не трогать несчастного. Арес, не обращая внимания на обоих, твердо взял бродягу одной рукой за горло, испытывая удовольствия от его хрипов, и тихо сказал:

— Дернешься — убью, понял?

Бродяга промычал что-то, а Арес просунул ему в рот большие пальцы за зубы мудрости. Остальными пальцами захватил нижнюю челюсть. Ухватился крепче, наслаждаясь в последний миг страданиями больного. Резким рывком вниз и вперед поставил челюсть на место. Конечно, в клинике это сделали бы плавно и нежно, возможно с наркозом, но результат был бы тот же.

— Думаю, что больше не увижу тебя здесь? И ни одного твоего приятеля. Так и передай остальным — лавочка закрылась.

Бездомный затряс головой и вылетел из дома, оставив дверь открытой.

Арес спокойно закрыл за ним дверь. Повернувшись, столкнулся с Мелиссой.

Она стояла очень близко и смотрела пристально ему в глаза:

— Что это сейчас было такое, Арес Коулд?

— Я не хочу больше в своём доме видеть бродяг с улицы и вообще кого бы то ни было без согласования со мной.

— Я не об этом. А о вправлении челюсти. Где ты этому научился?

— В спортзале. Такое часто случается во время боя. Ничего особенного тут нет.

— Научишь меня?

— Мелисса Самос, ты самая удивительная девушка из всех, кого я встречал, — ответил Арес, нежно целуя ее.

5. Свадьба

В конце еще одного учебного года у Мелиссы было два события. Первое, собственно и было окончание учебы и предстоящие каникулы, которые они планировали провести где угодно, но только не в этом городе. В доме было много проспектов, и молодым людям доставляло огромное удовольствие рассматривать их в свободное время и фантазировать. Арес склонялся к чему-то на берегу океана — бунгало, купальник и больше ничего, Мелисса хотела повидать что-то новое — достопримечательности Европы, музеи и выставки.

Вторым событием была свадьба Лены. Ее лучшая подруга наконец-то ухватила удачу за хвост. Ее жених был обаятельный красавчик и моряк дальнего плавания. Он жил с матерью, и она готова была принять Лену в семью. Счастье светилось в глазах у обоих. Поспешность свадьбы объяснялась тем, что Лена была беременна, а ее будущий муж уходил в рейс на восемь месяцев. Познакомились они в больнице, куда он пришел для прохождения медицинского осмотра. Лена влюбилась в бравого моряка с первого взгляда и сделала все от нее зависящее, чтобы заполучить его. И пусть в ее планы не входил ребенок, но она посчитала дитя даром судьбы. Так даже лучше, решила она, это навсегда закрепит их отношения. Сам жених, завали которого Алекс, тоже парил на седьмом небе. Как он рассказал Лене, проблема моряков в том, что жены и девушки не могут их дождаться, и очень часто, придя из очередного рейса, они узнают, о том, что жена изменила, носит ребенка от другого или просто исчезла. Ленина беременность давала шанс, что она его дождётся, деваться-то ей некуда. И хоть говорил он это с улыбкой, но был абсолютно серьезен. Весельчак и красавчик, о таком Лена и не мечтала. К тому же моряк зарабатывал неплохие деньги и всегда был шанс, что его повысят. Мать Алекса тоже была рада и уже называла Лену доченькой. Она оставалась совсем одна, когда сын уходил в плавание, и теперь у нее будет не только дочь, помощница и подруга, а еще и внук.

Радостная Лена решила доучиться этот год и не забросить учебу, а взять отпуск, на всякий случай. Хотя возвращаться к работе она не планировала. От родителей ей осталась небольшая сумма денег, к которой раньше осиротевшая девушка не позволяла себе прикасаться, но теперь она без зазрения совести решила ее потратить. Она сделала ремонт в квартире жениха и его матери, купила новую мебель и устраивала будущую жизнь. Так как свободные деньги были только у нее, то и свадьбу они закатили на ее наследство. Лена купила роскошное платье и туфли, пригласила чуть ли не весь колледж и веселилась от души. Конечно, денег на дорогие подарки у студентов не было, и они сделали общий подарок в складчину. У Алекса было множество родственников, которые тоже спешили поздравить молодоженов и наделили им разных полезных вещей. Мелисса была подружкой невесты и обещала стать и крестной для малыша, поэтому чувствовала на себе весь груз ответственности. Помогала в организации свадьбы, а Арес подшучивал, что это тренировка, чтобы уж на их свадьбе не ошибиться, не прогадать и набить все шишки на чужом торжестве. Мероприятие прошло без сучка и задоринки, все было на высшем уровне. Платье, поздравления, подарки. Никаких конфузов и драк, просто идеальная свадьба.

Через два дня Алекс ушел в рейс, а Лена начала строить свою жизнь с его матерью. Получилось так, что вышла она замуж не за Алекса, а за его мать и родню. Увидеться с любимым ей предстояло только через восемь месяцев. Поначалу все шло просто идеально, и

они с новой мамой только и говорили, что об Алексе: какой он, что делал, говорил и так далее. Вместе ходили выбирать приданое малышу, спорили о том, как назвать, какую кроватку лучше купить.

Но постепенно мать стала отдаляться от Лены, часто запирается в своей комнате и не отвечать, когда Лена ее звала. Как-то раз Лена зашла в комнату матери и застала ту спящей, а возле кровати увидела пустую бутылку с виски. Лена не поверила своим глазам. Мама была такой милой и еще молодой женщиной. Медленно пройдя по комнате, девушка стала осматриваться. Наконец, заглянула за шторы и увидела на подоконнике целый отряд пустых бутылок. Лена вышла тихонько из спальни и задумалась. Что же делать в подобных ситуациях? У мамы явно были проблемы. Лечить? Но согласится ли она? Чаще всего такие люди не признают своей проблемы. А тут выходило, что никто о ней и не знал. Она так тщательно это скрывала? Как ей удалось? Лена пришла к выводу, что у женщины этот запой происходит, когда сын в рейсе. Тогда она решила рассказать все Алексу. Это его мать, пусть сам решает, что делать.

Лене с трудом удалось разыскать его и дозвониться. Он был несколько удивлен, но вместе с тем несказанно рад. Интересовался как ребенок и ее новая жизнь, шутил, обещал привезти разные диковинки. Лена слушала вполуха и не знала, как вернуть новость. Наконец она не выдержала, перебила его и сказала:

— Алекс, я звоню тебе не без причины. Твоя мама...

— Мама? Что с ней, — в голосе испуг, — она больна?

— Ну, нет, не совсем...

— Как это? Что значит не совсем? Лена ты меня пугаешь.

— В общем, я обнаружила, что она пьет. Много и в одиночестве. Она алкоголичка.

Длительное молчание, Лена даже решила, что их разъединили, но потом раздался голос:

— Ты, дрянь. Как ты смеешь? Что у тебя на уме? Решила известить мою мать? Если я узнаю, что с ней что-то случилось, я тебе убью, поняла?

И он повесил трубку. Лена давилась слезами. Что же теперь будет? Что она наделала? Теперь он позвонит матери, и она выгонит ее из дома. На седьмом месяце беременности она останется одна... Лена ломала голову, что предпринять, придумывала тысячу разных развитий событий, своих действий, оправданий. Так шел день за днем, но ничего не происходило. Свекровь почти не появлялась, ничем не демонстрируя свою осведомленность, а спустя пару недель в доме раздался звонок. Мать словно чувствовала сына на расстоянии, тут же выскочила из своей комнаты и бросилась к телефону. Это и впрямь оказался Алекс, и она, как ни в чем не бывало, весело с ним болтала. Лена в это время сидела в своей комнате, судорожно сжимая кулаки и прислушиваясь к разговору. Потом она услышала:

— Сейчас позову, сыночек, — и, заглянув к Лене в комнату, сказала, — скорее беги к телефону, Алекс тебя ждет.

На негнущихся ногах Лена побрела к аппарату:

— Алло.

— Привет, любимая. Ну как ты, как малыш?

— Нормально.

— Ну, вот и ладненько. Скоро приеду. У нас с тобой в прошлый раз вышло недоразумение, правда дорогая? Не обижайся.

— Да- да, недоразумение. Все в порядке.

— Целую, — Алекс положил трубку.

Лена решила больше никогда не поднимать этот вопрос. В конце концов, ее никто не трогает, все делают вид, что ничего не происходит. Видимо, чтобы прижиться в этой семье, надо научиться тому же.

6. Снова герой

Последний учебный год выдался нелегким. Мелиссы почти никогда не было дома, а когда она приходила, то хотела только спать. Она была перфекционисткой, и ей было важно быть лучшей и первой. Когда ее хвалили, она расцветала и старалась еще сильнее. Но если кому-то взбрело в голову пожуричь девушку в воспитательных целях, это ввергало Мелиссу в депрессию. Она непрестанно штудировала учебник или практиковалась. Как-то молодой врач выразил свое недовольство тем, как Мелисса сделала перевязку. У мужчины было просто плохое настроение в тот день, к тому же ему влетело от начальства, и хотелось отыграться. Качество перевязки было здесь совершенно ни при чем, но Мелисса потратила весь вечер, перевязывая Ареса, пока тот не взмолился о пощаде. Молодые люди почти ни с кем не общались вне работы, у них не было друзей. У Мелиссы была только Лена, которая была счастлива в обретенной семье и готовилась к материнству. Теперь ей было не до того, чтобы воспитывать Мелиссу и учить ее уму разуму. К тому же жизнь показала, что и сама Мелли оказалась не так уж и безнадежна. Девушка не испытывала потребности в подруге, в обсуждении каких-то своих дел или проблем. Эту роль выполнял Арес. Он ждал ее по вечерам или встречал после учебы. По субботам Мелли раздавала еду бездомным, и Арес спокойно поджидал ее под стенами приюта. Войти туда у него не возникало желания, ему достаточно было видеть мелькающую за стеклянной дверью фигурку любимой. В самый морозный вечер он мог простоять два часа и наблюдать за ней. Словно опять был ребенком и следил за своим идолом издалека, за тем как она снует по столовой приюта с подносом. Только теперь она была с ним: вот она снимает фартук, натягивает куртку и выходит к нему. Улыбается, удовлетворенная собой, ведь она знает, что день прошел не зря. От этого на душе легко. Мелли знает, что Арес здесь, ждет ее, и ей будет спокойно и безопасно идти домой. Если она подвернет ногу, он подставит плечо, если замерзнет, снимет свою куртку, если захочет — пронесет ее на руках до самого дома. С ним было тепло и уютно.

Как-то зимним вечером, когда они возвращались домой, Мелисса сказала:

— Кстати, я сегодня звонила тете Мери. Пригласила ее в гости. Кажется, что не видела ее целую вечность.

— Она придет?

— Конечно!

— Я очень рад Мелли.

— Позовем еще Лену и устроим пир в честь тети Мери.

— И в честь нашего семейного счастья.

— Да, — улыбнулась Мелисса.

Они проходили мимо супермаркета, уже совсем недалеко от дома, как из дверей магазина показалась очень толстая женщина с пакетами в руках. Она долго воевала с дверью, потом, наконец, вывалилась на улицу и, поскользнувшись на гололеде, чуть не упала. Но Мелисса вовремя поддержала ее. Та недовольно окинула взглядом девушку, потом Ареса и заявила:

— Такие молодые, это же надо! И не помогут женщине с пакетами.

Мелисса в недоумении посмотрела на женщину, а Арес, потянул ее в сторону.

— Может и правда помочь? — зашептала Мелисса.

— Обойдется, — зло сказал Арес. Иногда на него находило, и он проявлял твердость. В такие моменты Мелисса не спорила с ним.

Они отвернулись от женщины, но пройдя несколько шагов, услышали истошный вопль:

— Помогите, спасите, грабят! — орала толстуха.

Молодые люди, обернувшись, увидели, как от магазина убегает здоровый парень с сумкой орущей женщины.

— Господи, что же это такое! И никто не спасет, не поможет! Нет в мире добрых людей, одно зверье, — потерпевшая села на землю и разрыдалась.

— Арес! — на него смотрели умоляющие милые глаза Мелиссы. Он знал, что в этот момент несчастная душа Мелиссы плачет и страдает вместе с этой женщиной. Арес не знал, каково это жить с таким сердцем как у Мелли. Как это тяжело. Он не выдержал бы и дня, сломался бы от ощущения всех страданий людских, к которым оставался глух. Но теперь ему было просто необходимо остановить страдания Мелиссы, поэтому уговаривать его не пришлось. Он рванул с места и помчался вдогонку за грабителем. Тот скрылся за супермаркетом, и Арес побежал туда, что есть сил. За зданием было темно и безлюдно. Пробежав метров сто по темной улице, он увидел двоих парней, судорожно вытряхивающих сумочку.

— Эй, парни, — крикнул Арес, подходя все ближе.

— Чего тебе? Иди отсюда, — сказал один.

— Если честно, мне плевать на сумку толстухи, но моя девушка сильно переживает.

— Хочешь показать себя героем перед своей девкой? Давай не здесь, а?

— Да, катись отсюда, козел, — встрял второй.

Арес подошел уже совсем близко и оценил противников. Даже фыркнул в презрении. Разве это противники? Два наркомана... да они свою реакцию давно загубили, а силу растеряли. Противно их бить, прикасаться... Но делать было нечего, сами они не собирались отдавать сумку. Арес молниеносно сделал выпад и ударил ближнего ребром ладони в горло. Потом ударом о колено свалили того на землю. От боли и неожиданности поверженный наркоман задохнулся и даже не пытался встать. Арес биноклярным зрением заметил движение и успел отстраниться. Второй грабитель держал в руках палку и чувствовал себя героем, ведь он успел-таки задеть Ареса по лицу. Увидев кусок доски в худых дрожащих руках наркомана, Арес не сдержался и фыркнул от смеха. Тут же осадил себя — нельзя смеяться над противником. Палка для Ареса была просто даром небес, забрать ее не представляло никакой сложности. Смех Ареса обозлил противника, и он с воплем бросился на Ареса. Тот легко отстранился и выхватил доску. Слишком легко, расстроился Арес, не дали размяться. Ладно, Мелисса ждет. Он несколькими ловкими ударами по рукам, коленям заставил противника запаниковать, наконец, замахнулся посильней и добился ожидаемого эффекта, грабитель бросился наутек. Арес откинул палку, поднял сумку, застегнул на ней молнию и вернулся к Мелиссе.

За магазином уже собралась толпа, привлеченная воплями и стенаниями ограбленной. Ей предлагали уже и чай, и плед и вынесли из магазина стул, а она все причитала.

— Вот, — Арес протянул ей сумку.

— Арес, — Мелисса бросилась ему на шею, — что случилось, ты ранен?

— Нет, все нормально. Пойдем отсюда.

Толстуха перестала причитать и с удивлением разглядывала сумку. Потом полезла внутрь проверять содержимое.

— Все на месте. Очень странно...., - протянула она. — Словно вы были в сговоре с этими злодеями.

Арес в удивлении посмотрел на нее.

— Зачем мне это?

— Вот уж не знаю. И сумку порвали, ироды. Ну нет в жизни справедливости. Ну что за люди, а? — она вопрошающе смотрела на собравшихся.

Толпа тоже в недоумении переводила взгляд с Ареса на толстуху, не в силах понять, что же ей опять не так.

Мелисса, взяла его под руку и потащила от магазина, от людей и перешептываний.

— Вот и геройствуй потом, — мрачно произнес Арес.

— Что ты, не говори так, ты мой герой. Арес, ты самый замечательный на свете. Разве еще у кого-то на земле есть такая светлая душа как у тебя? Разве еще кто-то бросился бы спасти сумку этой несимпатичной женщины, рискуя жизнью? Только ты способен на сопереживание! За это я тебя и люблю.

Арес промолчал. Он думал о том, что эта стычка возобновила в нем желание драться. Казалось, что он больше не вернется к прежнему, но теперь понял, как ему этого не хватало. Только в эти моменты он жил, был самим собой, готовым на все. Нанести удар, отразить удар, оказать сопротивление, сражаться. Разве они, мужчины, не для этого живут на земле? Разве их жизнь не вечная война?

А на следующий день в гости пришла тетя Мери. Ранее равнодушная к жилищу, Мелисса просто порхала из комнаты в комнату, наводя порядок. Она расставляла цветы в вазы, передвигала салфеточки, поправляла подушки.

Лена, глядя на эту суету, сказала:

— Лучше чем ты есть за один вечер не стать, Мелли. Успокойся. Ты словно королеву в гости ждешь.

— Лена, не королеву, а женщину, заменившую мне мать. Нам всем.

Когда тетя Мери вошла в дом, Мелисса впервые осознала, какая она старая. Морщинистое лицо, волосы совсем седые, руки трясутся.

— Деточка моя, так ведь это просто дворец!

— Да тетя Мери, я вам здесь все сейчас покажу.

Мелисса радостно повела старую женщину по своему жилищу. Впервые у нее проснулось чувство гордости, потому что она знала, что тетя Мери действительно за нее порадуетя.

Когда они все уселись за праздничным столом, тетя Мери близоруко прищурилась на Ареса:

— А ты как всегда, Арес Коулд, все время проказничаешь?

Старая женщина имела в виду ссадину на лице Ареса, оставшуюся после удара доской.

— Нет, что вы, Арес — герой. Он вчера спас женщину от грабителей, — Мелисса вся сияла. У нее была возможность не только похвастаться домом, но и гордиться любимым.

— Я всегда знала, что ты хороший мальчик. А Мелисса сделала из тебя настоящего героя. Еще тогда, в приюте, когда ты пошел в горящую комнату за фотографией малышки Кейти.

— И вовсе я здесь ни при чем, Арес сам, — возмутилась Мелли.

— Хорошо, дитяtko, Арес сам, — улыбнулась старая воспитательница и подмигнула Аресу. Он в недоумении смотрел на старушку. Неужели он так предскажем?

Потом Мередит перевела взгляд на Лену, которая все время гладила огромный живот.

— А ты как, Лена? Счастлива? Как твоя новая семья?

— Очень счастлива, тетя Мери. Через месяц у меня появится мальчик. И еще через месяц муж вернется из рейса. А моя новая мама просто прелесть, мы с ней очень дружны.

Какое-то время они молча наслаждались едой, а потом тетя Мери подняла бокал с вином и, вытирая слезы платочком, сказала:

— Дети, я вам очень благодарна. Вы сделали меня счастливой. Все трое. Вы сделали то, что большинству не удается: стали счастливы, завели семьи. Не знаю, чего еще и пожелать.

Они провели очень теплый и дружный вечер в кругу семьи. За окном мороз и снег, а у них мягкая музыка и приглушенный свет. Поужинав, они перебрались в гостиную. Тетя Мери села на диван, а Мелисса и Лена по бокам от нее, положив головы ей на плечи. Арес сидел на полу, и бывшие дети вспоминали разные истории из жизни приюта. Тетя Мери рассказывала о новых учениках, воспитателях и обо всем на свете, как и в те дни, когда ее воспитанники жили в приюте.

Такого доброго и светлого вечера больше не было ни у кого из них.

7. Правда

Вот и опять весна. Почему-то для Мелиссы она всегда была долгожданной. Она начинала ждать ее наступления с самой осени. Когда воздух хоть чуть-чуть прогрелся, у Мелли на душе начинали петь птицы. Она порхала как бабочка и радовалась всему на свете. Скоро у нее будут выпускные экзамены, и она станет дипломированной медсестрой. Будет отдавать всю себя, все свое время сможет посвятить людям.

А сегодня она ушла пораньше, чтобы навестить Лену и ее малыша. У ребеночка был юбилей, ему исполнялось три месяца, и Мелисса планировала посетить большой детский магазин, неподалеку от ее дома. Она вышла из автобуса и, напевая под нос песенку, перебежала улицу. Напротив ювелирной лавочки она остановилась и залюбовалась обручальными кольцами. Не то чтобы Мелисса мечтала о платье и обручальном кольце с брильянтом, но на днях Арес сказал:

— Мне кажется, что пора бы уже навестить моего старого знакомого ювелира, который подарил мне кулон с пчелкой.

Как всегда в такие моменты, рука Мелиссы непроизвольно потянулась к украшению и погладила пчелку.

— Зачем? — притворно спросила она.

— Я обещал купить у него самое красивое обручальное кольцо для тебя.

— Обещания надо выполнять, — смущенно ответила Мелли.

В стекле она увидела промелькнувшее отражение. Помедлив и обдумывая увиденное, Мелисса все же повернула голову и убедилась, что ей не показалось. Впереди виднелась спина удаляющегося Ареса. Он не заметил ее, и в Мелиссу вселился бесенок. Она, подавляя глупую улыбку на лице, пошла за любимым. Это было так весело — играть в шпиона. Девушка совсем не знала, что он тут делает и пока шла за ним, думала, что она действительно слишком мало знает о том, чем занимается ее любимый весь день. Поэтому ей было вдвойне приятно идти за ним, любуясь его статной фигурой, уверенной походкой, грацией, казалось бы невозможной для такого здоровяка. А ведь он и не догадывается о моем присутствии, улыбалась про себя Мелисса. Арес свернул за угол, и девушка поспешила за ним. Когда она повернула, то к своему несказанному огорчению не увидела Ареса. По улице шли люди, но не настолько много, чтобы он мог затеряться в толпе. Мелисса задумалась и решила, что скорее всего он зашел в какое-то здание. Но куда? Она медленно пошла вдоль улицы, всматриваясь и прикидывая. Вот магазин, в нем пусто; вот кафе — пустые столики; вот какая-то большая металлическая дверь. Может спортзал? В этот момент эта дверь отворилась, и из нее показался какой-то парень. Такой же высокий как Арес, в темных очках и спортивной куртке. Точно, решила Мелисса, это спортзал и ее милый и любимый Арес там. Вот сейчас пойду и сделаю ему сюрприз. Никем не замеченная, она подошла к двери. Та оказалась очень тяжелой, и Мелисса едва смогла слегка приоткрыть ее и проскользнуть в щель. Дверь тут же плавно за ней закрылась. Мелисса оказалась в плохо освещенном коридоре, с мрачными стенами и капающей где-то водой. Веселье тут же пропало, и Мелисса несмело пошла вперед. Не отступать же теперь, испугавшись темного коридора? Почему так тихо, думала девушка. Нет звуков, какие обычно раздаются в спортзалах.

Сердце у Мелиссы тревожно забилося. Что тут делает ее Арес? Ему, может, нужна помощь? Она уже чуть не бежала по коридору и, наконец, оказалась в большом помещении. Это был какой-то склад: множество коробок и ящиков поднималось чуть ли не до высоченного потолка. Лавируя между ними, Мелисса пошла вперед и, наконец, услышала голоса. Обрадованная, она поспешила вперед. Обогнув очередную колонну ящиков, девушка увидела Ареса, стоящего к ней спиной. Мелисса в нерешительности остановилась, потому что слышала, что он с кем-то разговаривает.

— Пожалуйста, мистер Коулд, не надо, — услышала она жалобный мужской голос.

Арес молчал, словно обдумывая слова, а Мелисса замерла на месте не в силах пошевелиться.

— Мистер Коулд, я же всегда... я... я.... - мужчина зарыдал, и это повергло Мелиссу в ужас. Рыдающий мужчина, умоляющий Ареса?

— Я просто выполняю работу. Вы же знаете, мистер Онил, решения принимаю не я, — ответил Арес тихо и спокойно, как всегда.

С этими словами Арес сделал шаг вперед, его руки приподнялись, словно обнимая кого-то, потом резкое движение. До ушей Мелиссы донесся странный звук, словно хрустнула ветка, вздох, словно уставший человек сел на стул. Потом тишина.

Арес стоял некоторое время не двигаясь, потом отошел в сторону. В голове у Мелиссы звучала мысль: «Развернись и уходи, просто уходи. Ты ничего не видела». Но ноги не слушались разума. Она пошла вперед. Ее интересовал мужчина, сидевший на стуле. Голова его поникла, словно в молитве. Арес услышал звук ее шагов и обернулся. Молча глазел на Мелли, не в силах сопоставить одно с другим. Кто она? Что она тут делает? Как она вообще здесь оказалась? Ответы не приходили. Мелли не смотрела на него, ее взгляд был прикован к мужчине. Наконец медсестра в ней взяла вверх, и девушка решительно приложила пальцы к шее мужчины, нащупывая пульс.

— Он мертв, — тихо сказала девушка.

— Что ты здесь делаешь? — Арес стал понемногу приходить в себя.

— Арес, ты убил этого человека, — Мелисса не спрашивала, она верила своим глазам.

— Мне жаль, милая, что ты это увидела.

Арес сделал шаг к девушке, но она попятилась.

— Я... я.... Мне надо на воздух. — Мелисса чувствовала себя так словно глотнула яда и вот-вот умрет. Мысли путались, голова кружилась, тошнило. Но ведь нет такого противоядия, чтобы помочь ей? Она жалобно смотрела на Ареса. Раньше помощи она ждала от него, а что делать теперь? От кого ее ждать? Мелисса развернулась и побежала по коридору, скорее на улицу. Там ее встретил солнечный весенний день, люди сновали туда-сюда. Обычная жизнь, такая как всегда. Мелисса медленно побрела домой. А куда было еще деваться? Про Лену и ее малыша она забыла. Об Аресе тоже не думала. Она просто хотела домой, лечь в постель и поспать. Да, она просто очень устала....

Арес нашел Мелиссу дома. Она уютно свернулась на диване под мягким пледом и спала. Он приготовил ужин, а она все не просыпалась. Арес искал слова, строил беседу с Мелиссой, отвечал на ее вопросы. Никогда раньше он не готовился к подобному разговору. Но так уж получилось, что Мелли узнала. Как она попала туда? Это было загадкой, но не так уж и важно. Сути дела это не меняло. Теперь Арес решал только одно: сказать ей всю правду или только часть ее? Мелисса не глупа, к тому она очень хорошо его знает, поэтому врать не было смысла. Она центр его жизни, они одно целое, Мелисса поймет и примет его таким,

какой он есть, как делала всегда.

Арес присел на край дивана и дотронулся до руки любимой. Рука была очень горячей. Арес потрогал лоб. Без сомнения у Мелиссы жар. Молодой человек нашел жаропонижающее, сделал чай и разбудил девушку. Она не хотела просыпаться, отворачивалась и не открывала глаза.

— Мелисса, милая. У тебя жар. Я принес лекарство. Выпей его и можешь спать дальше.

Наконец она открыла глаза и внимательно всмотрелась в Ареса. Все тот же взгляд — глубокий и чувственный, умный и встревоженный. Мелисса обожала смотреть Аресу в глаза. Ей нравилось лечь рядом и просто смотреть в его глубокие серые глаза, словно тонуть во льдах или лететь в сером туманном небе...

Так было и сейчас. Он просто заморозил ее, она не в силах была оторваться от любимого зрелища. Наконец в глазах появилось тепло, льдинки оттаяли и Арес сказал:

— Выпей, любимая, лекарство. У тебя жар.

Мелисса безропотно приняла таблетку и, подумав, сказала:

— Странное что-то мне приснилось, — потом помедлив, — мне ведь приснилось?

Арес молчал. Соблазн был очень велик. Ее мозг отказывался принимать информацию, готов был списать все на сон. Он не раз наблюдал подобный феномен. Но сейчас Арес заставил себя не поддаваться искушению. В любом случае правда потом всплывет в ее голове, и тогда она может обидеться, что он соврал. Он никогда раньше не врал Мелли, мог не сказать всего, но намеренно соврать — никогда. Поэтому Арес, присев рядом с диваном на пол, сказал:

— Нет, Мелисса, это был не сон.

Она закрыла глаза и вздохнула.

— Не знаю, хочу ли я слышать дальше, Арес. Но ведь это необходимо.

— Да, моя хорошая. Для начала давай выясним один вопрос. Ты ведь не боишься меня?

— Нет, — в голосе Мелиссы послышалось сильнейшее удивление, казалось, что такое ей просто не могло прийти в голову.

— Хорошо. С чего начать?

— С начала.

Арес погрузился в воспоминания.

8. Рождение Коулда (часть I)

— Ну что ребята, за первую победу?

— Ура!

— Мы крутые.

— Мы их сделали.

Это было первое в жизни Ареса посещение кабака. Пиво лилось рекой, музыка гремела, все были навеселе. Такие места заряжают своей атмосферой всех находящихся, и даже самые тихони хотят быть в центре внимая, грохат бочалом с пивом и ощущать себя рубакой-парнем. К тому же у него с ребятами из команды было что отмечать. Совсем еще зеленые новички, они победили в первом же соревновании с крутой местной командой. И теперь ощущали себя просто героями. А впереди еще столько побед! Такая жизнь! Перспективы, деньги. Арес так вообще в своём приюте и не мечтал о подобном. Тренер хвалил, команда слаженная, все хотят помочь. Он даже почти не тосковал по Мелиссе, настолько увлекла его новая жизнь. Не пробыв и недели вне стен приюта, они поехали по стране.

Арес с удовольствием глотнул пива и столкнулся взглядом со здоровяком в татуировках. Ну конечно, подумал про себя Арес, такие места всегда полны подобных типов. Он хотел было поспешно отвести взгляд, но казалось, что здоровяк только и ждал подходящего случая:

— Чего пялишься урод? Тебе вообще можно посещать такие заведения? По-моему, ты еще не дорос.

Арес отвернулся, решив игнорировать нападки здоровяка. К тому же тот действительно был прав, и делать молодому спортсмену здесь было нечего. Узнай тренер, по головке не погладит. Еще и контракта лишит. И тогда плакала мечта о заработанных денежках, да и вообще потом никуда не устроиться...

— Эй, ты. Ты чего отворачиваешься, когда я с тобой говорю, а? — татуированный встал со стула и направился нетвёрдой походкой к Аресу.

Вот черт, думал молодой спортсмен. И что делать? Его компания, казалось и не заметила ничего, продолжая орать и хохотать. Подойдя к Аресу, мужик без лишних слов вылил Аресу на голову бокал пива. Молодой человек чувствовал себя при этом полным дураком. Он мог контролировать себя, как учили его раньше, но как реагировать? Пиво стекало по лицу за воротник, и выглядел он мокрым воробьем. Конечно, это не ускользнуло от взгляда команды, и они разом загалдели. Арес был не глуп и выжидал, может, кто начнет драку первым? Вступится за него? Но, по всей видимости, его парни были не настолько уж пьяны, как хотели выглядеть, потому что они только стали подначивать Ареса, сами не связываясь в драку. Контрактом дорожил не только Арес.

— Ладно, давай сделаем вид, что ничего не было — наконец, выдавил Арес.

— Сосунок, — здоровяк в презрении плюнул Аресу на ноги.

Как бывало и раньше в некоторые моменты юноша не мог контролировать свои эмоции. Они вырывались на поверхность с такой силой, что на миг он терял возможность дышать. Кровь прилиwała к голове, и тогда в ушах только пульсировали слова: «Убей».

Арес с лёгкостью соскочил со стула и выхватил кий у стоящего рядом парня. Тот даже не воспротивился, так быстро все произошло. Ребята из команды Ареса мигом сообразили в чем дело и радостно стали скандировать:

— Коулд. Коулд. Коулд.

Прям как на ринге, подумал Арес.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Он несколько раз покрутил кием, привыкая к весу и длине, попавшего в руки оружия. Их учили любой предмет, оказавшийся в руках, воспринимать как потенциальное оружие и оценивать перспективу боя. Кий был то, что надо. Лучшего и придумать нельзя в подобной ситуации. Достаточно легкий, чтобы не нанести слишком тяжелых увечий, достаточно длинный, чтобы не подпустить близко противника, достаточно эффективный, чтобы вырубить. Арес мог уложить здоровяка за считанные секунды, но тут в нем разыгралась гордость и ярость. К тому же скандировавшие ребята хотели зрелища. Что ж, они его получают. Арес пошел медленно вокруг здоровяка, а тот заорал:

— Посмотрите, птенчик решил поиграть. Ну, давай.

Арес красиво покрутил кием, и когда здоровяк хотел было снова кинуть реплику, ударил того по ногам, через несколько мгновений оказался за спиной и нанес удар по спине. Противник разозлился и заорал кому-то:

— Дай и мне кий.

Ему тут же участливо подали кий, и толпа зевак расступилась в ожидании представления. Здоровяк неловко замахнулся, но Арес легко отразил его выпад. Он мог выбить кий из руки соперника в секунду, но тогда было бы не интересно. Поэтому он просто ждал нового выпада, расплываясь в улыбке. Татуированный расвирипел и бросился на Ареса, но тот легко увернулся и снова огрел нападавшего кием по спине:

— Прямо как собаку, — крикнул кто-то из толпы, и все загоготали.

Вообще Аресу уже наскучил этот позорный бой, и хотелось поскорей закончить. Поэтому уворачиваясь и нанося легкие, но ощутимые удары, он прикидывал, как бы безопасно вырубить этого мужика. Злость утихла, и Аресу хотелось без приключений добраться до гостиницы. В очередной раз увернувшись от нападения, он заметил, что его противник летит головой вперед, споткнувшись о чью-то ногу. Затормозить он не успел и пролетел еще пару метров, пока не упал.

Все загалдели и ждали продолжения, но упавший уже не встал. Наконец бармен вышел из-за своей стойки и перевернул забияку. Тот крайне неудачно упал на бетонный выступ и раскроил себе череп. Арес, не веря своим глазам, наблюдал за растекавшейся лужей крови, а когда обернулся в поисках помощи, то увидел, что бар почти опустел. Все как по мановению волшебной палочки испарились. И его команда и друзья здоровяка исчезли, словно их здесь и не было никогда. Бармен уже набирал номер полиции.

Арес не сопротивлялся, когда на него надели наручники и усадили в машину. В участке ему задавали много вопросов, записывали, снимали отпечатки. Потом отправили в камеру. Ждать рассвета.

Арес даже не хотел думать о своей незавидной участи, поэтому лег и отрубился. Наутро он долго ждал появления хоть кого-то в этом богом забытом месте. Но только к обеду его пригласили на выход. Арес был уверен, что это тренер вступился за него, но когда его привели в комнату для допросов, там сидел совершенно посторонний мужчина.

— Здравствуйте, мистер Коулд. Присаживайтесь, пожалуйста.

Арес сел напротив этого человека и стал рассматривать. Ухоженный мужчина лет пятидесяти, хороший костюм (впрочем, Арес не особо разбирался в подобных вещах), уверенный взгляд.

— Меня зовут мистер Бруно. Я узнал о неприятностях, в которые вы вляпались, и решил оказать помощь.

Арес молча смотрел на этого мистера Бруно, не зная, что сказать.

— Вам грозит немалый срок. Хотя убийство было непредумышленным, но...

— Я не убивал этого человека. Он упал сам и расшиб себе голову.

— Возможно. Но свидетелей нет...

— Как нет? Там был полный бар.

— Не перебивайте, пожалуйста. Если вы будете таким несдержанным, я решу, что вы мне не подходите. Так вот, свидетелей вы не найдете днем с огнем. Бармен говорит, что вы затеяли драку, отходили парня кием, а потом он упал. Причиной его падения могли послужить побои, которые вы нанесли ему. Хотя это даже не важно. Вы несовершеннолетний, спортсмен, вас вообще не должно было там быть. Поверьте мне, молодой человек, вам грозит срок.

Арес молча обдумал слова мистера Бруно и пришел к тому же выводу. Даже если парни из команды скажут, что тот мужик сам к нему пристал, это не меняет сути дела. Он его бил, воспользовался своим превосходством и теперь парень мертв.

— И что вы предлагаете, мистер Бруно?

— Я предлагаю работу. Вы мне подходите, мистер Коулд. Мы заключим с вами контракт, и вы будете выполнять поручения, которые я дам.

— Так просто?

— Так просто. У меня есть влияние, чтобы замять это дело и уже завтра вы будете на свободе.

— Связанный контрактом.

— А в команде вы не связаны контрактом? Только я, в отличие от них, своих людей в беде не бросаю.

— Я так понимаю, что поручения эти будут не совсем легальными?

— Не хочу ходить вокруг да около, но работа у вас будет почти такая же как в команде. Будет противник и его надо будет победить любым способом.

Арес был далеко не глуп и сложил два и два, но никакого протеста в душе не испытал. Намного горше было от того, что тренер даже не пришел навестить его, а ребята смылись. А он еще считал их командой и друзьями. Наверное, это были последние друзья в его жизни. Намного проще вообще ни на кого не полагаться и жить своим умом. Только теперь мистер Бруно будет его умом... Но это не надолго.

— Насколько я могу вам доверять? Что контракт действительно закончится по истечении оговоренного срока?

— Можете доверять. Мне намного выгодней сотрудничать и оставаться в хороших отношениях. К тому же я забыл главное. Ваша работа будет очень хорошо оплачиваться. Намного лучше, чем сейчас.

— Риск?

— Мистер Коулд, где нет риска? Может быть, вам даже понравится. Если это будет так, то нас ждет долгое сотрудничество, если нет, разойдёмся по истечении контракта.

— Можно мне подумать?

— Подумайте. Но здесь не гостиница и вам должны будут предъявить обвинение и перевести. Тогда уже дело будет не в моей компетенции.

Не так уж долго Арес и колебался.

— Я согласен, мистер Бруно.

— Хорошо. Только не пытайтесь обманывать, договорились, мистер Коулд?

Мистер Бруно так пристально посмотрел на Ареса, что ему не пришлось объяснять, что с ним будет, если он начнет играть сам по себе.

— Договорились. Только зовите меня просто Коулд, — и они пожали друг другу руки.

Когда мистер Бруно вышел в соседнюю комнату, то там он встретил какого-то человека.

— Тренер Браун, здравствуйте.

— Мистер Бруно, — кивнул тренер, — ну как?

— То, что надо. Вы были правы. Мальчишка просто находка. Великолепно владеет собой.

— Техника у него просто потрясающая. Он выполняет то, что ему велят, но может проявить инициативу. Но всегда с умом, еще ни разу не делал глупостей.

— Вы говорите он сирота?

— Да, круглый.

— Это очень ценно. Что ж, спасибо за сотрудничество.

— Надеюсь не в последний раз, — кивнул тренер.

Они тепло распрощались и разъехались в противоположных направлениях.

9. Рождение Коулда (часть II)

Мелисса села на диване и взяла чашку с чаем. Рассказ Ареса ее заворожил. Он мало разговаривал, а уж рассказ такой длины она впервые от него услышала. Он говорил тихо и мягко, словно пересказывая чью-то историю. Без излишних эмоций и интонаций. Мелисса видела его профиль и теперь всматривалась в него. Сейчас она видела нечто другое, ругала себя: как она не замечала очевидного? Он суровый, он мало улыбается, он сам в себе. Что там творится у него внутри? Какой он? Что довелось ему пережить?

— И что было дальше?

Мелисса хотела погладить Ареса по голове или положить руку ему на плечо. Подняла ее и опустила на диван, вспомнив убитого безликого человека. Она видела много трупов, видела как люди умирали от болезней, от травм. Ей казалось, что она спокойно относится к смерти, принимает ее, не боится. Но она ошиблась. Отныне тот мужчина, лица которого она даже не видела, всегда будет у нее перед глазами. Теперь она будет его бояться. Он своей склоненной головой разрушил ее мечты.

— Дальше? — Арес на миг задумался, погрузился в себя, пытаясь вспомнить все, не упустить деталей. Чтобы Мелли поняла его, почувствовала вместе с ним, как это было. Как он рождался.

На следующее утро перед Аресом открыли дверь камеры и сказали:

— Вы можете быть свободны.

Вот так просто. Подпиши какую-то бумагу и можешь идти на все четыре стороны. Это ему так сказали в участке. Но когда он вышел на солнечный свет, то увидел машину. Из нее выглянул парень и сказал:

— Ты Коулд?

Арес кивнул.

— Мистер Бруно прислал за тобой. Прыгай.

Арес понял, что дорога у него только одна.

Они ехали около часа, наконец, выехали на проселочную дорогу и подъехали к огороженной территории. Ворота автоматически открылись, пропуская машину и плавно за ней закрылись. Еще какое-то время они ехали по зеленому лугу, и не было видно никаких признаков жизни. Наконец, вдали показался большой дом, почти дворец, но парень за рулем свернул от него влево, и дом стал удаляться. Они подъехали к двухэтажному дому, по виду не особо отличавшемуся от здания приюта. Простое длинное двухэтажное строение.

— Это твой новый дом, — сказал парень. Всю дорогу он хранил молчание, и Арес тоже не лез к нему с расспросами. Но, выйдя из машины, парень словно сбросил с себя груз ответственности, потянулся, закурил и дружелюбно спросил:

— Так как тебя зовут?

— Коулд.

— Окей, а я Лео. Будем жить здесь вместе. Ну, в смысле не только мы с тобой, тут еще много парней. Нормальные парни. Каждый себе на уме, но это работа такая.

— Ясно. А что за работа? — решил прощупать почву Арес.

Лео хмыкнул и ничего не ответил. Докурив, он сказал:

— Ладно, идем, размещу тебя.

Помещение было спланировано в виде гостинцы. Большой общий холл и множество комнат. Ареса поселили в простой комнате, в которой было все самое необходимое: кровать, стол, стул, шкаф. Никаких картин, украшений и подобной чепухи. Светлые стены, темно-синее покрывало на кровати. Больше ничего. Просто, безлико, аккуратно. Арес ожидал чего-то подобного. Был рад, что комната на одного. Хотя после приюта он спокойно мог бы ужиться и с десятком людей. Но одиночество и уединение он ценил. На кровати стояла сумка, и Лео сказал:

— Это твои вещи, привезли еще вчера.

— Да, это хорошо, спасибо.

— Ладно, я пойду пока, а ты приди в себя и выходи где-то через час в холл.

— Окей.

В комнате у Ареса был небольшой санузел: унитаз и душ. Просто мечта, подумал он. Никакой очереди по утрам, все в твоём личном распоряжении.

Молодой человек принял душ, переоделся в джинсы и майку и сел на кровати, поразмышлять над своим положением. До выхода оставалось еще полчаса, и Арес первым делом решил осмотреться. Выглянув в окно, он не увидел ровным счетом ничего, кроме зеленой травы. Возможно, из окон второго этажа был лучший обзор, но Ареса поселили на первом. Что было за зданием, Арес тоже не имел ни малейшего представления. Тогда он сел на кровати и решил сложить два и два. Вот значит, как это бывает. Прямо как в кино. И что он теперь будет делать? Охранять? Убивать? Служить, решил Арес, как верный пес. Вот такая судьба. Главное — вырваться потом, вернуть независимость, не потерять мечту. Он представлял, что про него, наверное, узнали уже все, что было можно, ведь они должны найти способы воздействия. Главное, не допустить, чтобы с Мелиссой что-то случилось. Проявить преданность, втереться в доверие. И тогда, глядишь, он найдет способ убраться отсюда подобру-поздорову. Способ должен быть и Арес его найдет. А пока надо просто быть послушным. Забыть свою гордость, свое лицо. Он даже имя решил на время забыть. Пусть будет просто Коулд. Арес остался в другой жизни, Арес — для Мелиссы.

Ровно в назначенное время Арес вышел в холл. Там его уже ждал Лео.

— Идем, — просто сказал он без всяких пояснений и вышел из здания.

Они прошли за дом, и там Арес увидел что-то наподобие тренировочного лагеря. Как в армии. В армии он не был, но видел много фильмов на эту тематику. Вот что-то подобное предстало и перед ним. Десятка два парней в полной тишине, руководствуясь, по всей видимости, только жестами проходили полосу препятствий. Красиво, слаженно, без окриков командира. Никто не орал как в кино: «А ну шевелите своими ленивыми задницами, девчонки».

К ним подошел мужчина лет сорока, эдакий типичный командир в камуфляже.

— Вот привел новичка, — сказал Лео.

— Здравствуйте, — поздоровался Арес.

— Здравствуй. Я — сержант Адамс. Ты Коулд, насколько я знаю. Мистер Бруно предупредил о тебе.

Арес кивнул. Что говорить он не знал, как себя вести — тоже, поэтому решил просто помалкивать.

— Ты не особо разговорчивый, да? Это хорошо. Видишь вон тех ребят? Они проходят полосу препятствий. Главное — тихо и быстро. Это самое сложное. Соблюдать полную

тишину. Сможешь?

Арес пожал плечами. На первый взгляд в действиях этих ребят не было ничего сложного. Каждый из них выглядел весьма спокойно, никто не корчил рожи, не кряхтел и не падал. Но Арес привык, что нельзя недооценивать ситуацию. Все может оказаться не так, как выглядит на первый взгляд.

— Хорошо, давай проверим твои способности. Иди, присоединяйся к ним, — сказал Адамс.

Арес слегка опешил, к такому он не был готов, но не показывать же это при первой встрече. Поэтому, прикинув расстояние полосы препятствий, он ринулся вперед.

Ему было даже интересно. Побывать в роли удалого солдата, который сейчас на раз-два пройдет полосу препятствий.

С самого начала полосу преграждал гладкий бревенчатый забор, чуть выше его роста. Преодолеть такой не составляло никакого труда, но когда Арес, разогнавшись, схватился за него, его весьма ощутимо ударило током. Не сильно, но ощущение того, что ток пробежал по тебе, было омерзительным. Словно выкрутили наизнанку. Арес сначала даже не понял что с ним, но, перемахнув все же через забор, захотел выругаться. Вспомнил, что нельзя. Посмотрел вперед. Самое ужасное теперь было то, что появился страх. Он шел к полосе препятствий как к детскому развлечению, а теперь придется преодолевать себя. Впредь, прикасаясь ко всему, он будет ожидать какого-то подвоха. А что ты хотел?

Ладно, пошли дальше. Мерзкий ров с грязью, над ним канат. Детский сад. Арес разбежался и, схватив канат, полетел надо рвом. Удержаться на канате не представлялось возможным. Он был абсолютно и полностью измазан чем-то таким, что руки скользили на нем как по маслу. Невозможно, думал Арес. Он сам видел, как несколько человек перелетели на нем, никуда не соскальзывая.

Естественно Арес со всего размаху шмякнулся в грязную жижу. Пришлось остальное расстояние пробираться по грязи. Выбравшись на сушу, Арес обернулся. Лео откровенно потешался над ним, сложив руки и ухмыляясь. Сержант похоже не проявлял особо интереса к новичку, равнодушно взирая на его неудачи. Арес побежал сквозь шины с каждым прыжком думая о том, что если его и долбанет сейчас током, то главное молчать. Но все обошлось, и он полез под колючей проволокой. Казалась, что она живая. Когда он в кино смотрел на солдат, ползущих под проволокой, то всегда думал: что за кретины, не могут проползти, словно это так сложно. Но теперь он чувствовал, что она извивается и норовит впиться в него, особенно ей по нраву были его глаза. Она шевелилась, и Аресу мерещились снопы искр, он заметил, что сбился с курса и чуть не запутался окончательно. Позор, думал он. Теперь уже парни закончили полосу препятствий и тоже, наверное, потешаются над неумехой-новичком. Он вылез из-под проволоки и увидел перед собой яму. Прикинув, решил, что она входит в полосу препятствий, потому что больше на горизонте пока ничего не было видно. Арес с ужасом стал спускаться в темное пространство. Яма была узкой, темной, со скользкими земляными стенками. И что, кто-то здесь меня видит или слышит? Арес осторожно пошел вперед. Он шел и думал о том, что во второй раз ему не должно быть здесь неприятно (ну, ладно, признаюсь — страшно). Влез рукой в какое-то скользкое и мерзкое нечто. Подумаешь, страшилки для детей. В яме был поворот, потом еще один, ход сужался и ему пришлось стать на четвереньки. Продолжая лезть вперед, Арес утешал себя тем, что это все не по-настоящему. Проверка на наличие клаустрофобии. Руки давно привыкли к мерзости под ними, но неожиданно на спину упало что-то большое. Может и не

очень большое, что-то вроде крысы. Оно зашевелилось, но звуков не издавало. Арес не мог стряхнуть с себя это, потому что не мог делать в этом лазе ничего, зажатый стенами. Только ползти вперед, таща на спине какую-то дрянь. Паника — такая мелкая зараза, стала постепенно пробираться ему в голову. Так неспешно, но настойчиво. Арес подумал, что это может быть очередная проверка и прикинул, что это может быть. Может бомба? Жучок? И он тащит его напрямик в лагерь? Арес взял себя в руки, лег на пол и, извернувшись так, как казалось, неспособен сделать ни один человек, нащупал на спине это нечто. Оно было мягкое и теплое. Арес вцепился в него и стащил со спины. Он бросил это и пополз дальше. Что это было, он так и не понял. Неожиданно Арес оказался на ярком солнце. Оно ослепило, и юноша зажмурился, привыкая к свету. Открыв глаза, увидел, что стоит на обрыве в нескольких сантиметрах от пропасти. Обрыв был высотой метров десять, достаточно чтобы сломать себе что-то (даже шею). Вот тут Арес понял, что никому не было бы дела, упади он сейчас туда. Руку, может, и подлатали бы, а вот спину, например...

По узкому краю обрыва Арес зашагал влево. Там висело что-то, имитирующее паучью сеть. Темп прохождения снизился, Арес это чувствовал, азарт тоже поубавился. Подходя к сети, Арес ждал любой гадости, например, что он прилипнет к ней намертво. Но ничего подобного не произошло. Преодолев ее без приключений и вполне сносно, он увидел, что полоса поворачивает назад к столпившимся вдалеке зрителям. Он залез на очень высокую вышку и по канату пошел вперед. Держался он за другой канат, и вся эта конструкция ходила ходуном. Уставший Арес еле удерживал равновесие. Его пальцы цеплялись намертво за веревку, и он ожидал, что в любой момент она станет скользкой, оборвется или еще что. Спустился он уже недалеко от сержанта на мягкий песок. Замешкавшись несколько секунд, Арес приходил в себя от высоты. Ноги дрожали от непривычного напряжения, и тут он почувствовал, что песок под ногами движется. Изумленный Арес приподнял ногу и обнаружил, что вторая уходит вниз. В недоумении он опустил ногу и хотел было пойти вперед, но не тут-то было. Мягкий песок поглощал его, он проваливался в зыбучие пески. Это просто смешно, решил Арес. Что это за полоса препятствий такая? Как им удалось добиться подобного? Видимо, выражение недоумения было на его лице ожидаемым, потому что в этот момент раздался дружный хохот. Все собрались посмотреть на это зрелище, на новичка, угодившего в ловушку. Наверное, думал Арес, он бы тоже хохотал вместе с ними, если бы был с той стороны. Но он опускался под песок, и никто не пытался ему помочь. Арес вспомнил научную передачу, которую смотрел еще в детстве. Именно про то, как надо выбираться из зыбучих песков. Никогда бы не подумал, что это может пригодиться. Тем не менее... Арес вспомнил, что надо не пытаться выдернуть ноги, а лечь на песок, как на воду и распределить вес. Он был уже по пояс в песке и ему удалось улечься. Смех стал стихать. Вместо того чтобы вырваться, парень лег. Когда он лег, то стал вынимать ногу, прилагая нечеловеческие усилия. Это было очень сложно, но все же Аресу удалось. Он согнул ногу в колене и, извиваясь всем телом, стал пытаться ползти как змея, вытаскивая вторую ногу. Парень не думал уже ни о чем, только о достижении цели. Пот лился ручьем, рот был полон песка, но Аресу удалось! Он выполз как уж и последний метр до асфальта, не рискуя, прополз на животе.

Арес поднялся, и его тут же окружили галдящие ребята. Они хлопали новичка по плечу, жали руку, смеялись. Сержант подошел и сказал:

— Молодец. Справился, остался жив. Значит, будешь с нами, — и отошел в сторону.

Видимо, некая угроза таилась в словах сержанта, но Аресу было плевать. Никогда он не

чувствовал себя так хорошо. Так полноценно. Болело все тело, он был в грязи, в поту, но ощущал эйфорию. Вокруг — лица незнакомых людей, которых он почти любил. Хотел стать с ними одним целым, семьей. Он был счастлив. Он понял, что будущее здесь не так уж и безнадежно, возможно, он обретет себя.

Мелисса с жадностью ловила каждое слово. Таблетки сыграли свою роль, и жар у нее спал. Головная боль тоже прошла, и чувствовала девушка себя неплохо. Все прояснилось, становилось на свои места. Словно раньше вся ее жизнь, ее отношения с Аресом, были покрыты тонкой пеленой, под ней все видно, но не четко. А теперь пелена спадала, краски заискрились, все четко все ясно. Арес — такой сильный, закаленный, уверенный. Разве можно набраться этого в детской поездке по стране, выступая на ринге с такими же детьми? Арес повзрослел, а она Мелисса была все той же наивной молодой девочкой. Как он мирился с этим? С ее слепотой? Как мог любить эту наивность? Мелли слушала его рассказ и взрослела с каждым словом. Прощалась наконец с детством. Пора бы уж. Даже ее лицо суровело теперь вместе с ним.

Она, наконец, смогла положить руку ему на голову и, незаметно для себя самой, играть прядями его волос, пропуская их через пальцы. Это было так привычно и естественно, так успокаивало.

— И что же было дальше?

— Тебе действительно хочется все знать Мелисса? Я могу остановиться в любую минуту. Не хочу чтобы тебе было неприятно.

От его слов Мелисса вздрогнула: значит, будет неприятно. Но куда теперь отступить? Нет за спиной ничего, а впереди будет пустота.

— Конечно, продолжай.

— Хорошо.

Арес поцеловал ее ладонь в знак благодарности, за то, что Мелисса пока еще с ним. Пока еще не оттолкнула его. Но ведь правда до конца не рассказана. Она может подозревать все что угодно, но до конца пока не знает. У него еще есть шанс спасти их отношения. Но он уже не мог остановиться. Правда потекла из него потоком.

10. Рождение Коулда (часть III)

Вся жизнь Ареса в последующие недели была сплошной тренировкой. В доме жило около двадцати парней, таких же наемников, как и он. Арес общался с ними, но не сходилась близко. Он был осторожен и боялся всего. Боялся дать лишнюю информацию о себе, сделать себя уязвимым. В большинстве своем другие ребята были похожи на него. Все крепкие и статные, с нелегким детством и прошлым. Каждому было что скрывать, и откровенных болтунов у них не водилось. Конечно, они шутили, рассказывали прибаутки, услышанные когда-то, и преподносили это так, словно это происходило с ними, но Арес достаточно хорошо мог оценить правдивость их слов.

Каждый день они тренировались на полосе препятствий. Привыкнуть к ней, как ожидал поначалу Арес, было невозможно и адаптироваться тоже, потому что полосу изменяли. Иногда она могла несколько дней быть абсолютно одинаковой, а потом, в один прекрасный день, вместо обрыва ты попадаешь в ров с водой. Тебе нужно было проплыть под водой определенное расстояние, и когда ты привыкал и расслаблялся, в том месте, где обычно был спасительный выход, оказывался тупик. Несколько человек получили серьезные травмы на полосе, но смертей не было. Током их могло ударить совершенно в разных местах, задачи усложнялись, а тело тренировалось. Пальцы Ареса крепили, через некоторое время он смог держаться за скользкий канат, не падая каждый раз в грязь. Арес успокаивал себя тем, что не он один проходит день изо дня все эти тренировки. И не только те парни, рядом с которыми он занимается. Все эти вещи практиковались много лет в разных специальных подразделениях, и никто от этого не умирал. Да, тело болело, но вечерами у него была вкусная еда (а кормили их как на убой), чистая постель, своя комната. Он попросил книги, и Лео на следующий же день притащил ему целую стопку. У них был кинозал, и он вместе с товарищами мог смотреть любые фильмы. Вместе это вообще было здорово! Они все были единомышленниками (во всяком случае, на данном отрезке жизни), и поэтому Арес получал истинное удовольствие от совместного просмотра фильмов. Выбирали, конечно, боевики, триллеры, фильмы с Джеки Чаном. Каждый вносил свою лепту в просмотр фильма (кто-то критиковал, кто-то заразительно смеялся, кто-то подначивал остальных на повторение трюка) и они все были похожи на большую дружную семью. Соперничать не было необходимости, всего было в достатке.

Время от времени одного из них вызывали в дом мистера Бруно. Тогда он уходил на задание и возвращался или не возвращался. Задания, конечно, никто не обсуждал, и пропавших товарищей тоже не вспоминали. Все знали, что рано или поздно каждый должен сыграть свою роль.

Вечерами они устраивали дружеские спарринги, и каждый учил товарищей, чему мог. Арес, естественно, учил бою на палках, и ребятам это очень нравилось. Однажды, сержант принес настоящие мечи из дома мистера Бруно, и они устроили захватывающий бой на них. Это было великолепное оружие, Арес с трепетом сжимал его в руках. Такой бой сразу перешел из разряда игры в настоящее искусство. Сержант держался молодцом, но Арес превосходил его в технике, и ему стоило огромных усилий не разойтись на полную. Кровожадные мысли не могли не посещать его, меч все же не палка и он представлял, как мог бы одним ударом отсечь руку. Ему приходилось сдерживать себя, а сержант улыбался,

подмечая все это.

Ходили они и в тир, но Арес не увлекся стрельбой. Слишком шумно, слишком далеко. Он был уверен только в своей руке, а огнестрельному оружию доверять стопроцентно так и не научился. Хотя, конечно, освоил эти навыки.

Аресу повезло: несколько недель было тихо и спокойно. Он словно попал в лагерь для детей, воспитывающий в них мужество.

Наконец как-то утром его встретил Лео, который был всегда в курсе всего и сказал, что Ареса хочет видеть мистер Бруно. Простые слова вызвали легкую дрожь в теле юноши. Он ждал этого приглашения, понимал, что не может вечно сидеть без дела. И думал, что, наконец, час его расплаты пришел. Как бы то ни было, пока что он был в долгу перед мистером Бруно и хотел рассчитаться с ним.

— И что, мне просто пойти к нему домой?

— Он же ждет тебя, так что ступай. — Лео дружески хлопнул Ареса по плечу.

Арес не стал заставлять себя ждать и напрямик направился к особняку. Возле широкого красивого крыльца немного сбавил темп, но, пересилив себя, подошел к двери, решив ничем не выдавать своего волнения. Дверь как по волшебству открылась у него перед носом и сухой старичок сказал:

— Я провожу вас к мистеру Бруно.

Арес молча прошествовал за старичком. Вся ситуация была смешной, нереальной. Он старался не глазеть по сторонам, но и того, что видел периферическим зрением, было предостаточно. Какая-то нежилая роскошь. Как можно здесь жить?

Они зашли в кабинет мистера Бруно, который сидел за массивным столом. Чего-то подобного и ожидал Арес, никаких сюрпризов.

Старичок незаметно вышел, и Арес остался один на один со своим спасителем.

— Добрый день, Арес. Ну как тебе у нас живется?

Вежливый тон, заинтересованность в голосе.

— Спасибо, мистер Бруно, хорошо живется. — Арес слегка улыбнулся.

— Я рад, правда, рад. Я практически не бываю в том доме, дела...

Арес молчал, не зная, что еще сказать.

— Вот, Коулд, твое первое задание. Так сказать проба.

Мистер Бруно протянул Аресу фото. На нем был изображен самый заурядный человек: мужчина лет сорока, в простой футболке и джинсах. Он выходил из какого-то магазинчика и в руках у него был пакет. На обратной стороне фотографии — адрес. Пока Арес размышлял о том, надо ли ему что-то спросить или уточнить, мистер Бруно, как ни в чем не бывало, вернулся к документам, которые просматривал до прихода юноши.

Арес ощущал себя дураком, переминаясь с ноги на ногу с фотографией незнакомца в руках. Вроде все предельно ясно, но вдруг он понял превратно? Что делать?

— Я могу оставить это себе? — наконец спросил Арес.

— А зачем? Ты что-то не запомнил? — мистер Бруно был доброжелателен, но Арес не купился на это.

— Все запомнил.

— Ну, хорошо тогда. Времени три дня. А, вот еще, — мистер Бруно достал ключ и протянул Аресу. — До встречи, Коулд.

Тут уж гадать было не о чем. Арес взял ключ и вышел из кабинета. Наткнулся на старичка, который любезно проводил его к двери.

Арес первым делом разыскал Лео и спросил:

— Как мне выехать в город? Это ведь не близко?

— Да без проблем. Пойди к сержанту и скажи что тебе надо в город.

— А я могу уехать на несколько дней?

— Если так надо для дела... — протянул Лео. — Ты сам решаешь, что лучше и как тебе поступить.

— Понятно.

Арес разыскал сержанта и решил не откладывать дело в долгий ящик. Через пару часов он уже был в городе. Договорился с сержантом, чтобы его забрали с этого же места через два дня.

В городе он почувствовал себя совсем иначе. Словно вырвался из сказочной страны в реальный мир. Там был зеленый луг, товарищи, бесплатная еда и тренировки. Больше ничто не нарушало их существования. Здесь его встретил смог, автомобили гудели, люди толкали. Арес на миг растерялся. Он никак не мог понять, как умудрился попасть в подобную ситуацию. Плюнуть на всё? Но перед глазами тут же вставал образ Мелиссы. И дело было даже не в том, что он не оправдывает ее надежд, что не заработает, что они будут скитаться по миру. А в том, что теперь каждый его необдуманый шаг может стоить ей жизни. Попался как рыбка на крючок. Арес был достаточно умен, чтобы понимать это.

Купил в ближайшем магазине карту города, нашел адрес. Городок был совсем небольшим, обойти его можно было за пару часов, так что Арес, напустив на себя вид гуляющего, пошел на разведку. Нужный адрес он нашел спустя полчаса. Непрестижный район, многоквартирный трехэтажный дом, окружен такими же домами. Много окон и соответственно глаз. А чего кружить, подумал Арес. Чем больше он будет здесь ходить, тем больше людей его увидит и запомнит. Он уверенно зашел в подъезд и стал подниматься по грязной лестнице. Был будний день, видимо, большинство жильцов находилось на работе, поэтому ему никто не встретился. Вот и нужная квартира. У Ареса не было ни страха, ни волнения. Он вообще до конца не осознал происходящее. Как компьютерная игра: вот задание — выполняй. Арес достал ключ и без усилия вставил в замочную скважину. Ключ повернулся практически бесшумно и дверь отворилась. Словно все было подстроено и ждало именно его появления. Молодой человек, откинув прочь сомнения, преступил порог и прикрыл дверь. В руке у него оказалась ладонная палочка, и ее прикосновение до конца успокоило Ареса.

Он осмотрелся: две двери. Толкнул одну и увидел за ней грязный санузел, в котором никого не было. Арес шагнул ко второй двери и отворил ее. Перед ним предстала неприбранная комната, разные вещи валялись на полу, обрывки бумаг, пивные банки, пепельница с окурками. На диване лежал человек. Он, по всей видимости, решил посмотреть телевизор, потому что в его руках был пульт, и он, как раз в тот момент, когда Арес вошел, нажал на кнопку. В комнату ворвался голос диктора новостей, но мужчина с нетерпением стал переключать каналы. Хозяин квартиры остановился на футболе и отложил пульт. Потянувшись за банкой пива он, наконец, заметил стоящего в дверях Ареса.

— Ты кто такой? — пьяно спросил мужчина.

Арес удостоверился, что человек этот именно тот, кого он искал.

Ничего не говоря, Арес пересек комнату. Мужчина, не понимая, что происходит, все же ринулся на незваного гостя:

— А ну, пошел отсюда. Он замахнулся банкой, но Арес легко увернулся и точно

выверенным ударом ладонной палочки в висок уложил мужчину на пол.

Тот не успел даже вскрикнуть и осел, а потом опустился окончательно, словно решил отдохнуть. Арес постоял с минуту над телом, потом потрогал пульс. Совсем небольшая рана кровоточила, а пульса не было.

Вот и все, подумал Арес. Как быстро может закончиться жизнь. Он не хотел думать, кто этот человек и почему стал мишенью. Такие мысли не доведут до добра. Но все же Арес прошел по комнате, заглянул в старый комод. Какая связь у этого бедного грязного пьяницы с мистером Бруно? Неужели он просто был проверкой и попал под руку совершенно случайно? Это, наверное, не важно. В комодe под грязной одеждой, запиханной туда кое-как, Арес нашел пачку фотографий. Мерзкое детское порно. Был ли это утешительный приз? Арес хотел не думать и не задавать себе этих вопросов, но не мог. Не мог избавиться от ощущения, что все слишком легко, слишком гладко, а еще и фото напоследок.

Юный убийца еще раз проверил тело, оно не собиралось оживать. Забрал фотографии и вышел. Так же незамеченный никем, он вышел на улицу и пошел в сторону центра города. По дороге сжег фотографии. Вот и все, думал Арес: был человек — и нет, была цель и не стало. Что делать теперь? Ждать новой цели. Это единственное, в чем теперь был уверен Арес. Потому что сегодня он сам, своими действиями, убедил себя, что больше ни в чем в этой жизни ты не можешь быть уверен.

Теперь у него было целых два дня, и как их провести Арес не имел ни малейшего представления. Он послонялся по городу, поел в кафе. Сержант выдал ему небольшую сумму денег на «текущие расходы», которых не оказалось. Тогда Арес пошел на автовокзал и купил билет до ближайшего крупного города. Провел ночь в пути, а наутро отправился гулять по городу. Сходил в зоопарк, потом зашел на почту и отправил Мелиссе открытку, пообедал и нашел магазин спортивного снаряжения. Долго рассматривал ладонные палочки и, наконец, купил одну. Она отличалась от той, что была с ним долгие годы, но от прежней пришлось избавиться. Новая была дешевой и безликой, зато, подумал Арес, расстаться с ней будет куда проще. До автобуса назад еще оставалось время, и Арес пошел в кино.

А на следующий день он вернулся на место встречи с сержантом, который не заставил себя ждать и они вернулись «домой».

11. Рождение Коулда (часть IV)

Через два дня у Ареса состоялся разговор с мистером Бруно.

— Ну что ж, Коулд, вы оправдали мои ожидания. Это очень приятно.

— Я рад, мистер Бруно.

— Мы открыли вам счет, и на него поступила небольшая сумма денег на ваши нужды.

— Премного благодарен. Мне всего хватает.

— Может, хотите кому-то послать деньги?

— Нет, мистер Бруно. Как вы знаете, я из приюта и у меня никого нет.

— Это ваше дело. До встречи.

После этого жизнь потекла, словно ничего и не произошло. Но наслаждаться бездействием удалось не долго. Случилось нечто экстраординарное, и через неделю их всех собрал сержант. Его и без того обычно серьезное лицо, посуровело еще больше. Весь его облик говорил: шутки в сторону, важное дело. Стояла гробовая тишина, и сержант сказал:

— У нас важная и срочная миссия. Сейчас мы все сядем в автомобиль, который доставит нас к месту назначения. Там у нас не будет времени на координацию наших действий. Работаем каждый сам по себе, но на общую цель. Не оставлять никого. Всем все понятно?

Аресу было ничего не понятно, но остальные молчали, и лезть с расспросами он побоялся. По команде сержанта они бросились к бронированному автобусу. Началась просто бешеная езда. Их трясло, скидывало на пол при поворотах и бросало друг на друга. Автобус был без окон, и куда они едут, Арес не видел. Никто не разговаривал и напряжение было всеобщим.

Через час, автобус резко остановился, его двери открылись. Они оказались напротив почти такого же дома, в каком обитал мистер Бруно. Железная ограда, высокий забор. Вдали просматривались очертания особняка. Сержант махнул рукой и первый полез через ограду. Его подчиненным ничего не оставалось, как последовать за командиром.

Они перебирались через стену кто как мог. Одни полезли вслед за сержантом через железные решетки, другие, становясь на плечи друг другу, перемахивали через забор. Аресу кто-то помог, но он даже не обратил внимания на то, кто это был. Он зарядился настроением остальных и все делал безмолвно, быстро и четко. После того как забор был оставлен за спиной, все его товарищи рассосредоточились по территории и уже никого не было видно. «Каждый сам за себя», вспомнил Коулд. Он поспешил вперед, стараясь как можно скорей скрыться за цветущими кустами. Дальше шел парк, в нем росло много вечнозеленых кустарников, подстриженных в форме зверей. Просто идеальное место для того, чтобы оставаться незамеченным. Арес решил про себя, что никогда не будет жить в доме, из окон которого не просматривается двор.

Раздались выстрелы. Кто в кого стрелял, Арес не имел ни малейшего представления. Потом услышал звон стекла, женские крики, опять выстрелы. Арес поспешил к дому. Их вторжение было явно обнаружено, и таиться теперь не было смысла. К тому же молодой человек боялся опоздать, ведь все посчитают, что он отсиживался в кустах. Осторожность была откинута, Арес, разбив ближайшее окно, ввалился в дом. Все та же роскошь, что и у мистера Бруно, только несколько подпорченная: осколки стекла, разбитая ваза и труп на

полу, от которого растекалась лужа крови. Арес, проходя мимо, увидел, что это один из его товарищей. Он пошел по этажу, заглядывая в распахнутые двери, сжимая в руке ладонную палочку. Свой любимый инструмент. Конечно, против пистолета он был бессилен, ему нужен был только тесный контакт, но... кто на что учился. В одной из комнат он наткнулся еще на один труп — женщины. Она лежала на диване, словно прилегла отдохнуть, но так и не проснулась, кто-то нашел ее и отправил в вечный сон. Арес уже хотел было выйти из комнаты, как услышал какой-то звук. Он повернулся вовремя, чтобы отбить руку с пистолетом. Пистолет все равно выстрелил, но пуля попала Аресу в ногу. Видимо охранник дамы, лежащей на диване, решил вспомнить свои обязанности. Молодой парень, такой же, как Арес, с белым от испуга лицом и дрожащими руками. Арес схватил парня за руку и, выкрутив ее, заставил бросить пистолет. Потом применил свое оружие, и охранник замертво упал. Арес оглядел ногу. Рана была не такой уж большой, но кровь из нее хлестала и болела нога ужасно. Арес, вынув ремень, перетянул ногу выше раны. Тренировки научили его не стонать и кричать, но Арес в нерешительности замер, не зная, что делать дальше. В этот момент дверь в комнату отворилась. Арес вскинулся, но это был один из его товарищей. Он быстро оценил обстановку, заметив оба трупа, потом бросил взгляд на рану Ареса. Ничего не сказав, быстро покинул комнату. Вот так вот, подумал Арес, каждый сам за себя.

Он поковылял к выходу. Пошел на второй этаж. Оттуда доносились голоса, выстрелы, крики. Основные события разворачивались там, это ясно. Арес поспешил наверх. Тут уж было не до осторожности, главное успеть выполнить задание и убраться отсюда. Когда он поднялся, то увидел бойню. Все охранники этого дома, видимо, поздно заметив угрозу, собрались на втором этаже. Всего их было человек десять. Все они лежали мертвыми, кто где. Но пол оказался усеян не только трупами врагов, но и трупами его друзей. Большинство из них просто подстрелили, кто-то наткнулся на нож. Аресу казалось, что он один остался здесь, на поле боя, но тут он услышал крик из комнаты и поспешил туда. Это была большая спальня, с пологом и камином. На полу лежал сержант, зажимая рукой рану в боку, в глубине кровати, почти не видимый, забился какой-то человек, и его своим телом прикрывал другой.

Сержант, обрадовавшись появлению Коулда, прохрипел:

— Давай, Коулд.

Арес, забыв про боль в ноге, метнулся к охраннику и схватился с ним врукопашную. Тот, видимо, был одним из лучших бойцов забившегося на кровати хозяина, потому что бой оказался нешуточным. К тому же Арес был ранен, и нога давала о себе знать. Но охранник не мог знать об оружии Ареса, которое все же появилось у него в руке в нужный момент. С первого раза ему не удалось прикончить противника. Удар пришелся вскользь, и Арес успел заметить удивленный взгляд телохранителя, прежде чем нанес решающий удар. Он отшвырнул от себя тело, разъяренный схваткой и болью. Мужчина на кровати завизжал, захрюкал, заголосил:

— Пожалуйста, пожалуйста, не убивайте. Сжальтесь. У меня есть деньги, я вам заплачу сколько скажете.

Арес поймал на себе выжидающий взгляд сержанта. Потом обошел кровать и приблизился к сидящему человеку. Тот запричитал:

— Какой молодой. Вы должны быть милосердны. Прошу. У меня семья. Вы же такой молодой, вы должны знать, что такое семья.

— Я не знаю, — ответил Коулд и нанес удар в удивленное лицо.

Сзади стоял, покачиваясь, сержант.

— Можно уходить, Коулд. Дело сделано.

Арес помог сержанту дойти до выхода. Так они и шли, опираясь друг на друга, до самого автобуса, не испытывая никакой братской любви. Они просто выполняли работу. К ним подоспели еще двое раненых бойцов.

— Больше никого нет, — сказал один из них. — Мы проверили.

— Хорошо. Едем.

Уже в машине сержант позволил себе немного расслабиться и сказал:

— А ты, Коулд, полностью оправдал свое имя. Молодец.

Арес хмуро кивнул.

Так и родился известный в некоторых кругах Коулд.

12. Мелисса принимает решение

— Последующие годы моей жизни мало чем отличались от первого, — закончил Арес.

Он не стал говорить Мелиссе, что впоследствии его мастерство оттачивалось с каждым новым заданием, что его нервы стали стальными, а взгляд делался все более равнодушным.

Что его фамилия — Коулд, стала сначала прозвищем, прилипшим к нему, а потом именем нарицательным. За его хладнокровие его уважали и боялись многие.

Что мистер Бруно нарадоваться на него не мог, потому что внутренне чутье позволяло Аресу не совершать ошибок. Мистер Бруно стал посылать Ареса на самые сложные задания, по сравнению с которыми его первый штурм особняка, был похож на детский квест. Он старался предвидеть последствия, как опытный игрок в шахматы просчитывал ходы наперед. Ему хорошо платили, и когда Арес немного освоился и осмелел, то стал интересоваться своим счетом и знал, что его не обманули. Правда до конца Арес не верил в чудесное освобождение. Многие ребята уходили и не возвращались, но куда уходили? Такие вопросы не принято было задавать. Люди менялись часто и ни с кем Арес не водил крепкой дружбы, это было не принято в их кругу. Хотя он все же знал, что может спокойно повернуться спиной к каждому из них. У них на кону стояло не меньше, чем у него самого.

— Но ты ведь уехал оттуда. Все закончилось? — после долгого молчания спросила Мелисса.

— Закончилось. На время.

— Они опять нашли тебя?

— Я и не собирался теряться, Мелли. Это просто невозможно. Единственное, чего я хотел, это быть с тобой, вернуться к тебе, ну а уж какую работу делать, не все ли равно?

— Арес, то, что ты говоришь... Мне надо побыть одной, подумать...

— Конечно, милая моя. Я люблю тебя.

Арес наклонился и, поцеловав девушку, вышел за дверь. А потом она услышала легкий стук входной двери. Куда он направился? Мелисса в ужасе подумала, что теперь каждую минуту, когда Арес не с ней, она обречена думать, что он убивает кого-то в этот момент. Что она могла бы помешать загубить человека, спасти жизнь.

Мелисса заметалась по комнате. То она порывалась выбежать за ним следом, то кидалась к себе в комнату на кровать, но лежать не могла, ей хотелось заплакать, но слезы не шли, руки дрожали, и она просто не знала что делать. Единственным ее советчиком в жизни была тетя Мери, но она откинула мысль обратиться к ней. Бедную старушку хватит удар. Никому другому девушка не могла признаться, потому что логично было бы предположить, что они сразу обратятся в полицию. И пусть Ареса и не посадят, но он будет презирать ее за предательство. Так поступить она не могла. Что делать? Мелисса ходила по комнате, но мысли ее были не в порядке. Тогда она прошла в ванную, открыла шкафчик с медикаментами и замешала себе успокоительный коктейль. Он протрезвил ей мысли, сердце застучало, как и положено молодому и здоровому сердцу, и тогда Мелли смогла все хорошенько обдумать и принять решение.

Она достала большой чемодан и собрала в него свои вещи, памятные безделушки, книги и конспекты. Старалась не забыть ничего, чтобы не возвращаться.

Потом села на диван и дождалась Ареса.

— Привет, я принес тебе мороженого.

Арес зашел в дверь такой милый и улыбающийся, с мороженым и цветами, словно ничего и не произошло. Словно и не рухнул весь мир Мелиссы. «Он и не притворяется, он просто не понимает», — думала Мелисса.

Затем он заметил чемодан. Швырнул мороженое и цветы на стол. После чего в нерешительности замер на месте.

— Арес, я приняла решение. Я должна уйти.

— Мелли, ты не можешь...

— Не перебивай меня, пожалуйста. Я приняла решение окончательно. Мои чувства к тебе таковы, что ничего, слышишь, никакое знание о тебе не изменит их. Это странно для меня самой, но, заглянув в себя, я поняла, что люблю тебя. Так же сильно, как и до твоей исповеди. Ничего не изменилось. Чтобы ты не натворил, пусть даже взорвёшь мир, я все равно буду тебя любить. Но это неправильно. Это делает меня такой же, как ты, а я не хочу этого. Я хочу быть другой. Я выбирала всю жизнь иной путь, он сильно отличается от твоего. Мы просто не сможем сосуществовать вместе, на одной плоскости, — она усмехнулась, — если можно так сказать. Прости меня Арес, ты стал таким не по своей вине, это просто стечение обстоятельств.

— Мелли, я не знаю что ответить.

— И не надо. Пусть все это побыстрее закончится. Я вызвала такси.

— Подожди... черт, а куда ты поедешь? Деньги... сейчас...

Он стал лихорадочно соображать, где у него деньги, но понял, что дома почти нет наличности.

— Не надо, Арес, — мягко сказала Мелисса. — Я же не маленькая. Я справлюсь.

К дому подъехало такси. Мелисса твердо пошла к двери, волоча за собой чемодан, а Арес даже не додумался помочь ей. Все произошло слишком быстро. Таксист выскочил и помог девушке, а когда она села в машину, Арес ринулся к ней:

— Ты знаешь, если что — звони всегда, в любое время...

Он не смог договорить, потому что было и так все понятно. Такси уехало, а он стоял на дороге и не осознавал, что же произошло. Потом волна спокойствия накатила на него. Она вернется. Она просто не может никуда от него деться. Они же одно целое, семья. А семьи так просто не разрушаются. Никакие семейные связи не порвать вот так просто. Они есть и будут, не смотря ни на что. Мелисса сильная, она переживет все это и вернется. Надо только остыть, подождать немного...

Как только машина отъехала, Мелисса дала волю слезам. Она плакала тихонько, отвернувшись в окно и прощаясь со всеми мечтами. Детскими и глупыми. Правы были все, кто не верил в идеальность их отношений. Ведь все завистники искали подвох в их любви, уверены были, что что-то не так. Она оказалась глупа, а люди правы?

Мелисса во время вспомнила о тех деньгах, что получила за картины. Она так замоталась на учебе и работе, что не успела их отдать в приют. Теперь она радовалась этому. Эти деньги помогут снять квартиру и дожить до выдачи диплома, а потом она устроится на работу. Жизнь впереди виделась такой, словно ее разрубили пополам. Личной жизни не осталось, только работа. Мечту располовинили. И чем теперь заполнять пустоту? Хотя живут же люди с такой вот половинчатой жизнью и ничего счастливы. Кто сказал, что судьба должна быть цельной? Кто придумал такой сценарий? Как Мелисса не успокаивала себя, она не могла выгнать из сердца черную тоску. Боль тисками сжимала ее сердце, и не

давала понять себя. Как она могла ничего не замечать? Одно она знала наверняка: Арес ее любил, и он добрый и славный, такого она знала, а не другого. Пусть это одна из его жизненных ролей, но ей и этого было достаточно. Она была любима, а кем, это уже другой вопрос. Может и было ее предназначение в том, что такой вот безжалостный убийца (чего уж там, надо называть вещи своими именами) кого-то полюбил. Может, для этого она и родилась на свет? Может, она должна ему помочь? Наставить на путь истинный, попытаться исправить?

Нет такой силы в человеческих руках — исправить другого человека. То, что формировалось годами без ее участия, она не сможет переделать. Это невозможно. И надо с этим смириться. Да и не смогла бы она противостоять, растворилась бы в его любви и забыла обо всем. И неизвестно кто бы кого переделал. Нет, она приняла верное решение, и жалеть об этом не стоит. В конце концов, он здесь, живет на планете Земля и никуда не денется.

Единственное, что может она, Мелисса, это попробовать исправить то, что натворил Арес. Она будет с удвоенной энергией помогать людям. Тогда возможно и боль уйдет и забудется все плохое.

13. Новая жизнь

Мелисса сняла крошечную квартирку практически без мебели. Она была безликой и неудобной, но девушке было все равно. Она совершенно не замечала подобных вещей. Главное, что было чисто, а в этой каморке был сделан ремонт буквально перед ее заселением.

Мелиссе было некуда себя деть и она, как и всегда, загрузила себя работой. Она возвращалась домой в восемь, девять, а то и десять часов вечера, однако ей все равно не сиделось. Промучившись так несколько дней, Мелисса после работы направилась в магазин. Она приобрела холсты, краски, мольберт и все свое свободное время проводила теперь перед ним. Она писала картины самозабвенно, ни о чем в этот момент не думая, практически в состоянии транса. Выглядело это завораживающе и пугающе одновременно. Художница даже не рассматривала свои творения, а просто складывала их возле стены и забывала об их существовании. Ей нужен был выплеск эмоций, нужно было чем-то заполнить пустоту и занять свободное время. Она это нашла. Она могла не думать, не вспоминать и не плакать в моменты творчества. Первые несколько дней стали для Мелли испытанием. Девушка решила жить воспоминаниями, но очень скоро поняла, что это сведет ее с ума. Нет в воспоминаниях никакой отдушины, они только рвут душу на части. Поэтому единственным выходом было отвлечься и забыть. Она не могла с кем-то поделиться своими проблемами. Она сходила к Лене, но оказалось, что та пребывает в еще более плачевном состоянии.

— Чего теперь скрывать, — сказала Лена. — Моя свекровь алкоголичка. Когда Алекс пришел с рейса, я думала, все наладится и мне не придется в одиночку справляться с этим. Но однажды, он уговорил меня оставить малыша с ней и пойти в кино. Когда мы вернулись, его мать спала мертвецки пьяная, а ребенок играл с ножами и разбитым стаканом. Говорят, что младенцев охраняет Господь, думаю, в этот раз так и было. Самое ужасное, что Алекс ничего не хочет видеть и слышать. Он сделал вид, что ничего ужасного не случилось. Теперь мы все время ссоримся. А недавно он заявил, что не готов быть отцом, что не думал, что это так тяжело.

— Лена, бедная моя. И что же ты будешь делать теперь?

— Я не знаю. Дело явно близится к разводу. Но как мне жить не представляю.

— Тебе надо восстановиться на учебе. Тогда ты сможешь работать.

— Видимо, действительно придется. Но куда деть ребенка? Алекс на днях опять уходит в рейс, еще какое-то время я смогу прожить здесь.

— Может, поговорить с тетей Мери и как-то пристроить ребенка?

— Можно попробовать, — Лена вытирала слезы платочком, а ее сынишка с удивлением наблюдал за мамой.

В такой обстановке Мелисса не решилась ничего сказать подруге, ей придется справляться со своим горем в одиночку.

Теперь вечерами Мелисса не выпархивала с работы как птичка, она шла медленно, почти плелась, останавливаясь перед витринами и всячески оттягивая возвращение в пустую квартиру. В один из таких вечеров Мелисса на темной дороге споткнулась обо что-то. Она чуть не упала и очень испугалась. Тут же в голове промелькнула мысль, что безопасно ходить по ночам она уже не может, она теперь одна и надо всегда помнить об этом. Мелли

обернулась и увидела лежащего на земле человека. Он лежал на обочине, и его трудно было заметить на неосвещенной улице. Одна рука откинулась на дорогу, об нее и споткнулась Мелисса. Сердце в страхе забило, но она решительно подошла к человеку. Достала мобильный и включила фонарик. Зрелище было ужасающим. На месте лица — кровавое месиво, руки и ноги неестественно вывернуты. Мелли нашла сонную артерию и уловила едва различимую пульсацию. Она тут же позвонила в скорую и, осторожно перевернув мужчину, стала делать ему непрямой массаж сердца. Она была такой маленькой, а мужчина оказался довольно крупным, и Мелисса прилагала все силы, какие у нее только были. К приезду скорой пот катил с девушки градом, но когда врачи скорой сказали, что мужчина жив, она почувствовала себя превосходно. Эту ночь она провела в больнице, отвечая на вопросы полицейских и ожидая результатов операции. Домой Мелли вернулась только утром, когда убедилась, что жизни мужчины теперь ничто не угрожает.

Мелисса сдала выпускные экзамены и, наконец, получила долгожданный диплом. Он не принес ей ожидаемой радости, потому как, что теперь с ним делать она не знала. Новоиспеченная медсестра хотела разделить свою радость с кем-то и отправилась в приют. Но когда зашла в родной и привычный холл, то первое, что увидела, была траурная рамочка с фотографией тети Мери.

Мелли бессильно опустилась на пол и сидела так перед фото тети Мери, пока ее не обнаружила миссис Джонас.

— Мы хотели найти тебя Мелисса, она так любила тебя. Ты успела вовремя, похороны будут завтра. Позвонить Аресу? Чтобы он забрал тебя, ты такая бледная.

Мелисса непонимающе уставилась на директрису, а потом сказала:

— Нет, не надо.

Она вышла из кабинета и отправилась куда глаза глядят. Пока она ходила по городу, то думала только об одном: сказать Аресу или нет? Она не имела права промолчать, ведь директор думала, что она предупредит его. В конце концов, Мелисса позвонила ему, собрав волю в кулак. Голос был близким, до боли знакомым, хотя какие-то нотки отчуждения проскользнули. Может, это начинается? Может, они, наконец, стали отдаляться, и пройдет еще немного времени и все уйдет? Так должно быть, так всегда бывает. Никто не страдает годами, время лечит. Прошлое уйдет и не вернется, не будет ее мучить.

На похороны пришли все. И ее родня, и сослуживцы, и огромное количество бывших воспитанников и совсем еще малые дети. У Мередит не было своих детей, но ее считали матерью несколько сотен человек. Она лежала такая хрупкая и старенькая, и как она могла одарить любовью всех этих людей? Мелисса с удивлением рассматривала людей, и в каждом лице была горечь и слезы. Из толпы появилось знакомое лицо. Арес обнял Мелиссу и просто стоял рядом, как что-то незыблемое, вечное, как единственная опора, оставшаяся у Мелиссы.

— Помоги мне пережить это, Арес. В последний раз, — прошептала Мелисса.

— Конечно, любимая.

Мелисса провела с Аресом два дня. Большую часть времени она рыдала в подушку, лежа на диване, а он заботился о ней с терпимостью сестры милосердия. Как ни хотелось ему верить в то, что она вернется, молодой человек чувствовал всем сердцем, что это не так. Арес пытался отвлечь Мелиссу, но не получалось. На второй день к вечеру она пришла в себя. Умылась и пообедала вместе с Аресом на их бывшей кухне.

— Как ты живешь, Мелисса?

— Хорошо. Правда, все хорошо. Получила диплом.

— Где собираешься работать?

— Пока не решила. Хотя мне предложили поехать волонтером в Африку.

Арес чуть было не рассмеялся, так абсурдно звучали ее слова. Но он вовремя сдержался, напомнив себе, что это же Мелисса. Она постоянно себя за что-то наказывает.

— Они живут в ужасных условиях. Там очень тяжело.

— Но эти люди же живут как-то! А дети! Они лишены просто элементарной медицинской помощи.

— Мелисса, это их судьба. Они привыкли к этому. Ты не вылечишь мир.

— Я хотя бы попытаюсь, — в голосе девушки зазвучали упрямые нотки, и Арес понял, что невольно подтолкнул ее к глупому выбору.

— Они не заслуживают этого, — тихо произнес Арес, — не заслуживают твоей молодости и красоты, твоего внимания, ты загубишь себя там.

Мелисса отложила вилку, глаза ее горели. Казалось, ей не хватало именно этого в сложившейся ситуации: поругаться, подраться и сделать все наперекор.

— Такие как ты, Арес Коулд, бедны душой. Вы самые слабые слабаки. Раз ты не смог полюбить весь мир, значит ты и меня не любишь.

— А ты считаешь, что свое прыгание с места на место силой? Ты не можешь найти себя, Мелисса.

Девушка встала и подошла к двери, распахнула ее и, остановившись на пороге, сказала:

— Видишь, вон тех воробьев на дереве? Кажется, что они прыгают бесцельно с ветки на ветку. Прыг-скок, чирик-чирик. Но это не так. Это природа, сама жизнь в них, в воробьях. В них, может, самый глубокий смысл существования — выполнять свое предназначение. Он заложен в пичугах самой природой. Их прыжки не бесцельны, они гармоничны.

— Тогда и меня породила природа, и я нужен такой, какой есть и то, что я делаю, тоже нужно.

Не в силах спорить с ним дальше, Мелисса ушла из его дома.

Оказалось, что уехать волонтером не так-то просто. Мелисса в течение двух месяцев проходила собеседования, оформляла документы, ожидала разрешения. Теперь с дипломом на руках она не могла устроиться на временную работу, никому не хотелось связываться с ней на пару месяцев, так как она открыто говорила о том, что хочет покинуть страну. Деньги у нее подходили к концу, она обнаружила, что не умеет экономить. О ней всегда заботился кто-то, сначала государство в лице приюта, потом Арес. Она не знала цену деньгам, и жить одной в съемной квартире оказалось непросто. Так как Мелисса не могла отказать никому, то деньги у нее заканчивались катастрофически быстро. Когда она узнала, что документы наконец готовы и все решено, ее радости не было предела. Впервые, после разлуки с Аресом, она почувствовала облегчение, даже какой-то подъем душевных сил, предвкушение нового, своей полезности. Она просто грезилась обездоленными детьми, которым будет помогать, учить всему, что знает, дарить внимание и любовь. Мелисса не могла дожидаться отъезда и уже паковала чемоданы, по несколько раз собирая и разбирая все вновь. В один из таких дней, когда комната была завалена одеждой, и в ней царил хаос, в дверь постучали. К Мелиссе никто не приходил, поэтому этот стук поверг ее в замешательство. Она несмело открыла дверь и увидела на пороге мужчину. Это был крупный человек, около сорока лет, элегантно одетый. У Мелиссы тут же закрались недобрые мысли в голову — именно таким

она представляла мистера Бруно.

— Здравствуйте, — вежливо произнес мужчина, — вы Мелисса?

— Да, — ответила она и тут же пожалела об этом. Может, нужно было солгать ему?

— Простите мое вторжение. Я хочу представиться, меня зовут Джордж Норвелл.

Мелисса все еще вопросительно смотрела на незваного гостя.

— Мое имя вам ничего не говорит?

— Простите, но нет.

— А ведь вы спасли мне жизнь. Два месяца назад вы нашли меня на обочине и сделали массаж сердца. Врачи в больнице сказали, что исключительно благодаря вашим стараниям я остался жив. Только сегодня меня выписали из больницы, где я провел эти два месяца, и я тут же поспешил выразить вам свое почтение.

— Да, что вы, не стоит, — смутилась Мелисса.

— Разрешите мне войти?

Мелисса посторонилась, хотя ей совсем не хотелось принимать гостей. Она в смущении окинула комнату взглядом, но Норвелл не обратил на обстановку никакого внимания.

— Я просто хотел сказать, что я далеко не последний человек в этом городе. И обладаю связями и нужными знакомствами. Если вам что-то надо, я хотел бы посодержать.

— Большое спасибо, мистер Норвелл, но я в ни в чем не нуждаюсь. На днях я улетаю в другую страну, так что связи ваши мне точно не понадобятся, — улыбнулась Мелли.

— Правда? И куда же вы направляетесь, если не секрет?

— В одну из стран Южной Африки. Волонтером, в деревню.

Норвелл выглядел озадаченным.

— Ели у вас проблемы, я мог бы...

— Нет, у меня нет проблем. Это просто мой выбор.

— Такая молодая девушка и африканская деревенька...

— Я бы не хотела это обсуждать, если можно.

— Простите, это ваше личное дело, я ни в коей мере не хотел вам навязывать свое мнение. Может все-таки...?

— Нет, мистер Норвелл.

В этот момент взгляд гостя остановился на холстах, прислонённых к стене.

— Можно взглянуть? Это ваши?

— Да, иногда мне бывает скучно.

Мистер Норвелл пересек комнату и взял в руки одну из картин. Он несколько секунд смотрел на нее, потом взял другую, третью. Мужчина расставил работы вдоль стены, создав мини-выставку, и отошел назад, чтобы иметь возможность рассмотреть все детали.

— Вы знаете, Мелисса, что это великолепно? Ничего подобного я раньше не видел. Это просто изумительно.

Мелисса равнодушно взирала на свои произведения. Когда картина бывала закончена, художница теряла к ней всякий интерес и в какой-то мере даже стыдилась своего творения. Это были ее эмоции, чувства, выплеснутые на холст, и ей казалось, что кто-то может заглянуть в ее душу, глядя на них.

Написаны они были в черный период жизни, когда она не знала, что ждет ее впереди и как справиться с жизнью теперь. Эти произведения были мрачными, в темных тонах, но такими пронизывающе глубокими, что Норвелл не мог оторвать от них взгляда.

— Я просто не могу поверить, что столь юная девушка способна на такую бурю чувств.

Мелисса, я могу сделать вас звездой.

Девушка устало вздохнула и закатила глаза:

— Нет, спасибо.

— Я не шучу, это правда. Поверьте мне.

— Даже если это и так, мистер Норвелл, мне это просто неинтересно. Я же сказала, что уезжаю на днях.

— Но это просто судьба, что картины попались мне на глаза. Я большой ценитель живописи, и моя жизнь протекает в непосредственной близости от произведений искусства.

Я могу очень многое.

— Я же сказала, нет, — тон у Мелли сделался ледяным, иногда бывало и такое.

— Но что вы собираетесь с ними делать?

— По правде сказать, это была проблема. Мне некуда их деть. Хранить их где-то слишком дорого.

— Не возражаете, если я сделаю выставку?

Мелисса испытала чувство дежавю.

— Без проблем, мистер Норвелл.

— Я пришлю машину за картинами. Возьмите мою карточку. Я сохраню их в целости и сохранности. Если что-то понадобится, звоните хоть из Африки.

— Спасибо, мистер Норвелл.

Когда за ним закрылась дверь, Мелисса подумала, что это действительно судьба, раз она опять смогла избавиться от картин.

14. Чужие

Прекрасный бескрайний ландшафт успокоил Мелиссу. Она тряслась в старом разваливающемся автобусе, после длительного перелета. Как только девушка сошла с самолета, душающая жара опустилась на нее и словно обняла. Мелисса подумала, что теперь надо привыкать к этим объятиям, из них никогда не вырваться. Она уткнулась лбом в стекло и прикрыла глаза. Вместе с ней в деревню ехали еще две девушки, одна немка, вторая из России. Обе девушки кое-как могли объясняться на английском, но друг друга они понимали намного лучше, чем Мелиссу, поэтому разговор с ними не клеился. Да и устали все настолько, что уже было не до установления контакта. Что поразило Мелиссу, так это необычайно красивое небо, меняющееся постоянно, затягивающееся облаками, сквозь которые пробивались лучи, потом снова проясняющееся. Только они отъехали от аэропорта, как через двести метров асфальтированная дорога закончилась, и машина затряслась по простой грунтовке, поднимая клубы желтой пыли. Автобус сперва был пуст, но потом в него постепенно набились люди. Ехать пришлось около трех часов, за это время Мелисса почти решила вернуться назад первым же рейсом. Она смотрела в безразличные чужие лица и не могла представить своей жизни среди них. Что она себе думала? Они ведь просто другие.

К вечеру автобус, наконец, добрался до деревеньки, и счастливые девушки, разминая затекшие конечности, выбрались наружу. Осмотреться особо не удалось, очень хотелось отдохнуть, сложить вещи, умыться. Их встретил мужчина лет пятидесяти, уставший и помятый. Он был европейцем и хорошо говорил по-английски:

— Здравствуйте. Меня зовут Патрик Гилл. Я покажу вам комнату.

Это действительно оказалась одна комната на троих, в доме барачного типа. Помещение метров пятнадцать, неровные стены просто побелены, причем давным-давно. Низкий потолок, одно оконце. Три кровати, страшный шкаф, дверца которого не понятно каким чудом держалась. Стол, который тоже вызывал опасения, и два стула. Голые унылые стены и дощатый пол. Мелисса так устала, что ей было не до разглядывания обстановки. Патрик Гилл в сопровождении местной женщины принес девушкам постельное белье и кувшин с водой.

— Вода здесь большая ценность, так что берегите.

— Это на что? — изумились девушки, разглядывая кувшин.

— Это на все, — ответил он.

— То есть душа не будет? — Патрик Гилл, хотел было рассмеяться, но похоже сил у него на это не хватило. Он слегка скривился и ушел.

— Ну что ж, давайте тогда спать, — предложила Мелисса.

Утро в африканской деревне показалось еще более ужасным. Когда девушки вышли на улицу, то первое, что смогли лицезреть, это грязь. Грязь везде и повсюду. Горы мусора за домом, перед домом, просто везде. Старые потрепанные дома тянулись в некоем подобии улицы. Вместо стекол — тряпки. Туалет вызвал ужас, и Мелисса не хотела о нем вспоминать. Девушки жалась друг к другу, и искали Патрика. Жителей им попадалось немного, все они были праздные и какие-то безразличные. Словно ничего в этом мире уже не могло растормозить этих людей. Мелиссе казалось, что она попала в какой-то сюрреалистический фильм, где все неправильно, не подчиняется привычным для нее

законам и выходит за грани понимания. Как тут можно жить? Она твердо решила поменять здесь все, добавить разнообразия, помочь. Встретили совсем маленьких детей, они играли в пыли в какую-то игру с деревянными палочками. Дети на миг глянули на девушек и снова увлеклись игрой.

Волонтерки нашли Патрика на кухне, если это помещение можно было так назвать. Женщина, которая вчера приносила им постель, что-то готовила, счищая мусор со стола прямо на пол.

— А-а-а, это вы, — протянул Патрик, — завтрак скоро будет.

— А где все люди? — поинтересовалась Мелисса.

— Отправились за водой. Ближайший колодец в трех километрах отсюда.

На следующий день немка и русская уехали из деревни. Мелли осталась одна. Патрик почти не разговаривал с ней, по всей видимости, ожидая, что и она долго не продержится. Но, возможно, тем девушкам было куда возвращаться, они получили новые эмоции и поехали делиться ими с семьей. А Мелли путь назад был заказан. Ей ничего не оставалось, как приживаться здесь. Она твердо вознамерилась попытаться и приложить все усилия для того чтобы стать полезной.

Ей показали «врачебный кабинет» в деревне и старую женщину, выполняющую роль врача. Вид этого кабинета поверг Мелиссу в ужас, и она рьяно взялась за дело. Постаралась навести хоть какой-то порядок и чистоту, хотя без воды это не было легкой задачей. Она привезла с собой сундучок с медикаментами и решила беречь их как зеницу ока, потому что где раздобывать новые в этих условиях было неясно. Старуха пыталась быть полезной и безропотно выполняла распоряжения Мелиссы, хотя с лица так и не сходило выражение непонимания и равнодушия. Большая часть людей в деревне два раза в день ходили за водой, кто с чем. Мелисса попросила через Патрика, чтобы к ней в медкабинет принесли воды. Потом она старалась что-то сделать с мусором и не могла уразуметь, почему же его никто не выбрасывает. Через неделю Мелли поняла, что это бессмысленно: никакой мусоровоз даже случайно здесь не проедет и не увезет мусор, вот все и плюнули на него.

Мелисса пыталась подружиться с местным населением, но казалось, что им все равно. То ли потому, что такие как она не задерживались здесь надолго, то ли потому, что жизнь этих людей была настолько унылой и бедной (как в материальном плане так и в духовном), но люди эти просто смотрели сквозь нее. Признаваясь себе откровенно, она и сама не могла испытывать к ним привязанности, никто не выделялся, они все были едины. Как некий слитный неразумный организм. Как муравейник. Он подчинен каким-то правилам, нормам, но ни один муравей ничего не менял, не решал и не выделялся из общей массы. А тут Мелли — пчела, попавшая в муравейник — инородное тело, не понятное общему организму. Она копошилась в нем, создавая дисбаланс, но они научились огибать ее и не замечать.

Аборигены не хотели лечиться у незнакомой приезжей женщины, они продолжали ходить к старухе, и Мелисса наблюдала, как та в полной антисанитарии что-то врачевала. В основном используя отвары растений и непонятные мази с резким запахом.

Вечерами Мелисса уходила к себе в комнату, в которой она теперь была полноправной хозяйкой, и плакала. Уговаривала себя потерпеть, прижиться, слиться с этим миром. Как ее сюда занесло? Зачем? Может Арес был прав? Она старалась не думать о нем, не вспоминать, потому что здесь, под этим бескрайним небом, ей казалось, что он лучшее, что может быть в этом мире. А если наемный убийца — это лучшее, то, как вообще дальше жить?

Как-то утром Мелиса наткнулась на детей, которые на стене ее дома что-то рисовали

странными самодельными красками. Они проявили признаки испуга, но ненадолго, потому что увидели, что Мелли не сердится. Она присела рядом с ними и окунула пальцы в краски. Провела по стене, привыкая к текстуре, наблюдая как ложится краска и прикидывая, сколько ее надо. Потом Мелисса увлеклась. Было здорово рисовать пальцами на стене. Никто не пожурит за это, а дети проявили интерес. Она рисовала, и под ее пальцами появлялись картинки, каких эти дети не видели. Морские обитатели и сказочные звери, гномы и олени, падающие снежинки и новогодняя елка. Дети стали смеяться и толкать друг друга в восторге. Она поманила одного карапуза и, окунув его пальчики в краску, нарисовала радугу. Остальные пришли в такой восторг, что стали наперебой проситься к ней на руки, чтобы и им она помогла рисовать.

Впервые за все время, проведенное здесь, Мелисса ложилась спать с улыбкой на губах: она нашла путь к чужим, увидела разнообразие лиц, они словно ожили и превратились в живых существ.

Я смогу здесь жить, умиротворенно подумала Мелисса и заснула.

15. Работа

То, что он остался один, Арес почувствовал очень остро. Он, не переставая следил за Мелиссой, это было просто его жизненной привычкой, и когда она уехала, он сразу узнал. До последней минуты Арес не верил в то, что Мелли сможет это сделать, но поверить пришлось. Он провожал ее своими собственными глазами, стоя в аэропорту, незаметный. Девушка читала книгу, ее лицо было спокойно, хотя на нем залегли складки усталости. Арес прекрасно знал их и ненавидел всех, кто тянул из его Мелли жизненные соки. То, что это был именно он, Арес не признавался себе. Разве не любил он ее больше жизни? Настолько, что готов был расстаться с ней? Предоставить ей самой решать, кто и чего заслуживает в жизни. Возможно, Мелисса должна понять, что никто не будет ее любить так, как он, она должна иметь возможность оценить то, что он давал ей. Он даже был готов смириться с тем, что она найдет себе мужчину, ведь Арес ни на минуту не сомневался в том, что тогда она поймет, что потеряла.

Но когда самолет взлетел, унося на своем борту его девушку, всю его семью, сердце Ареса сжалось до боли. Обида его была очень сильна, он не верил до конца, что может остаться один, что его самый страшный кошмар воплотился в жизнь.

«Кто одинок, не может быть покинут»[1], - слова всплыли в его голове. Он не знал, откуда они взялись, и ему это было не важно, главное, что они дали ответ.

Кто он, если даже его Мелли отвернулась от него? Зачем он живет? Раньше была цель, был жизненный план, а теперь все рухнуло. Найти цель теперь мог помочь только один человек. Арес достал телефон и набрал номер:

— Мистер Бруно, добрый день. Нет ли у вас работы?

Казалось, что мистер Бруно только и ждал звонка от Ареса. Обрадовался возможности и пригласил Ареса на встречу. Арес вернулся в город, в котором провел три года жизни, как домой. Это возвращение показалось странным и необычным, словно на машине времени вернуться в прошлое, с которым распрощался навсегда.

Он зашел в бар, с которого начались все его приключения, просто для того чтобы убить время. До встречи оставалось еще пару часов. Он сел у стойки и заказал себе стакан молока. В бар ввалилась шумная компания, молодые и веселые ребята, они что-то собирались праздновать. Арес безошибочно определил команду юных спортсменов, таким же и он был когда-то. У ребят были наивные и веселые лица, чистые футболки и слаженность действий. Арес грустно улыбнулся, наблюдая за этими детьми. Хоть он и был не намного старше, но ощущал себя старым воякой. Оторвать взгляда от их юности было невозможно. Он словно смотрел кинофильм про себя самого. Внезапно к одному из мальчишек подошел здоровенный татуированный громила и сказал:

— Чего пялишься, урод?

У Ареса отвисла челюсть, и он весь подался вперед, боясь пропустить хоть что-то из представления. Дальше спектакль продолжался именно так как Арес и предполагал. Мальчишка явно не хотел проблем, но громила не отставал. Когда он вылил на юного спортсмена бокал пива, Арес пересек зал и, взяв за плечо татуированного, повернул к себе лицом. Он не ошибся, человек этот был тем же самым, что несколько лет назад сыграл с ним злую шутку.

— Чего тебе? — заревел мужик, и Арес отпустил его.

— Валите к себе в гостиницу, дети, — сказал он притихшим ребятам. Тех не пришлось долго упрашивать. Шестым чувством они поняли, что грядут неприятности и быстро ретировались.

— Ты чего тут командуешь? — спросил задира, хотя голос уже был не пьяным, а вполне осмысленным.

— Привет тебе от мистера Бруно, — ответил Арес.

— А-а-а, — заулыбался мужчина, — тогда ясно. Он спокойно, как ни в чем не бывало, отошел в сторону к друзьям.

Арес вернулся к своему молоку. Ему было необходимо подумать. То, что предстало перед его взглядом, было яснее ясного. Почему он ни разу не заподозрил ничего подобного, оставалось загадкой. Больше всего было то, что мистер Бруно был его кумиром. Ему был необходим пример для подражания, и Арес его нашел. Он считал мистера Бруно практически отцом и теперь видел, что не ошибся. Кто как не мистер Бруно породил его, породил Коулда? Слепил его как кусочек глины? Он подменил ему мечты и мысли и сделал другим человеком. Арес, глядел на юного спортсмена и не верил тому, что был таким же наивным, юным и беззаботным. Его место занял совсем другой — уверенный, преданный, восхищающийся. Мистер Бруно, если взглянуть правде в глаза, дал Аресу силу и власть. После знакомства с ним, он обрел власть над человеческими жизнями, он получил желаемое. Мир не принимал его, но мистер Бруно научил заставить считаться с собой. Винить его в этом было бы глупо. Арес почувствовал себя кем-то, только благодаря мистеру Бруно. Кем бы он был без этого знакомства?

Арес пошел на встречу, переполняемый эмоциями. Мистер Бруно встретил его в парке, возле дома. Он был как всегда безупречен, спокоен и властен.

— Коулд, как я рад тебя снова видеть.

— И я рад, мистер Бруно.

— Как дела? Что нового?

— Видел сегодня в баре представление, мистер Бруно. Очень поучительно.

Мистер Бруно мгновение пристально смотрел на Ареса, а затем все понял.

— Что скажешь теперь? — голос мистера Бруно не дрогнул ни на миг.

— В какой-то степени я вам благодарен. Это сложно объяснить словами.

— Но? Я слышу «но» в твоём голосе.

— Но, из-за вас я не смог быть с любимой. Она бросила меня, когда узнала всю правду.

— Женщины не смогут понять силу власти, они не должны знать.

— Это вышло случайно, мистер Бруно.

— Мне жаль, Коулд.

— Мне тоже, мистер Бруно, потому что я пришел вас убить.

В руке у Ареса появилось его неизменное оружие.

— У меня есть прекрасная работа для тебя, я заплачу много денег. Я знаю, что ты не особо этим интересуешься, но это позволит отвлечься. Кто еще знает тебя как я? Кто еще даст тебе такую реализацию?

— Я ценю вашу заботу, но благодаря ей же обо мне знают очень много людей. Вы сами создали Коулда и его репутацию, предложения о работе поступают постоянно, одно интересней другого. Последнее предложение было убить вас. И я с радостью выполняю это поручение. Ничего личного, мистер Бруно, это просто работа.

И Арес пустил в ход свою ладонную палочку. Посмотрел равнодушно на мистера Бруно и зашагал прочь из парка, сам не зная куда. Он снова был совершенно один.

[1] «Три товарища» Э.М. Ремарк

16. Патрик

Патрик Гилл, спустя некоторое время, поселил в душе надежду. Мелисса не собиралась уезжать, как все остальные девушки до нее. Поэтому он теперь мог надеяться, что она осуществит его мечты. Они не были такими же честолюбивыми как много лет назад, от прошлого Патрика вообще не осталось и следа. Но одно он знал точно — его род надо продолжать. Патрик ощущал себя здесь королем, пусть совсем крошечного, но королевства, и ему был необходим наследник. К тому же и от королевы он бы не отказался.

Мелисса не была женщиной его мечты, но она была молода и милостива. А так как тут не было других претенденток, то это ставило ее на первое место.

Поэтому Патрик, понаблюдав, как Мелисса становится близка с африканскими детьми, как она смеется и, похоже, залечивает свои раны, решил не откладывать дело в долгий ящик. Он выпил для храбрости, и когда Мелисса ушла к себе в комнату поздним вечером, постучал к ней в дверь.

Мелли открыла ему в короткой ночной рубашке. Она была уверена, что это кто-то из детей, но ничуть не удивилась при виде Патрика.

— Патрик? Что-то случилось? Входите.

Она нисколько не смутилась своей ночной рубашки, а Патрик воспринял это как добрый знак.

— Я пришел откровенно поговорить с тобой, Мелисса.

— Давайте поговорим, — в ее голосе слышались скорее шутливые нотки, а не тревога — так легко было у нее на душе.

— Я думал, и смотрел на тебя и решил, что нам надо быть вместе.

— Вместе? Мы и так вместе. Или... что вы имеете в виду?

— Именно то, что ты подумала, Мелисса.

Девушка недоуменно смотрела на Патрика, которого просто не воспринимала мужчиной. Такое ей просто не могло прийти в голову и казалось, что он вот-вот рассмеется и скажет, что пошутил. Но Патрик, взглядываясь при свете свечи в ее лицо, продолжил:

— Я здесь одинок и ты одна, почему бы не скрасить это одиночество? Я так давно не был с женщиной.

— Но, Патрик, почему? Вы же здесь так давно? Здесь полно девушек...

Патрик рассмеялся. Мелли и не думала, что он так умеет, а потом сказал:

— Ты бы мне еще с козой жить предложила.

— В каком смысле? При чем тут коза?

— Как я могу жить с африканкой?

В его голосе было такое неподдельное удивление, словно он и впрямь ставил африканку и козу на один уровень.

— Но, я не понимаю... Как же вы оказались здесь, на этой работе, при подобном отношении к... жизни?

— Что ж теперь скрывать: я сбежал от властей. Здесь было просто идеальное убежище. К тому же мне представлялось, что я рабовладелец и все мне здесь подчиняются. Признаюсь, жить здесь какое-то время было приятно. Я не отказывался от неких услуг, которые мне оказывали эти африканки, но жить с ними под одной крышей? Боже упаси. Или не дай бог

заиметь от них детей. В общем мне вскоре это наскучило, но возвращаться уже было некуда... Там я персона нон грата и как только вернусь назад меня посадят.

— Даже не хочу знать за что, — ответила Мелисса.

— И не надо, это не имеет никакого значения сейчас. Ты женщина, а я мужчина, что еще надо в этой глуши?

Мелисса была просто поражена этой исповедью. Она уехала на край света и куда? Ей казалось, что волонтерская работа может привлекать только благородных и чистых душой. Что же теперь ей делать? Как выйти из этой ситуации? Неужели мир полон таких людей? Или это ее судьба — привлекать подобных?

— Патрик, я только недавно разорвала отношения и хотела отойти от этого разрыва. Я еще не готова начинать другие отношения.

— Хорошо, а как насчет секса?

Патрик в мгновение ока стянул легкие шорты на резинке. Он так давно не видел необходимости соблюдать меры приличия, что не узрел в своих действиях ничего предосудительного. Он сам был сродни животному, чувства его от долгой жизни в этой глуши атрофировались, хотя Мелли не исключала варианта, что их и не было никогда. Но теперь, как животное он мог просто взять то, что ему было надо, и деваться ей было некуда.

Мелисса попыталась вразумить этого странного человека, но поняла тщетность своей затеи. Какой-никакой но он был мужчина в несколько раз ее сильнее. Она знала, что кричать бессмысленно, никто никогда не сунется к ним в комнату. К Патрику относились здесь как к повелителю, а женщин ни во что не ставили.

— Это может быть по-хорошему или по-плохому, — просто и как-то мягко сказал Патрик.

Мелли лихорадочно соображала, потом сказала:

— Только не сегодня, Патрик. Сегодня никак. Потерпи пару дней.

— О, опять ваши женские штучки. А я уже настроился. Ладно, пойду искать утешения в другом месте.

Он натянул шорты и ушел, а до Мелиссы дошло то, что он имел в виду. Натянув платье, она пошла следом, тихо ступая по ночной деревне. Но спустя какое-то время соблюдать тишину не пришлось. Из одного дома она услышала крик. Мелли поспешила туда и заглянула в окно. То, что предстало ее глазам, повергло девушку в ужас. Одна из жительниц деревни, стоя на коленях, получала удары плетью, а она сама стала тому причиной. Дальше происходило такое, что и в дурном сне не увидишь, но Мелисса поняла — девушка привычна к издевательствам. И никто из жителей деревни не вступился за нее, хотя крики несчастной были слышны повсюду.

Мелисса потащила к себе в комнату, проклиная себя. Вопли стихли, но уснуть она так и не смогла.

Теперь она могла смотреть на Патрика другими глазами. И все происходящее в деревне воспринималось совсем иначе. Люди боялись его, девушки сторонились. Проходя мимо, старались не поднимать на него глаз, чтобы он не обратил на них своего внимания. Что давало ему такую власть, оставалось для Мелиссы загадкой. Спустя два дня, дождавшись ночи, он явился к ней, изображая блудного мужа.

Не говоря ни слова, стащил с нее ночную сорочку. Он не использовал никаких плетей и остальных атрибутов своей власти, предложив ей разделить с ним «правление» деревней. Мелисса поняла, что человек этот тронулся умом, представляя себя рабовладельцем.

Когда все закончилось, Мелисса смогла взглянуть правде в глаза и сказать, что это не было ужасно. Это было никак. Она почти ничего не ощущала, много мыслей роилось в ее голове, и она отвлеклась от моральной стороны этого вопроса. Ее больше интересовало, куда она может податься отсюда? И как? Будет ли Патрик чинить ей препятствия? Но даже если ей удастся покинуть деревню и Патрика с его больным воображением, что делать со всеми этими бедными девушками?

Не в привычках Мелиссы было поступать импульсивно, спорить и настаивать на своем. Она обдумывала все некоторое время и пришла к выводу, что избавиться от домогательств этого человека не сможет. Он слишком долго мнил себя господином в этой деревне, чтобы внять голосу разума.

Мелисса очень плохо знала местный язык, но все равно попыталась выяснить, где еще есть волонтерские поселения. Никто ничего вразумительного ответить не мог. Оставалось одно — уехать назад. Но Мелисса, глядя на детей, которые потянулись наконец-то к ней, не могла оставить их. Ей претила мысль о том, что теперь ее жизненный удел — бежать от каждой неприятности, от каждого мужчины, возмнившего себя вершителем судеб.

В таких раздумьях она провела неделю, а Патрик приходил к ней каждую ночь, как за данью. Он и считал себя кем-то сродни средневекового князя, берущего все, что хочет. Еще одну неделю Мелисса провела за стенами деревни. Она уходила с рассветом и возвращалась поздно ночью, только для того, чтобы Патрик мог насытить свою похоть. Когда он спрашивал, куда она уходит, то девушка отвечала, что для больницы необходимы некоторые растения, и она собирает их. Патрику, в общем-то, было наплевать, его здоровье было отменным и дела врачей его нисколько не волновали.

Наконец, Мелисса раздобыла то, что искала. Пред отъездом в Африку она изучила о данной местности все, что только могла. В основном с целью обезопасить себя, а также использовать природные ресурсы в лечебных целях. Таким образом, она и узнала про страшно ядовитую змею, водившуюся в этих краях. Ей пришлось немало потрудиться, чтобы поймать ее и доставить в деревню.

Вечером она предложила Патрику прийти к нему ради разнообразия, и он, ничего не подозревая, согласился. Когда правитель юркнул к себе в постель, ожидая удовольствия, там его ждала змея. Он даже пикнуть не успел, так быстро все произошло.

Наутро его нашли посиневшего возле кровати. Поднялся переполох, все знали признаки укуса змеи. Ночную гостью нашли и убили, недоумевая, как она могла пробраться сюда. Мелисса смотрела на дело своих рук и думала только об Аресе. Неужели они действительно так похожи? Неужели все так похоже? Каждый может воспользоваться таким простым способом, чтобы достичь желаемого? Что стоит их жизнь после этого? Как она непредсказуема — сегодня ты один, а завтра совсем другой человек. Теперь Мелиссе не оставалось ничего другого как сделать деревню своим домом и помочь этим людям. Отныне дороги назад не было.

Часть 3. Зрелость 1. Просто случай

Номер в отеле поражал своей роскошью. Для чего всё это? Неужели человеку необходимо столько вещей, безделушек, ковров, картин? Что дает ему окружение подобными вещами? Огромные апартаменты с мраморными колоннами и гладким блестящим полом плавно переходили в огромную террасу уставленную цветами. Много света, легкие ткани, мягкие цвета — все было гармонично и изысканно. Здесь явно постарались лучшие дизайнеры, да и владельцы отеля не поскупились. Номер располагался на последнем этаже и считался самым лучшим. Не только в этом отеле, а и во всем городе. Горничные отбирались весьма тщательно, кухня была превосходной, и посетители сюда попадали только известные и богатые.

Адель Винтер накинула халатик на свое совершенное молодое тело и прошла на террасу. Она наслаждалась каждой минутой своей роскошной жизни, ей нравилось множество зеркал в номере, ведь они отражали ее красоту. Она упивалась собой, своей молодостью и успехом. Она лениво взяла в руки книгу, но потом отложила, так как увидела движение на покинутой минуту назад постели.

— Принести тебе кофе? — спросила она.

— Не надо, — мужчина даже не посмотрел в ее сторону. Встал с кровати и натянул штаны.

— Арес, милый, иди сюда. Посмотри, какой вид, какое солнце. Какая вообще жизнь чудная штука! — жизнерадостно воскликнула Адель.

Арес лениво подошел к девушке. Окинул взглядом вид из окна.

— Ага, — равнодушно сказал он. — Пойду домой.

— Ты что, не уходи, пожалуйста. Позавтракаем, проведем вместе день. Можно в постели... — промурлыкала Адель.

— Тебе что, делать нечего?

— Сегодня я отменила съемки и совершенно свободна. Планировала провести день с тобой.

Арес взял ее за подбородок и внимательно всмотрелся в глаза. Они были красивой миндалевидной формы, черные как ониксы, сильные. Но когда Арес смотрел на нее, у Адели подкашивались ноги. Она готова была отдать ему все, снять с себя последнее, подчиниться ему.

— Не надо за меня ничего планировать, — сухо сказал он.

Натянул футболку и пошел к выходу.

По дороге к двери взгляд мужчины за что-то зацепился. Он еще и сам не понял за что, но это заставило его остановиться и вернуться назад. На столике стояла шкатулка с драгоценностями Адель. Она была открыта и половина содержимого вывалена на стол. Нетерпеливая Адель явно что-то искала и поленилась сложить все на место. Такая ее черта раздражала Ареса, но привлекло его нечто другое. Он подошел ближе и в ворохе коле и цепочек увидел то, что привлекло его острый взгляд.

Арес аккуратно высвободил из кучи цепочек и браслетов маленькую пчелку на тонкой цепочке. В изумлении рассматривал он это украшение, не в силах оторвать взгляд. Адель обняла его сзади и он, вздрогнув, сбросил ее руки.

— Откуда это у тебя?

— Это? Не помню, — такого Ареса девушка никогда прежде не видела. Заинтересованного.

— Ты вспомнишь, — почти шепотом сказал Арес, и у нее мурашки побежали по спине.

— Купила случайно, в одном ломбарде. Да что такого?

— В каком ломбарде? Где? — Арес нетерпеливо тряхнул Адель за плечи.

Узнав адрес, он, не попрощавшись, пошел к выходу.

Арес Коулд спустился вниз на скоростном лифте и пошел пешком. Ему хотелось пройтись, ведь день был действительно чудным. За последние девять лет Арес почти не изменился. У него раздались плечи вширь, а лицо похудело, вот, пожалуй, и все изменения, произошедшие в его внешности. Он все так же носил джинсы и простую футболку, коротко стриг волосы и когда шел по улице мог сойти за простого рабочего, вышедшего на обеденный перерыв. Никто не заподозрил бы в этом простом мужчине одного из самых опасных преступников. Его состояние за последние годы достигло сорока восьми миллионов. Большинство этих денег было заработано, как ни странно, легальным путем. На него работали лучшие биржевики и им очень не хотелось подвести мистера Коулда. Кто знает, чем бы это грозило.

Однажды Арес совершенно случайно познакомился с одним русским эмигрантом. Тот был программистом с целым ворохом нереализованных идей. Его привлекла другая страна, где он надеялся реализоваться. Но повседневная работа просто не давала возможности его идеям «выбиться в люди». Они познакомились в баре и русский, изрядно выпив, рассказал Аресу обо всем. Тот был благодарным слушателем, он молчал и пропускал все мимо ушей. Но в какой-то миг Аресу стало интересно. Идеи были свежими и неизбитыми. К тому же русский предлагал за совсем небольшие деньги организовать работу целой компании. Его идея заключалась в том, что программисты везде одинаковые, однако на его далекой родине они готовы работать за копейки. Так как им не требовался даже офис для работы, затраты были минимальны. Дело было только в том, чтобы найти заказ. Это показалось Аресу настолько гениальным и простым, что он стал сотрудничать с русским. И его капиталовложение стало приносить немалые доходы. Они разрабатывали лучшее программное обеспечение и снимали все сливки.

Но работа его не интересовала. В это утро Коулд думал о том, что же делает человека тем, кто он есть? Кто за это в ответе? За каждого ребенка отвечает кто-то взрослый. Если в какой-то момент воздействовать на ребенка так, а не иначе, то получим совершенно другой результат. И всегда ли плохое воздействие может дать негативный результат? Он вспомнил Мелиссу. Что на нее повлияло тогда, в детстве, и она стала той Мелли, какую он знал когда-то? Ведь воздействие было явно негативным, но привело прямо к противоположным результатам. Ее словно направили, как робота на помощь окружающим. Арес думал о подобных вещах очень часто. Вопрос о том, кто он есть, Арес задавал себе чуть ли не каждый день.

У него было все, и он не знал, что с этим делать.

Он жил в простой и скромной квартире, не понимая и не принимая роскоши. Когда он попадал в номер к Адель, он хотел разрушить там все, стереть с лица земли. А заодно и Адель. Она была успешной, роскошной и вопреки сложившимся стереотипам — умной. С ней было весело, и она отвлекала от мыслей. Кто-то мог бы назвать ее очередным увлечением Ареса, но это было бы в корне неверно. Он не увлекался. Ему было все равно.

Они сами выбирали его, их привлекала мужская сила и, как ни странно, равнодушие. И каждой хотелось сломить его. Женщины как будто вступали с Аресом в поединок. Кто кого? Каждая думала, что уж она-то сумеет привязать его, стать той единственной, незаменимой. Они из кожи вон лезли, чтобы показать какие они веселые, бескорыстные и чуткие. Такие девушки привыкли покорять, и когда Арес не попадал в их сети, им казалось, что их оскорбили. Ситуацию приходилось менять в корне, и девушки становились все податливей и мягче, и в итоге Аресу становилось просто противно. Адель ведь умница и красавица и с ней было неплохо, лучше, чем со многими, но она начинала сдавать позиции. Арес ненавидел проигравших, ненавидел побежденных. Когда он видел поверженного врага, тот вызывал у него чувство отвращения. Словно раздавленный паук, хотелось поскорей вытереть ботинок и отвести взгляд. Очень редко Коулду попадались достойные соперники на его пути, ну а уж про женщин и говорить нечего. Как бы он не пытался вести скромную и незаметную жизнь, такое состояние, как у Коулда, не могло оставаться незамеченным. За ним наблюдали газетчики, хотя внутреннее чутье подсказывало им держаться подальше от подозрительного миллионера, но время от времени статья-другая мелькали в газетах. Что-то вроде: «Кто же этот загадочный мистер Коулд?» Его прошлое в приюте придавало пикантности, а уединённый образ жизни вызывал некие подозрения. Хотя никто так и не смог уличить его в чем-то незаконном.

Арес был красивым, сильным и таинственным. Что еще надо для создания романтического образа? Люди были склонны приписывать ему скорее геройский нрав, чем преступный. Всем казалось, что преступники живут роскошно, тратят чужие деньги направо и налево и творят бесчинства, не боясь правосудия. А раз уж человек с таким состоянием живет тихо-мирно, как простой обыватель, то он заслуживает уважения и восхищения. Наверное, попадись Арес на месте убийства с орудием преступления и весь измазанный в крови жертвы, его все равно оправдали бы все присяжные. Такой сложился у него образ и людское мнение не так просто поколебать.

Арес зашел в ломбард и протянул сидящему там мужчине кулон.

— Откуда он у вас?

Мужчина мгновение смотрел на кулон, потом сказал:

— Месяц назад его принесла женщина. Хотела выкупить, но так и не вернулась. Я продал его другой дамочке, такой красивой...

— Другая меня не интересует. Расскажите о первой.

— Да что говорить. Все они, приносящие драгоценности, одинаковые на вид. Неопределённого возраста, может лет тридцать, может сорок, кто их разберет? Ах да, с ней была девочка, лет семи.

— Вы записываете имена? Скажите мне его.

— С какой стати, молодой человек? Он что краденый? Вы из полиции?

Арес вынул из кармана сто долларов и положил перед мужчиной.

— Давайте без дальнейших пререканий, — сказал тихо. Он умел говорить достаточно тихо, чтобы к нему прислушались и больше не спорили.

Мужчина оказался смышленным, он переметнулся к компьютеру и защелкал мышкой.

— Ага, вот оно... Так, зовут женщину Роуз Маклин. Никаких других сведений у меня нет.

— Этого достаточно, — ответил Арес и вышел из магазина.

Он тут же набрал номер телефона и коротко сказал:

— Мне нужно разыскать женщину по имени Роуз Маклин. Перезвони, как только найдешь.

Арес никогда не пытался найти Мелиссу. Он сам никуда не пропадал и не менял номер телефона. Разыскать его было проще простого, и если бы она захотела, то сама бы его нашла. Поначалу он вел с собой долгую и изматывающую борьбу. Хотел поехать за ней, искать, умолять всё изменить. Но потом решил, что это будет ложью. Он не сможет ничего изменить и смириться с ее выбором тоже не сможет.

Ему два раза совершенно случайно попадались статьи в газете о ней. Один раз там описывалась африканская деревня, и какой-то ребенок из нее стал победителем на международном конкурсе молодых талантов. На фото стоял африканский мальчик лет десяти, а рядом, приобняв его, стояла Мелли. Было подписано: «Призер со своей учительницей». И все. Но после этого случая деревушкой заинтересовались и приехали снять репортаж о мальчике, который выиграл сто тысяч. Вот уже в той статье Мелиссе уделили полколонки, расписывая ее самоотверженный вклад в деревню, в ее жителей и мальчика-победителя в том числе. Фотографии в обеих газетах были плохие, лица и не разобрать толком. Мелисса стояла в светлом платье в окружении детей и улыбалась. Рядом с ней, положив руку ей на плечо, стоял мужчина, не понять какого возраста. Арес увидел только что мужчина этот слишком уж близко стоит рядом с Мелли. О нем в статье ничего не было, и при желании Арес мог бы разузнать все, что ему было надо, но не стал. Пусть все будет как есть, решил он.

Но теперь... Он не мог поверить, что Мелисса могла предать его и продать или подарить пчелку. Может, потеряла? Тогда он просто вернет кулон и все.

Прошедшие годы просто не вспоминались. Словно и не было их. Словно он только сейчас купил кулон и хочет подарить его Мелиссе. Вся жизнь между этими двумя событиями словно и не жизнь была, а просто кусочек сна. Он рассеивался и уже забывался.

Арес брел по улице, сам не зная куда, пока не раздался телефонный звонок.

— Записывай адрес.

— Запомню.

2. Подарок

Подходя к дому, Арес смутился. Это было разваливающееся здание с огромными трещинами. Непонятно как оно еще стояло, вид у него был такой, что еще немного и крыша упадет жильцам на голову. Арес сомневался, что кто-то может там жить, но все же постучал в ветхую дверь. Через минуту дверь приоткрылась и показалась девочка лет семи-восьми. Она испуганно смотрела на Ареса. Видно было, что ребенок привык бояться, не важно кого — кто бы ни пришел он несет в себе опасность. Ничего хорошего от жизни этот ребенок не ждал.

— Привет, — Арес постарался смягчить свой голос, но у него это плохо получилось. Он не привык говорить с детьми.

Девочка молчала и Арес сказал:

— А где твоя мама? Или кто-то из взрослых?

Девочка молча убежала в дом, и еще через минуту на пороге показалась женщина, именно такая как описывал мужчина в ломбарде — неопределенного возраста. Арес с облегчением вздохнул — это была не Мелисса.

— Чего? — спросила женщина.

— Вы Роуз Маклин?

— А чё?

Арес показал кулон.

Женщина уставилась на него, а потом нагло сказала:

— Ну и что? Чего вам надо-то?

— Вы заложили его в ломбард. Я бы хотел знать, откуда он у вас? — для верности Арес достал сто долларов, чтобы свести препирательства к минимуму.

— Мне его подарили. Одна знакомая.

— Как ее звали?

— Э-э-э...

— Мелисса, — это сказала девочка.

— Ага, точно.

— Где это было? Когда?

— Может месяц назад, не помню точно. Мы погорельцы. Пожар был в нашем доме. Все-все пропало, а она там помогала таким как мы, вещи дала, приютила на ночь.

— А кулон?

— А что кулон? — женщина стала хорохориться, — дался он вам. Не было у нее ничего, а дамочка сердобольная была, вот и подарила нам. Так что нечего...

— Где она вас приютила?

— Не помню. Мы тогда такие расстроенные были, пожар...

Арес нетерпеливо достал еще сто долларов:

— Так, быстро вспоминайте, а то я найду другие способы...

— Ладно уж, нетерпеливый какой... — она выхватила сто долларов, — квартирка у нее была на Второй Авеню, дом такой двухэтажный на втором этаже.

Арес больше не хотел разговаривать с женщиной, потому он развернулся и ушел. Повернув за угол, он в недоумении уставился на кулон. Как могла Мелисса его подарить

этой ужасной женщине? Он мог простить все что угодно, но почему-то это ранило его очень сильно. Эта грязнуля была важнее для Мелли, чем все их отношения, чем все прошлое, что связало их вместе. Она со своим стремлением помочь всем и вся просто растоптала их связь. Он жил в гармонии с ее выбором, зная что она делает то что должна, что она смирилась с тем какой он. Он жил все эти годы, чувствуя сердцем, что она где-то есть на этой земле, и ему было достаточно этого. Но Арес был уверен, что и она живет с такими же чувствами. Но теперь он не знал, что и думать. На всей этой земле Мелисса была единственной неизменной, тем, что позволяло знать, кто ты есть и твердо стоять на ногах. Но весь мир его сейчас пошатнулся. Возможно и не помнила она того родства, может, его и не было, а он все придумал?

Куда девать теперь этот кулон? Он жег Аресу руку и хотелось вышвырнуть его прочь, но сделать этого он был не в силах.

Коулд отправился к себе домой и в тишине своего одинокого жилища предался воспоминаниям. Наверняка, он мог найти ее, это не составило бы труда, если еще месяц назад она жила на Второй Авеню. Но Арес не хотел этого. В его душе бушевала буря. Как наказать ее? Ему хотелось разрушать... прибавить предательнице работенки? Пусть побегает между огнем и мечом? В его силах было сделать так, и дремлющие демоны рвались наружу. Только рядом с ней он мог обуздать ярость, только зная, что она противопоставляет себя ему, он сдерживался. Но теперь? Ведь ей-то неважно. Она наплевала на него, а он может все.

Арес сделал несколько телефонных звонков. Несколько десятков человек остались без работы. Но Аресу это не доставило никакого удовольствия. Этого мало. Ее благотворительная контора и не заметит этого.

Что ж, надо действовать более масштабно.

3. Вот оно счастье

День у Мелиссы выдался неудачный. Да что там день, пожалуй весь месяц. Она чувствовала, что теряет силы. Ей последнее время стало казаться, что жизненная энергия тает, покидает ее тело тонкой едва заметной струйкой, но не возвращается. Она уже не так легко вставала по утрам, полная сил и надежд, за день ей необходимо было присесть и передохнуть по меньшей мере три, а то и пять раз.

В Африке она заболела туберкулезом и ей пришлось вернуться. Женщину вылечили, но оправиться до конца Мелисса так и не смогла. Все врачи рекомендовали длительный отпуск, отдых в хорошем климате, спокойствие и тогда все пройдет. Ей говорили, что она молодая, сильная и все у нее впереди, но Мелисса не ощущала этого. Где-то в глубине души ей, может, и хотелось догореть. Ведь вынести эту гонку она уже не могла. Но пока что Мелли по инерции каждое утро вставала и шла на работу, приходила уже затемно и ложилась спать.

Месяц назад они помогали погорельцам, несколько семей остались без крова, и Мелисса сделала все, что было в ее силах. Она приютила мать-одиночку с девочкой и еще одного мужчину. Мать с ребенком наутро пропали, а вот мужчина остался.

Поначалу он казался беспомощным и одиноким, все время вздрагивал и просил Мелли ему помочь. У него обгорели руки, и Мелисса терпеливо делала перевязки и кормила его с ложечки. Через неделю он признался Мелиссе в любви. Она была так удивлена, что не нашлась, что ответить. Но он все ходил за ней следом и твердил, что если она не сделает его счастливым, то он наложит на себя руки, ведь теперь ему незачем жить. Мелисса жалела, что не отправила его в больницу в первый же день, но не могла теперь выставить его на улицу. Он падал перед ней на колени и клялся в вечной любви, говорил, что будет носить на руках, ведь она ангел, сошедший с небес.

По ходу ее деятельности Мелиссе не раз попадались подобные мужчины. Они чувствовали к ней привязанность, им хотелось заботы, как любому нормальному существу, и Мелисса как нельзя лучше подходила для этой роли. Она поняла, что привлекает мужчин слабых духовно, они ищут в ней скорее мать, чем женщину и такое положение вещей ее не устраивало. Этот же казался другим, она чувствовала в нем потенциал, но не смогла с первого взгляда его раскусить. Когда поняла, было уже поздно. Он поселился у Мелиссы и ощущал себя здесь полноправным хозяином.

Мелли пришла домой и увидела Стига, развалившегося на диване. Ноги он закинул на стол и пил пиво.

— О, ты как раз вовремя. Я уже хочу есть.

Мелисса промолчала и пошла переодеваться. Она есть не хотела. Она вообще ела крайне мало в последнее время и готовить у нее не было никакого желания. Ноги ныли, и Мелисса мечтала только о том, чтобы принять ванну и лечь спать.

— Эй, ты чего молчишь? — крикнул Стиг.

— Хочешь есть, пойди и приготовь, — устало сказала Мелисса.

— Я не умею, ты же знаешь, — виновато сказал Стиг.

— Я не хочу с тобой спорить, — ответила Мелисса и пошла в ванную. По дороге она думала, как ее угораздило так вляпаться. Ей что, мало забот? Она что, полная дура? Она наставляла свою подругу Лену все время, чтобы та была поразборчивей, а сама? Надо с этим

кончать, думала Мелисса. Вот отдохну немного и скажу ему, чтобы выметался. Так она думала каждый вечер, а потом плюхалась в кровать и утром шла на работу, пока Стиг еще спал.

— Ты знаешь, я тут смотрел такое по телику, один магнат сошел с ума и позакрывал все свои производства. Куча народу оказалась на улице без работы.

— Ага, — устало ответила Мелисса. Жизнь магнатов казалось такой далекой, нереальной, казалось, что они существуют только в телевизоре. Она уже давно не смотрела телевизор, не читала ни книг, ни газет, ни журналов.

— Так что там ужин?

Стиг допивал еще одно пиво, и Мелисса заметила, что это уже чуть ли не десятая банка.

— Ты выпил столько пива, что это потянет на ужин.

Она наклонилась за халатиком, а когда повернулась, то не поняла, что произошло. Ей в лицо что-то врезалось, и она упала. Над ней стоял Стиг и потирал кулак.

— Ну и зачем ты заставила меня это сделать? — буднично спросил он.

Мелисса еле поднялась с пола и, шатаясь, дошла до ванной комнаты. Из носа текла кровь, глаз стал заплывать, в голове мутилось. Она до сих пор не могла взять в толк, как такое могло с ней случиться?

Мелли посмотрела на себя в зеркало и пришла в ужас. Она часто помогала жертвам насилия, женщинам, над которыми издевались мужья, отцы, приятели, но чтобы она сама попала в такую ситуацию? На нее из зеркала смотрела старая изможденная женщина: короткие волосы заправлены за уши, усталый поникший взгляд, а теперь еще и синяк. Она была похожа на опустившуюся алкоголичку. Словно впервые Мелисса увидела себя в зеркале и не могла оторваться от этого зрелища. Но теперь, думала она, у нее уже не осталось сил что-то поменять в жизни. Зачем она отдала себя, свою молодость и энергию на растерзание чужим бедам? Сможет ли она что-то изменить? Нет, наверняка уже нет, не будет сил отказать, сказать «нет» кому-то. А ведь те, кому она не отказала, встают на ноги и идут дальше, а она так и остается на месте, сгибаясь все больше под тяжестью чужих горестей. И ведь за все время никто не вернулся поблагодарить, они оживали и улетали дальше. Дверь в ванную открылась, и Стиг добродушно приобнял ее сзади и прошептал в ухо:

— Ладно, не сердись, подумаешь. Иди, приготовь ужин и все забудем.

Как бы ни было стыдно Мелиссе, но на следующий день ей пришлось идти на работу с синяком и распухшим носом. Женщина как могла, загримировала его, но помогло это мало. Правда никто давно уже не смотрел на нее, она превратилась во что-то невзрачное и никому не интересное.

День прошел как обычно, изнуряюще, однообразно, беспросветно. Мелисса оттягивала поход домой, но, в конце концов, это вызвало недоуменные взгляды сторожа, и она уныло поплелась домой. Когда попала к себе в квартиру, то не поняла сначала, что не так. Потом до нее дошло, что в доме тихо, вечно орущий телевизор сегодня молчал. Она зашла в комнату и обнаружила, что Стиг исчез вместе со всеми своими вещами.

Мелли впервые за долгое время рассмеялась. Она скинула туфли и бросила сумку. Вновь почувствовала себя свободной и молодой. Как мало ей надо было для счастья...

4. Совпадения

Арес не мог взять себя в руки. Он уже несколько дней не находил себе места. Да что там, он уже много лет не испытывал подобных эмоций. Когда он вспоминал, как влюбленным дураком воровал цветы из чужих садов, ему становилось смешно. Это был явно не он, такого себя он не помнил и даже презирал. Это была слабость, уязвимость. Что бы делал он сейчас, в своей нынешней жизни, имея такую слабость? Просто не смог бы вести дела, проиграл бы. Хотя... Он все время вспоминал мистера Бруно, которому удавалось совмещать две личности в себе. Ему, наверное, не удалось бы. Да и ладно, до недавних пор Ареса вполне устраивала его жизнь, а теперь в душе поселилось неведомое чувство. Ощущение Предательства. Он не имел близких друзей, и все его компаньоны по работе были только работой, не испытывая к нему никаких теплых чувств, так же как и он к ним. Взаимное уважение да и только. Женщины тоже не были близки с ним, поэтому даже когда они уходили, он не испытывал никаких эмоций. А теперь это ощущение, что тебя предали... Настолько неприятное, незнакомое, чуждое... Как с ним жить? Арес думал, что день-два и все пройдет, но не тут-то было, становилось только хуже. Хотелось выплевывать обвинения, кричать, трясти... Да, ему хотелось выяснить отношения. Это было глупо, мало того, он не мог себе такого позволить, но покопавшись в себе он понял, что хотел именно этого. Спросить: как же ты могла? Ведь мы были семьей. Родней. Мы были прошлым друг друга, другого не было, ни одна живая душа больше не знала, каким он мог бы быть, если бы...

Никогда Арес не позволял себе думать об этом, это все для женских романов, он такой какой есть. Неважно, что сделало его таким — судьба, случай, общество или Мелли. Винить некого, да и незачем.

Просто надо что-то изменить на время.

В дверь раздался звонок. Может это и есть тот шанс? Арес подошел к двери и увидел в камеру Адель. Что ж, ладно.

— Привет, я не помешала?

— Заходи.

— Ты не отвечал на звонки, а я так хотела пригласить тебя на свою премьеру. Пойдем, а?

Адель была при полном параде, но Арес едва обратил на это внимание.

— Ладно, пойдем. Только никакого фрака, я не гусь ряженный.

Адель просто не верила своему счастью и даже не стала настаивать:

— Конечно, это твое дело, иди как хочешь. Ты же знаешь, что мне это не важно.

Арес все же заставил себя одеть простые черные брюки и белоснежную рубашку, на большее его не хватило.

— Пойдем, повеселимся, — он приобнял Адель, и любовники покинули квартиру.

У Мелиссы было прекрасное настроение. Такого с ней не случалось уже очень давно и даже захотелось куда-то выйти. Она позвонила Лене и та с радостью согласилась ее принять.

Когда Мелисса появилась у Лены на пороге, подруга ахнула:

— Господи, Мелисса, что с тобой?

— А, это, — она дотронулась до синяка, — расскажу. Где Тим?

— Ушел ночевать к отцу. Так что мы можем, как в старые добрые времена, просидеть всю ночь и вспомнить молодость.

Когда они расположились на уютной кухоньке, Лена включила телевизор.

— Да ну его, ты что не можешь без ящика?

— Сегодня у Адель Винтер премьера, хочу посмотреть, в каком она будет платье. Я без звука, ладно? Только гляну на наряды знаменитостей и сразу выключу.

Но пока телевизор был включен, вниманием Лены завладеть оказалось не так просто. Женщина все равно пялилась в него, не в силах оторваться. Мелисса смирилась и тоже наблюдала за совершенно незнакомыми людьми. Интересно, почему ее никогда не интересовала жизнь знаменитостей? Актеров, певцов? Ей не было никакого дела до того, кто на ком женился, развелся, получил Оскара и так далее? Лена же просто жить не могла без сплетен. Постоянно сыпала рассказами о звездах, так словно только вчера пила с ними чай. Она не теряла надежды удачно выйти замуж, но каждый раз ее надежды оказывались растоптаны действительностью. Вновь и вновь она звонила Мелиссе и говорила: «Вот он, мужчина моей мечты», а потом точно так же звонила и говорила: «Они все одинаковые и этот ничем не лучше». Она так и не вышла замуж, но Мелисса, разглядывая Лену, понимала, что та имеет намного больше, чем она сама. У Лены была работа, она была ухоженной, нарядной, ходила на свидания и имела сына. А что было у нее? Синяк под глазом? Залеченный туберкулез? И что, спасла она мир?

— О-о-о, вот и Адель. Боже, Мелли, ты только посмотри, какая она фантастически красивая женщина.

— Да, действительно, — согласилась Мелисса. Она таких и не видела никогда, словно не живая женщина, а фарфоровая куколка.

— И кто же с ней? — тут Лена чуть не упала со стула, потом потянулась к пульту и включила звук. В кухню ворвался восторженный голос диктора:

— А вместе с великолепной Адель Винтер, не менее великолепный и самый загадочный миллионер — Арес Коулд. Он все еще остается завидным холостяком, но, по всей видимости, еще не долго....

Лена и Мелисса прилипли к экрану. Он не изменился ничуть. Камера захватила его крупным планом, и на Мелиссу глянули его пронизывающие серые глаза. Потом камера переключилась на другого прибывшего, и Лена выключила телевизор.

— Какой красавец, а?

— Он совсем не изменился, — сказала Мелисса. Ее это поразило даже больше, чем все остальное.

Лену похоже повергло в шок, что кто-то ее знакомый был там, в телевизоре, с самыми замечательными людьми. Она просто не могла подобрать слов. Потом сказала:

— И чего вот ты с ним рассталась? Теперь жалеешь?

— На то были причины.

— А вот Адель Винтер плевать хотела на эти причины. — Лена и сама не понимала зачем говорит это.

А Мелисса вспыхнула да и выпалила, плюнув на все:

— Он киллер, Лена. Понятно? Безжалостный убийца. Даже не знаю, сколько душ он погубил, но много, — она почувствовала некое болезненное удовлетворение оттого, что произнесла это вслух, от удивленной физиономии Лены, а потом добавила, — и, не смотря на все это, я любила его больше всего на свете. А теперь он с какой-то Адель, а я... просто

старая уродина...

Мелисса разрыдалась, а Лена бросилась ее утешать. Шок от услышанного был ничто по сравнению с тем, что она увидела рыдающую Мелиссу — первый раз в жизни. Она даже в приюте никогда не видела слез подруги.

— Ну что, что ты. Какая же ты уродина, ты что? Тебе всего тридцать...

— Мне триста тридцать. Я видела столько боли, грязи и дерьма, что по сравнению с ним парень-киллер, просто невинная шалость. Может он и был моим шансом спасти мир, а я его упустила и теперь должна расплачиваться за это...

А потом Мелисса вспомнила про кулон и зарыдала еще горше.

— Я помогала погорельцам на пожаре и привела в дом женщину с девочкой. Накормила, отдала почти все вещи, белье... Девочке понравились бусы и другие безделушки из Африки, и я подарила их ей. Мы легли спать, а утром мать и девочка пропали. А вместе с ними исчез и мой кулон. Единственное, что было у меня. Кусочек моего сердца. На кухне, под сахарницей, я нашла записку, написанную рукой ребенка. В ней было написано: «Простите». Мило да?

Ведь всю жизнь меня предупреждали и ты, и Арес, что мир такой, что люди такие, а я хотела доказать, что это не так. Что есть честные, порядочные, просто благодарные люди. И вот меня отблагодарили. И теперь последний месяц я живу и не знаю, что мне делать со всем тем, что я считала правильным всю жизнь?

Лена слушала эту тираду и ненавидела себя. За свои слова, за то, что ничего не замечала, жила в своем мещанском мирке и не видела ничего дальше своего носа. Мелли всегда виделась глупой и наивной, такой женщиной, которая верит в то, что может вылечить мир, и это воспринималось с улыбкой и насмешкой. Лена думала все время, что Мелли дурочка, а вот она такая вся прожженная и опытная. А теперь она поняла, что ничего-то она не знает. Что эта наивная девочка познала в жизни все горькое, что могла. Что плечи ее согнулись под грузом чужих бед и как их теперь расправить? Как поднять ее на ноги?

— Выпей вина, моя хорошая, — Лена погладила ее по голове. — Станет легче.

— И знаешь, что еще? Кроме него, никто меня никогда не любил. Родители бросили, уж не знаю почему, а он полюбил. Стал самым близким и родным. Я в своей жизни встречалась с мужчинами, мне даже предлагали выйти замуж, но ни в одних глазах я не видела столько любви и доброты, как в его. Наверное он единственный, кого я встретила, кто вообще способен любить. Преданно и самозабвенно. Уж он точно не бросил бы своего ребенка без алиментов и не ударил бы меня по лицу. Так кто же лучше? Кто заслуживает любви? Любящий киллер или бездельник, который и мухи не убил, но бьющий женщин? Я не могу ответить на этот вопрос, Лена. Я совсем запуталась.

Арес пошел на вечеринку исключительно ради того чтобы отвлечься. Но мрачные мысли не покидали его головы, а жажда разрушения преследовала. На таких мероприятиях собиралось множество известных и высокопоставленных людей. Кто-то мог быть полезен, а кто-то подкинуть идею. Далеко не все разговоры велись о нарядах и наградах, люди решали дела поважней. Арес скользил между гостей. Обрывков фраз, движения бровей, двусмысленных жестов хватало ему, чтобы понять, о чем ведется речь. Он любил быть невидимкой, никогда не стремился к вниманию, избегал взглядов. Ему так хорошо было находиться в тени, самому становиться тенью. Его профессия наложила свой отпечаток, но скорее всего он всегда был таким. Даже его месть должна быть тихой и никому не заметной,

никто и не поймет, в чем причина...

Наконец, Арес наткнулся на мэра города. Арес не узнал собеседника, но это было не важно, из кусочков разговоров всегда можно сложить полную картину.

— Это очень непросто и требует слишком больших затрат, — сказал мэр.

— Но это необходимо. Без этого может погибнуть целый город. Последствия могут быть просто катастрофическими.

— Но откуда, скажите на милость, город возьмет такие средства? Откровенно говоря, были некоторые траты и мы не в состоянии теперь....

— То, что вы говорите, просто чудовищно. Ищите любые способы. Может, спонсора...

— Спонсора? Я могу кому-то доверить то, что город не в состоянии покрыть расходы по ремонту плотины, потому что я проигрался? Да вы понимаете, чем это грозит? И не только мне, но и вам.

— Я знаю, не надо об этом.

Аресу этого оказалось достаточно. Сердце радостно подпрыгнуло, и он вышел из тени:

— Господин мэр?

— А, таинственный Арес Коулд, — мэр расплылся в улыбке. — Как ваши дела?

— Мои дела в полном порядке, благодарю вас, — Арес с сочувствием посмотрел на мэра, — а вот ваши, я слышал, не очень.

— О чем вы, мой друг? Все отлично. Город процветает, а это самое главное для меня. Это мое детище, главное, чтобы ему всего хватало.

— Ни минуты не сомневался. Но слышал у вас проблема. Я бы даже сказал, что проблема у всех нас. Ведь заболел общий ребенок.

Мэр покраснел и кинул злобный взгляд в сторону своего собеседника, а Арес продолжил:

— Но я хочу помочь в его лечении. Это было бы честью для меня. Вы знаете, что я в состоянии это сделать.

Мэр в изумлении уставился на снизошедшее спасение, не веря своим ушам.

— Но, мистер Коулд, это... э-э-э... лечение, оно весьма дорогостояще. Это целое состояние.

— Я им обладаю.

— Но, что вы хотите взамен?

— Немного того, немного другого. Вы же знаете, я бизнесмен и мне иногда нужны некоторые поблажки. Но вы также знаете, что я никогда не занимаюсь ничем противозаконным, поэтому с вашей стороны не будет никаких великих жертв.

— Это предложение просто дар судьбы. Я не могу отказаться от него.

— Вот и хорошо. Мои люди займутся этим.

— Можно ли сделать так, чтобы об этом никто не знал?

— Конечно. Мы сделаем все, словно это плановый небольшой ремонт.

— Мистер Коулд, у меня гора свалилась с плеч.

— Вот и хорошо. А теперь прошу извинить, я вижу, что моя спутница потеряла меня, и я вынужден вас оставить.

На следующий день ремонтные работы на плотине начались.

5. Плотина

Арес всегда любил эту местность. В его душе непременно что-то трепетало, когда он думал о том, что такое нехитрое сооружение способно погубить множество жизней. Человек каждый день находится в непосредственной близости от опасности, не осознавая, как он хрупок. Живет, что-то планирует, но не он сам распоряжается своей судьбой. Множество факторов влияют на жизнь людей. Взять хотя бы его, он ведь был тем самым, кто мог оборвать чью-то жизнь. Просто за один вздох. Он часто вспоминал свое первое задание. Того человека у телевизора. Подозревал ли он, что жизнь так коротка, что завтра уже не наступит? Были у него на душе грехи, которые заслуживали смерти? Понял ли он что-то? За что, откуда явился Арес? Лицо того человека давно стерлось из памяти, никогда Арес не пытался ничего узнать о нем, просто это был некий облик, образ того, как странна и коротка жизнь. Вот так ему однажды пришла в голову мысль и о плотине, когда он гулял рядом с этим сооружением. Такое грандиозное и полезное строение может унести множество жизней. Люди используют природу, но она в ответ иногда берет плату. Заинтересовавшись, Арес нашел много информации о катастрофах на дамбах. Поразили его события в КНР на дамбе Баньяо. Сама природа выступила против людей, захотевших запереть ее в рамках. Дамба была сконструирована так чтобы пережить самые крупные наводнения, даже такие, какие случаются раз в тысячу лет. Однако в августе в том году[1] выпало рекордное количество осадков за 2000 лет. Мощнейшее наводнение вызвало огромную волну шириной в десять километров. Официальная цифра погибших около 26 000 человек, но она учитывает лишь непосредственно утонувших при самом наводнении; с учётом же погибших от эпидемий и голода, распространившихся в результате катастрофы, то полное число жертв составляет, по разным оценкам, 171`000.

Удивление вызывали у Ареса подобные цифры. Конечно, в таких масштабах эти потери воспринимались просто цифрами, но за всем этим стояли люди и трагедии отдельных личностей. Имея достаточно средств, любой может стать причиной столь сильных катастроф. Как могут эти люди жить и не задумываться о подобных вещах? Гулять рядом с плотинной? Влюбляться и жениться? Рожать детей в непосредственной близости от того, что уготовила им природа?

Только любовь лишает этого страха, осторожности. Она заставляет ничего не бояться и идти вперед. А Арес застрял на одном месте. Он испытывал жгучую ревность ко всем тем, кого Мелли любила, кому помогала всю жизнь. Она предпочла ему незнакомцев, отдала кому-то символ его веры в любовь.

Много раз Арес ловил себя на том, что он готов пойти и найти ее. Посмотреть в ее глаза, отдать кулон. Попросить надеть его вновь и никогда не снимать. Но он останавливал себя тем, что его Мелиссы уже нет, теперь живет какая-то чужая ему женщина, повидавшая мир, изменившаяся в душе до неузнаваемости. Почему он решил, что она продолжает существовать, та девочка, которая однажды погладила его по руке? Он не мог заставить себя увидеть ее, чужую и незнакомую, которая едва узнает его. О чем с ней говорить? Он и обнять-то ее не сможет: никто не лезет обниматься после того как не видел человека десять лет. Образ, стоявший у него перед глазами, должен таким и остаться. Для него она навсегда молодая и наивная девочка. Зачем разрушать те воспоминания, что еще остались?

Сам того не осознавая, он всю жизнь делал что-то, подспудно думая о Мелиссе. Она всегда была на задворках его подсознания, присутствовала при всех делах. Арес не понимал, что общался с ней и просил совета у некоего образа, сложившегося из воспоминаний о Мелиссе. Из его представлений о ней, как о самом хорошем в мире. Не просто о человеке, а явлении. Теперь, точно так же, его подсознание сыграло с ним злую шутку. Он желал наказать Мелиссу, наказать себя за веру в хорошее и хотел навредить. Направить силы природы.

Арес хотел посмотреть на дело своих рук, когда он прекратит работы на плотине именно в тот момент, когда это будет необходимо. Нужно только дожждаться хороших осадков, а сезон дождей не за горами. Этот год вообще выдался дождливым, климат портился незаметно, но уверенно. Мэр — полный идиот, непонятно как люди его выбирают уже два срока подряд. Похоже и в выборе управленцев у человечества срабатывает некая жажда самоуничтожения. Как считал Фрейд, все живое стремится к смерти, и люди сами хотят себе навредить. Только слепой или глухой не знал о том, что мэр был не чист на руку. О его болезненной тяге к азартным играм слухи ходили непрерывно, иногда даже прорываясь в газеты. Его не одобряли и ругали, а потом на выборах, после удачной предвыборной кампании, избирали, только для того чтобы вновь ругать. Арес никогда не мог понять народ. Он не относил себя к нему. Словно смотрел на людей со стороны, как изгой. Хотя народом себя, наверное, не считает вообще никто. Каждый уверяет, что он отличается от серой массы, что он — индивидуальность, не такой как остальные, и вот из них, из этих «индивидуальностей» и состоит народ. Тот народ, который так любит Мелисса. Она сказала ему однажды, раз он не любит их всех, значит, не любит и ее. Почему? Потому что все мы одинаковы по глобальным меркам? Каждый из нас таит в себе и ребенка, и зрелого, и старого; каждому свойственны мысли и поступки другого. Жизнь, она ведь длинна, и много стадий человек проходит, много мыслей думает.... Эти мысли пересекаются и переплетаются с мыслями другого, а другие с мыслями третьего и наверняка, они много раз совпадают, а ипостась одного отображает другого. Мы все одно целое... Некий коллективный разум.

Арес любил приезжать на плотину. Местная не была грандиозным сооружением, таким как плотина Гувера, например. Город их был старым и сама плотина была построена давным-давно. Именно благодаря этому место было столь живописным: каменная кладка придавала всему ее облику романтики. Сюда приезжали многие полюбоваться водопадом и устроить пикник. Когда-то ее соорудили для мелиорации полей, сейчас же эту функцию она почти не выполняла, главной ее задачей было привлекать туристов, и она стала практически достопримечательностью. Находилась плотина сравнительно недалеко от города, но в непосредственной близости к ней располагалось множество домов. Земля здесь стоила недешево, но чистый воздух и красота местности привлекали людей. Когда начинался сезон дождей плотина выполняла свою задачу и не давала затопить живущих поблизости. Арес всегда считал, что они играют с огнем (вернее с водой, как он говорил про себя). Предвкусение беды завораживало, и когда Аресу хотелось оставить все мысли, он приезжал сюда и любовался водой, которая таила в себе опасность.

Чем-то это место напоминало Аресу уют. Он сам не мог понять, в чем же их схожесть, но что-то всегда отдавалось в груди, когда он приезжал сюда. Такое же спокойствие, такая же старая кладка, те же множество событий и людей, что повидало это место. Оба этих места были из одной эпохи, как братья, олицетворяющие город. Только это

место всегда таило угрозу, во всяком случае для Ареса, потому что он понимал — с природой бороться бесполезно. Да и пловцом он был не особо хорошим. Он научился плавать уже взрослым и никогда не чувствовал себя как рыба в воде. Это была не его стихия, может, именно поэтому его привлекало данное место.

Мелисса плавать не умела вообще. Вода пугала ее, и, в то же время, она, пребывая в Африке, научилась ее ценить. Она относилась к ней с неким благоговением, всегда понимая ее ценность. Когда в Африке шел дождь, это было как откровение небес, ничего более приятного невозможно было вообразить. Мелли любила выходить под дождь, подставляя себя его струям и радуясь вместе со всеми. Проблема воды была полной и безоговорочной там, где она жила. Люди каждый день ходили за водой в ближайший колодец, имея при себе лишь дырявые канистры. Почему никто не использовал силу дождя, Мелисса так и не поняла. Ей казалось, что культура этого народа просто упорно не желала развиваться. В этом было что-то сродни мистике, что-то чего она так и не поняла, прожив там достаточно долгое время. Девушка привязалась к детям в деревне и казалось, что они тоже привязались к ней, но когда она уезжала, жители вышли провожать ее, но смотрели не на уезжающего друга, а куда-то вдаль, сквозь нее, не провожая глазами. Взгляд их словно терялся здесь, в этой деревне, и не мог выбраться за ее пределы. Как бы там ни было, Мелисса рада была снова увидеть родную страну и обычаи и почувствовать все прелести цивилизации. Но уважение к воде осталось навечно. Вот почему она так любила городскую плотину, приезжала сюда в свободное время, которого у нее было очень мало, садилась на траву и смотрела, и смотрела на падающую воду. Мелисса представляла лица детей из африканской деревни, покажи она им это чудо. Многие приезжали сюда, привозили детей, но никто в полной мере не мог оценить всего того, что давала вода. И если Арес, глядя на плотину, всегда думал о ее разрушительных последствиях, о мощи и о возможности снести все на своем пути, не оставив ничего живого, то Мелисса, в свою очередь, думала обо всех тех благах, что несла в себе вода: о жизни, о рождении, о возможностях.

Два любящих сердца выбрали эту плотину и наслаждались зрелищем, но так по-разному они смотрели на одно и то же!

[1] 1975 год

6. Случайная встреча

Дождь лил как из ведра вот уже четыре дня. Серое мрачное небо извергало потоки воды, рекордные за последние несколько лет. Вот-вот казалось он утихал, но только для того, чтобы полить с новой силой. Был конец лета, но казалось, что конец осени, так стало холодно и безлюдно на улицах. Дождь разогнал детей с площадок и влюбленных из парков, куда подевались все птицы и бездомные собаки? Где они находили убежище в такую погоду?

Лена терпеть не могла что-то, что выводило ее из состояния равновесия и упорядоченности. Она много лет стремилась к тому, чтобы в ее жизни все стало размеренно, и каждый день был похож на предыдущий. Она сама задумывалась иногда над этим и думала, что это именно то, что ей нужно. Ни ее нрав, ни тело не были приспособлены к переменам. Она располнела и не могла, например, бежать за автобусом, поэтому всегда выходила вовремя, чтобы не опаздывать. Если что-то заставляло ее изменить привычкам, у Лены начиналось нервное расстройство, поэтому даже на работе она не соглашалась никогда поменяться сменами или просто кого-то подменить. Ее сын Тим вносил некую дисгармонию в ее упорядоченный образ жизни, но с возрастом ее было все меньше. Он был ответственным мальчиком и знал причуды матери как никто другой. Но в этот день ему пришлось сказать матери, что его спортивную школу закрыли и теперь их всех перевели совсем в другое место, как показалось Лене, просто в другую страну. Ей пришлось поменять все свои планы и тащиться вместе с Тимом искать эту школу и все это под проливным дождем.

Также пришлось потратиться на такси, но таксист все равно высадил ее не там, где надо, и они слонялись по вымершему незнакомому району в поисках спортивной школы. Наконец, они нашли старое здание, ничем не примечательное и заброшенное на вид. Лена уже была настроена против того, чтобы ее Тим посещал такое безлюдное место, но теперь отступить было некуда и они вошли внутрь. Внутри обстановка оказалась не такой унылой, горел яркий свет и было тепло. Тим учуял запах спортивного зала и сразу ощутил себя как дома, звуки доносившиеся оттуда, так и манили мальчика. Они с мамой прошли по коридору и нашли раздевалку, из которой выходил тренер.

— А, Тим, очень рад, тебя видеть. Ну что, готов к бою?

— Да, — радостно сказал мальчик, и Лена не могла не улыбнуться.

— Ну, беги, переодевайся, — сказал тренер, а потом обратился к Лене, — вообще мы не пускаем никого смотреть на тренировки, но сегодня такая погода и отдаленный район, так что можете пройти в зал и подождать Тима, если хотите.

— Да, спасибо, — ответила Лена, не зная радоваться ли ей тому, что ее не выгнали из зала или нет.

— Вон по тому коридору и направо, — сказал тренер и ушел, а Лена направилась туда, куда он ей указал.

В спортивном зале ей всегда было неуютно. Лене не нравилось там абсолютно все, она чувствовала себя чем-то лишним, не вписывающимся в интерьер. И мужчины здесь ее не привлекали, погруженные в свои тренировки и думающие только о своем теле и достижениях, они совершенно не обращали на нее внимания. Лена нашла скамейки, стоящие вдоль стены и примостилась на одной из них. Тима отдал на тренировки отец, внушая, что

все мужчины должны уметь постоять за себя. И поскольку это было единственное, что он согласился оплатить, она согласилась. Однажды она пошла на одну из тренировок, но зрелище того, как ее ребенка бьют и кидают на пол, повергло мать в такой шок, что она вылетела оттуда пулей и больше не возвращалась. Лена не понимала, что ему может нравиться в этом спорте, но не вмешивалась и практически не интересовалась тем, чем он там занимается. Занятия они обсуждали с отцом и, наверное, это была единственная тема для общения между ними.

Наконец, в зал стали приходить мальчики, такого же возраста как ее Тим, они все знали друг друга, шутили и смеялись, и Лена немного расслабилась. Дети всегда могли снять напряжение, как, впрочем, и накалить его.

Кто-то опустился рядом на скамью, и Лена увидела затылок мужчины, завязывающего шнурки на кроссовках. Мужчина поднял голову и скользнул по Лене безразличным взглядом, но потом задержался. Женщина отвернулась, но ощутила, что мужчина смотрит на нее и, нацепив на лицо свою самую обворожительную улыбку, повернулась к нему. Улыбка тут же погасла:

— Арес?

— Лена?

Они молча смотрели друг на друга. Лицо Лены сменило множество эмоций, Ареса же оставалось непроницаемым. Лена в первую очередь вспомнила о Мелиссе, о приюте, а потом о том, что недавно узнала об Аресе, и в сердце прокрался страх. Смотреть прямо в глаза убийце было просто жутко. Она ничего не могла с собой поделать, сердце учащенно забилось.

— Что ты тут делаешь? — спросил Арес.

— Я... мой сын, вон там, — она махнула рукой в сторону детей.

— Ух ты, такой взрослый, — Арес посмотрел в сторону мальчишек.

Они радостно замахали ему.

— Они тебя знают? — тихо спросила Лена.

— Да, даю им уроки... иногда.

Глаза Лены сузились:

— Арес Коулд, черт тебя побери, чему ты тут учишь моего ребенка?

— Тише, Лена, просто уроки эскрима. Это в качестве дополнения к борьбе.

— Я не знаю, что это такое.

— Увидишь.

Тренер начал занятия с мальчиками, они разминались, бегали и некоторое время бывшие знакомцы просто наблюдали за детьми. Наконец Арес нарушил тишину:

— Так как ты живешь, Лена?

— Да просто живу. Как все. Работаю в больнице, вот сын растет.

Лена замолчала.

— Ради вежливости обычно спрашивают, а как ты поживаешь, — смеясь сказал Арес.

— Видела тебя по телевизору. На приеме, с Адель Винтер. Что тут спрашивать? Кстати, вместе с Мелли, — Лена сказала это и тут же пожалела, ну кто за язык тянул?

— Раз уж ты сама о ней сказала, то расскажи, как она?

Женщина молчала. Что сказать? Как сказать? Разве можно в двух словах рассказать о Мелиссе? И нужно ли? Разрешила бы сама Мелисса? Лена до сих пор терзалась виной перед подругой и теперь не хотела навредить еще больше, ранить сильнее.

— Что молчишь? — нетерпеливо спросил Арес.

— Не знаю, что говорить, — честно призналась Лена. — Думаю, тебе это не надо. У тебя Арес своя, совсем отличная от нее жизнь, зачем пытаться вникать?

— Она все так же носится, помогая людям? Ничему жизнь не научила?

Лена услышала злость в его голосе, ей стало не по себе. Она никогда не понимала этого странного молодого человека, никогда не любила его, не могла понять привязанности лучшей подруги к нему. Разговор с ним тяготил Лену, она словно была привязана к камню и брошена на дно реки, деваться некуда, на душе тяжело, грудь сдавило. Ее сознание рисовало жуткие картины, когда она смотрела в его страшные серые глаза. Так хотелось что-то сделать ему неприятное, обидеть, отомстить за то, что он такой вот удачливый весь и самодовольный.

— Жизнь ее растоптала, Арес. Ты начал это, а весь мир продолжал. Она признает теперь, что мы были правы, что не нужны никому ее жертвы, но, наверное, поздно. Мелисса не думает, что может начать жизнь сначала. Вот так вот: мы с тобой, никому не сделавшие добра, правы, а она нет.

— И что же заставило ее разувериться? Никакие доводы раньше она не слушала.

— Ее обокрали. Какая-то женщина с девочкой, которых она приютила, забрали все, что у нее оставалось. — Лена хотела было рассказать о подонке, который жил с Мелиссой, но сдержалась. Не известно, что у этого человека на уме, лучше не рисковать.

Ареса позвал тренер, и дети с радостью ждали его урока.

— Может, поговорим после тренировки?

— Нет, Арес, думаю, не стоит.

— Но где она живет сейчас?

Лена молча покачала головой. Она и так сказала слишком много. Ей хотелось взвалить вину за Мелли еще на кого-то и теперь было приятно, что часть этой вины пала на ненавистного Ареса. Что он думал, было трудно понять и его лицо оставалось непроницаемым, но он же когда-то любил ее, может не все угасло у него в душе?

Когда тренировка закончилась, она сгребла сына в охапку и прыгнула в заранее вызванное такси, унося ноги подальше от Ареса. Ей надо было подумать и решить, что делать дальше, позволять ли Тиму заниматься здесь дальше или нет. Кто его знает, зачем этот Арес тренирует детей? И стоит ли ей рассказать Мелиссе о встрече? Лене не хотелось больше говорить о Коулде, тем более о том, что встретить его можно в любой момент — только захоти.

7. Еще одна случайная встреча

Мелисса так и не узнала об этой встрече и продолжала жить своей обычной жизнью. Дождь ее не раздражал, наоборот, она находила какое-то удовлетворение от его ударов, ей нравилось подставлять лицо безжалостным струям. Она словно вновь наказывала себя за что-то.

Так и шла она с работы, без зонта, в мокрых спортивных туфлях. До дома была всего пара кварталов, и Мелисса не видела никакого препятствия в проливном дожде. Она шла не поднимая головы, стараясь не попасть только в самые глубокие лужи, все остальное ей уже было не страшно. Внезапно, над ней навис большой черный зонт, и дождь престал лить на голову. В недоумении Мелисса посмотрела наверх и услышала мужской голос:

— Вы забыли зонт? Я могу проводить вас до дома.

Голос показался Мелиссе смутно знакомым, и она попыталась рассмотреть человека. Седовласый мужчина в хорошем плаще, да и только.

— Не стоит, мне всего пара кварталов.

— За два квартала можно хорошенько простыть. Такой молодой женщине нужно беречь себя.

— Зачем? — непроизвольно спросила Мелисса и поджала губы. Не хватало еще делиться своими проблемами с прохожим.

Мужчина удивленно вскинул брови и хмыкнул, потом сказал:

— Так уж и незачем? Дети, например?

— У меня их нет.

— Кто-то же должен быть? Или что-то?

— Никого и ничего, — Мелисса улыбнулась. Получалось забавно, в двух словах рассказать незнакомцу о сути всей ее жизни.

Они медленно шли под одним большим зонтом, и дождь словно стих, не шумел так, уступая место беседе. Потом мужчина пристально взгляделся Мелли в лицо, прищурился и остановился.

— Как вас зовут?

Мелисса недоуменно посмотрела на незнакомца:

— Мелисса, — после недолгого раздумья, ответила она.

— Потрясающе.... Мелисса Самос?

— Да, мы знакомы?

— Ах, Мелисса, я вас разыскиваю уже много лет. Вы не помните меня? Я Джордж Норвелл.

Девушка силилась вспомнить. Да что-то знакомое было в этом имени, но конкретики она не помнила. Может пациент?

— Простите, мистер Норвелл, но я не помню.

— Вы удивительная девушка, — расхохотался он. — Много лет назад вы отдали мне свои работы, великолепные картины, помните?

— Ах, да... картины, — Мелисса наконец-то вспомнила этого человека из другой жизни, из другой вселенной.

— Это просто потрясающая встреча. Давайте зайдем вот в это кафе, — увидев

протестующий взгляд девушки, он воскликнул, — я очень, очень прошу вас. Мне надо вам что-то рассказать.

— Ну хорошо, — согласилась она.

Странная парочка зашла в кафе и, освободившись от мокрой верхней одежды, расположилась за столиком. Мистер Норвелл, не обращая внимания на протесты, заказал Мелиссе чай на травах и маленькие пирожные, а себе ароматный кофе.

— Когда вы отдали мне ваши картины, я решил организовать выставку. Они так поразили меня своей глубиной, что я был уверен в ее успехе. Над выставкой и экспозицией потрудились много людей. Я снял прекрасный зал, специалисты сделали нужное освещение, мы много спорили с коллегами, в какой последовательности разместить картины. Без ложной скромности скажу, что было вложено немало средств в организацию этой выставки.

Мужчина заметил смущение на лице Мелиссы и румянец, заливший щеки, и продолжил:

— Не стоит так смущаться. Результаты превзошли все ожидания. Это была самая на шумевшая выставка в том году. Только за вход мы отбили все затраты, но интерес к ней не ослабевал. Зрители шли и шли, и вы стали знаменитостью. Интерес к вам подогревался еще и тем, что никто никогда вас не видел и разыскать не мог. В дело включились журналисты, но так и не вышли на тайную художницу. Вы как в воду канули. А потом пошли предложения купить ваши работы. Поначалу я отказывался, ведь я не мог без вашего ведома их продавать. Из-за этого цены на них взлетели еще выше, и я взял на себя смелость продать их. Вырученные деньги я положил на счет в банке на ваше имя, и все эти годы на них еще и набегали проценты. Скажу честно, я не так уж и искал вас последние годы, но вот сама судьба свела нас вместе. Могу с уверенностью и гордостью сказать: Мелисса, вы богатая женщина.

Мелли слушала этого человека и не верила своим ушам. Она богатая? И что теперь делать с этим богатством? Вот только что она уверилась в том, что люди неблагодарные, не принимают помощь, не ценят доброту, как сама судьба преподнесла ей опровержение. Этот человек, которой мог все забрать себе, у него было на то полное право, она сама его ему дала, сколотил для нее состояние. Мелли никогда не стремилась к богатству, деньги ей были не нужны, она и не знала, что с ними делать. Куда трагить? Как управлять ими? Радость приносило ей то, что кто-то, совсем незнакомый, чужой человек проявил о ней заботу, думал о ней все эти годы...

— Вы пишете что-то сейчас?

— Что? Нет, не пишу.

— Вы можете начать работать, и я гарантирую вам успех. Это будет сенсация — потерянная художница нашлась и создала новую выставку....

— Вы размечтались, — рассмеялась Мелисса. — Думаю, что не смогу больше писать. Тогда... меня переполняли чувства... это был выплеск всего, что было в душе....

— А что же сейчас? Вы ведь такая молодая.

— Нет ничего, все словно... не хочу говорить умерло, но замерло.... Не знаю, что еще могло бы вызвать такие эмоции в моей жизни. Это все в прошлом.

— Нет, не говорите так. Ваши работы нужны. Они нравятся людям, вдохновляют их. Вы не можете просто похоронить себя. Я не позволю.

Его горячие слова были приятны Мелиссе, даже что-то всколыхнули в ее душе. Кому-то была небезразлична ее судьба. Может, она действительно когда-то выбрала не тот путь? Может, на другом поприще она сумеет стать счастливее?

— Теперь я точно не потеряю вас. Сейчас у меня встреча, да и вам надо пойти домой и переодеться в сухое, а то чего доброго простынете. Но я возьму с вас обещание не пропадать больше, договорились?

— Договорились, — рассмеялась девушка.

Щепетильный мистер Норвелл все же проводил Мелли до самого дома, взял ее телефон и сообщил название банка, в котором лежали ее несметные богатства. Уже почти войдя в квартиру, Мелисса все же обернулась и спросила:

— Мистер Норвелл, а сколько же там денег?

— Думаю, что-то около миллиона.

Его щеки покраснелись как у молодого человека, а изумленные распахнутые глаза этой удивительной девушки доставили несказанное удовольствие.

Спустя пару дней Джордж Норвелл снял для Мелиссы прекрасную студию, закупил все необходимое, холсты, краски и привез ее туда. Он был внимательным и заботливым, Мелисса восхищалась его своим талантом и загадочностью. Понять эту девушку он не мог, она была непостижима. Джордж прожил долгую жизнь и сколотил состояние, он знал многих высокопоставленных лиц, его понимание людской природы во многом помогала в жизни и бизнесе. Все люди попадали для него под некие стереотипы, созданные им самим, и, встречаясь с новым человеком, он без труда определял нового знакомого под один из них. Но Мелисса была странной. Вытягивая понемногу историю ее жизни, Джордж не мог понять ничего. Он заподозрил ее в притворстве (как и многие до него), но при более близком знакомстве отбросил свои подозрения в сторону. Какая-то детская наивность непонятным образом сочетала в себе зрелые суждения и мировоззрение. Как это могло уживаться в одном, совсем еще юном, по его меркам существе, он не знал.

Мелисса не бросилась тратить деньги и даже не пошла в банк, она была как инопланетянин, не знающий, куда пойти на чужой планете. Джорджу так хотелось помочь девушке найти себя, свой путь, утешить ее и видеть улыбку на таком милом лице. Он поймал себя на том, что не так уж и по-отечески смотрит на Мелиссу, хотя разница в возрасте была немалой. Он знал, что Мелисса воспитанница приюта, и Норвеллу было известно, что такие девушки подсознательно всегда ищут отца в своих отношениях с мужчинами. Возможно, у него все есть шанс? Джордж Норвелл не терял надежды, хотя не проявлял пока никаких настойчивых жестов. Пока что надо вывести ее из состояния прострации, в котором Мелли пребывала по непонятной для него причине, заставить работать и отвлечься от грустных мыслей, терзающих ее.

Девушка была тронута его заботой, но заставить себя писать не могла. Она ходила по студии, перебирала, кисти, смешивала в мыслях краски. Но порыва воплотить что-то на холсте не возникало. Она словно утратила всю живость ума, воображение угасло, краски потускнели. Всплывали в голове унылые серые образы, но и только. Мелли грустно побродила по студии, а потом вызвала такси и попросила отвезти ее на плотину.

Дождь лил не преставая, и она, должно быть, бурлила и переполнялась. Воду в плотине спускали понемногу, и зрелище это было потрясающим. Во всяком случае, для Мелли.

Она и не ведала, что механизм спуска воды был неисправен. Вода вот-вот грозила прорваться, смывая все на своем пути. Вот это стало бы поистине потрясающим зрелищем, если бы кто-то смог его увидеть.

8. В ожидании решения

Адель Винтер вот уже два дня не давала Аресу покоя. Он имел неосторожность проявить слабость при ней и попросил ее остаться. Она терпеть не могла его холостяцкую обитель, но в тот вечер была на седьмом небе. Теперь Арес не мог отделаться от нее, юная красавица порхала по комнате, не уставая удивляться, как он может здесь жить.

— Такому человеку как ты не пристало ютиться в этой конуре. Перебирайся ко мне в отель.

— Ненавижу отели. Там множество глаз.

— Но здесь всего одна комната, — Адель это просто возмушало.

— А зачем одному человеку больше? Зачем тебе, Адель, такая куча вещей?

— Просто я не привыкла себе отказывать. Хочу и беру.

— Выкинуть бы тебя на необитаемый остров, — зло сказал Арес. Но Адель только возбудилась от этих его слов:

— А ты бы построил мне на нем хижину и занимался со мной любовью до бесконечности под шум волн. Кстати об этом, Арес, я не могу больше выносить этот дождь. Давай куда-нибудь уедем. На несколько дней. Ну, пожалуйста, туда, где солнце и песок? На островок, а?

В городе оставаться становилось опасно, и Арес это понимал, но именно ощущение опасности его и волновало. Но Адель была ни в чем не виновата и хоть он не питал к ней особо нежных чувств, все же она была ему другом какое-то время. В конце концов, он сдался и сел за руль ее красного «Ламборджини».

Когда они отъехали от города, Адель взволнованно спросила:

— Куда ты, милый? Аэропорт в другой стороне.

— Хочу заехать в одно место. У нас еще полно времени.

Он гнал машину через город, залитый дождем, влекомый неведомой силой. Арес не мог уехать, не навестив свою давнюю подругу. К тому же с ней вот-вот могли произойти необратимые последствия, и Арес не простил бы себе, если бы не попросился с ней. Он подъехал к плотине и был просто поражен. Столько воды! Какая это мощь! Ему звонили несколько раз по поводу того, что работы были произведены некачественно, что механизм спуска заедает, но Арес престал отвечать на эти претензии. Его железное самообладание позволяло не обращать внимания на подобные пустяки, такие мелочи не трогали его суровой натуры, а угрозы могли только позабавить. Он не боялся ничего. Эта мысль пришла ему голову совсем недавно, и Коулд был удовлетворен, обдумав ее хорошенько. Он не боялся смерти, боли и нищеты. У него не было близких людей, за которых он мог бы переживать, людская молва — смешна (кто в здравом уме обращает на такое внимание?), порицание — бред, тюремное заключение — временно.

Арес любовался творением своих рук (в какой-то степени) и слышал вдалеке назойливый голос Адель. Она как муха жужжала что-то, и в какой-то миг Аресу захотелось прихлопнуть ее. Он легко мог убить девушку, одним из множества способов, которые знал. Иногда она читала приговор в его взгляде, и именно это покоряло ее натуру, она была готова на все, лишь бы получить еще раз такой взгляд. Люди любят силу и покоряются ей на каком-то бессознательном уровне. Но сегодня в его планы не входило избавляться от назойливой

Адель. Он прислушался к ее болтовне:

— Ты только посмотри на нее. Ну как можно такой быть? Фу, ужас! А ведь вроде молодая женщина. Как можно так за собой не следить?

Арес, наконец, посмотрел туда, куда так упорно показывала ему Адель. Совсем недалеко от машины, в которой они сидели, стояла женщина. В простой непромокаемой куртке, с капюшоном на голове. Из-под куртки торчали синие потрепанные джинсы, промокшие до колена, и ноги в простых черных ботинках. Ее плечи ссутулились и по лицу стекали струйки дождя, но она, казалось, не замечала ничего этого, а как завороченная смотрела на плотину, которая была готова вот-вот прорваться. Арес не мог оторвать взгляда от женщины. Узнать ее он мог из тысяч, ведь полжизни Арес провел, наблюдая за этим странным созданием. Адель еще бубнила, но Арес больше не слышал, он открыл дверцу машины и как лунатик пошел к женщине. Адель замолчала, не понимая, что происходит и, не отрывая глаз, наблюдала за происходящим. А Арес дошел до этой замухрышки и в какой-то миг Адель решила, что его подстрелили. Потому что он, поравнявшись с женщиной, взглянул ей в лицо и рухнул перед ней на колени. Вопль вот-вот готов был сорваться с губ Адели, но потом она увидела, что женщина смеется, прижимая его голову к своему животу. А он так и стоит на коленях в луже воды пред этой замухрышкой, обхватив руками ее талию. Это зрелище настолько противоречило представлению Адели о жизни, что стало самым неизгладимым в ее памяти до самой старости.

Мелисса поняла, что плотина давно не спускалась. Она даже хотела умереть, поддавшись какой-то меланхолии. Ей надоела ее жизнь, она не видела выхода и бороться не хотелось. Слишком поздно она поняла, что ценно в этом мире. Она услышала хлюпанье воды под чьими-то тяжелыми ногами и повернула голову. Перед ней стоял Арес. В сером свете под струями дождя он был похож на какое-то видение, словно отзвук прошлого, словно ответ на вопрос. Ноги его подкосились, и он рухнул на колени, прижимаясь к ней лицом. Мелисса рассмеялась. Она не думала, что может вот так смеяться, что не разучилась. Ведь когда она прижала его к себе, то поняла, что он все тот же Арес. Кем бы он ни был в своей жизни, но в ее — он был самым нежным, любящим и преданным. Он никогда не предаст, не обидит — он вся ее семья, какая бы она ни была, она единственная.

Арес же, подойдя к Мелиссе, заглянув ей в лицо, понял, что она — самое прекрасное в мире, что создавал Господь. Ее уставшие глаза, сеточка морщин вокруг них, складки у губ, короткие мокрые волосы вокруг родного лица. Арес упал перед ней на колени, как упал бы пред Богом в судный день. Если сейчас она простит его, если сможет...

Ее руки были такими натруженными, с обломанными ногтями, а Аресу хотелось целовать их и никогда не выпускать из своих. Он услышал, что она смеется, и почувствовал эти ручки на своих волосах, и тогда его затопило всепоглощающее счастье... Он понял, что прощен. А потом он посмотрел на плотину и увидел, что в последующие минуты решится все.

— Мелли, надо уходить отсюда, — пришел в себя Арес.

— Почему?

голос словно приласкал его, и Арес на миг забыл, о чем хотел сказать, но взял себя в руки.

— Механизм спуска воды не работает. Плотину может прорвать в любой момент.

Мелисса внимательно всмотрелась в Ареса. Он ничуть не изменился, такой же красивый, молодой, сильный. Такой же непредсказуемый.

— Ты приложил к этому руку? — наконец, спросила она.

Вновь перед ним встал выбор: обмануть ее или сказать правду, но Арес ни минуты не колебался:

— Да, Мелли.

— О, Арес, зачем?

Вместо ответа он полез в карман и достал ее кулон. Мелисса даже не задумалась над тем, откуда он у него. Это была просто судьба.

— Его украли, Арес. Ты думал, что я...? Я бы никогда такого не сделала...

— Я знаю, я дурак...

— Да уж. — Мелисса улыбнулась. Как хорошо было вот так стоять рядом с Аресом, не обращая внимания на дождь. Из машины раздался гудок.

— Ты сможешь простить меня?

— Да, Арес.

— Даже если плотину прорвет, и погибнут тысячи?

— Мне уже не так важны тысячи, как раньше. Мне важен теперь только один человек. Я тоже была душой.

Арес наклонился и поцеловал любимую, милую, самую прекрасную женщину.

— Нам надо уехать отсюда. Пойдем, я на машине, — затем сказал он.

— Нет, Арес. Я не поеду. Тем более ты же не один приехал.

— Я тебя больше никогда не оставлю, ты что, не поняла этого?

— Ну что ж, тогда будем ждать божьей милости и прощения. — Мелисса повернулась к плотине.

Арес взял ее за руку. За спиной послышалось чертыханье и шлепанье по лужам. Обернувшись, молодые люди увидели Адель, направляющуюся к ним. Ее вид был весьма нелепым на высоченной шпильке, под огромным зонтом, она вот-вот норовила упасть в лужу.

— Я так поняла, что на самолет мы уже не успеем, — сказала девушка, — я поеду. Вот возьмите, — Адель протянула Аресу зонт. Когда он взял его, молодая звезда поспешила к машине, не говоря больше ни слова. Что ни говори, Адель была умной и умела уйти достойно. Она не понимала ничего из увиденного, но знала, что выяснять сейчас что-то бессмысленно. Спустя мгновение, машина немного пробуксовала в грязи и умчалась прочь.

Арес даже не проводил ее взглядом. Он был рад зонту и держал его теперь над Мелиссой, которая крепко прижалась к нему, и так эти двое и стояли, ожидая решения высших сил.

Как теперь хотелось жить! Как было страшно! Арес впервые в жизни молился. Он никогда не был верующим, хоть в приюте им и пытались привить любовь к богу, но теперь тот бог ни на что не мог повлиять. Он обратился к одному ему известному Богу Плотин, самому могущественному в его представлении. Только он мог помочь сейчас не потерять вновь обретенное. Стоит ли заключать сделку с ним? Обещать что-то? Что? Арес был на все согласен и считал, что если он Бог и он есть, он это и так знает. Ведь привел же ее сюда зачем-то? Единственный человек, кто не заслуживал никакой кары на земле, это Мелисса.

Хотя сама она так не считала. Она думала, что если плотину прорвет, то это будет всецело только ее вина. У нее был шанс когда-то помочь, все исправить, спасти Ареса, сделать с его помощью мир лучше, а она отвернулась от него и теперь час ее расплаты пришел.

Потом они сели на траву, ни на секунду не размыкая объятий, и так и остались сидеть, слушая стук капель по зонту. Они говорили и говорили, как в детстве, выкладывая все друг другу, о чем так долго молчали.

Они не заметили, что дождь стал стихать и, наконец, прекратился. А спустя еще какое-то время, подул ветер, небо очистилось, и впервые за несколько дней выглянуло солнце. Влюбленные не слышали этого, но гидрометцентр сообщил, что циклон ушел, дожди прекратились, и людей вновь ждала сухая и теплая погода. Никто в городе так и не узнал, что все они подверглись смертельной опасности и только по воле случая остались живы.

Мелисса проснулась рано в своей прежней маленькой квартирке. Она потянулась в кровати и окинула взглядом комнату. На полу стояли сумки с упакованными вещами. Не так уж и много, если учесть, что свое жилище она покидала навсегда. Куда она ехала, Мелли не знала, но ей было все равно. Тело затекло, ведь узкую кровать ей пришлось делить с огромным Аресом. Он предложил лечь спать на полу, но она в возмущении отвергла его предложение. Сегодня они переезжали, и Мелли была не в силах больше ждать. Она тихонько выскользнула из-под его тяжелой руки и отправилась на кухню. Девушка знала, что Арес всегда чутко спит. Он наверняка почувствовал, что она встала, но тем приятней ему будет получить в постель чашку ароматного кофе.

По случаю их переезда, Арес купил машину, и когда последняя сумка отправилась в багажник, они отправились в путь. В какой-то миг Арес резко нажал на тормоз и развернул машину. Мелисса испуганно посмотрела на возлюбленного, а он сказал:

— Прости, я забыл заехать в одно место. Это быстро.

Он подъехал к какому-то маленькому магазинчику на узкой улочке. Вышел, осмотрелся, а потом открыл дверцу перед Мелиссой.

— Пойдем.

Ничего не спрашивая, девушка пошла вслед за любимым. Он толкнул дверцу магазина и пропустил Мелиссу вперед. Они оказались в маленькой ювелирной лавке, за прилавком сидел совсем древний старичок. Он всмотрелся в посетителей, а потом сказал:

— Ну наконец-то! Что-то долго, молодой человек, вы не решались сделать предложение.

Мелисса удивленно посмотрела на Ареса, а тот сказал:

— Когда-то мне обещали здесь самые лучшие обручальные кольца. А я обещал, что приду за ними именно сюда. Я не мог не выполнить обещанного.

— Вы ведь могли и не успеть, молодой человек. Мне уж давно пора было быть в могиле, как вы мне сказали тогда. Но я вас ждал. Возможно, поэтому прожил лишних десять лет.

Хозяин магазина ушел в подсобку и долго не возвращался, а потом принес им коробочку с великолепными кольцами, шедевром ювелирного мастерства.

— Они действительно самые лучшие, — восхищенно сказала Мелисса.

Попрощавшись со старым ювелиром, Мелли и Арес покинули город. Ехали почти весь день и уже на закате добрались до места назначения. Мелли задремала и не видела, что они въехали в какой-то город и проехали его почти насквозь, выезжая на окраину. Когда машина остановилась, Мелисса проснулась и увидела, что подъехали они не к жилому дому, а к большому старинному строению. Оно явно требовало реставрации, но было крепким и надежным, выстроенным из мелкого красного кирпича. Дом прочно стоял на земле уже много лет, и готов было простоять еще столько же. Мелисса вышла из машины и недоуменно посмотрела на Ареса.

— Но что это?

— Это детский приют, Мелли. Его хотели закрыть из-за недостаточного финансирования, а я приобрел его. Это мой свадебный подарок тебе. Ты станешь матерью всем нуждающимся детям, и это будет самый хороший приют, какой только может быть.

Лучшие специалисты будут здесь работать, ведь мы сможем им достойно платить.

— Но, Арес, то, чем ты занимаешься...

Арес расхохотался:

— Я же не маньяк, Мелисса. Я могу и не заниматься.

— Тогда можно попросить тебя еще об одном подарке?

— О чем хочешь.

— Хочу нашего ребенка.

— Там готова пара комнат для нас, можно пойти и начать прямо сейчас.

И вот обнявшись, они переступили порог приюта, который вновь был готов стать им домом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net